ПРЕЗИДЕНТСКАЯ АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
РАНХИГС ЕКАТЕРИНБУРГ

ISSN 2304-3369
eISSN 2308-8842

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

MANAGEMENT ISSUES

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
УРАЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА
УПРАВЛЕНИЯ

ЭКОНОМИКА и УПРАВЛЕНИЕ
Взаимодействие стейкхолдеров при формировании и управлении децентрализованными фондами капитального ремонта жилищно-коммунального хозяйства

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
Самосохранительные практики населения

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ
Искусственный интеллект в управлении персоналом: возможности и угрозы

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ и ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА
Современная парадигма пенсионного обеспечения в Европе

Т. 18, № 4
2024

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

2024 Т. 18, № 4

MANAGEMENT ISSUES

2024, vol. 18, no. 4

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Чевтаева Наталия Геннадьевна – *Уральский институт управления – филиал РАНХиГС* (Екатеринбург, Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Багирова Анна Петровна – *Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина* (Екатеринбург, Россия)
Балынская Наталья Ринатовна – *Южно-Уральский институт искусств имени П.И. Чайковского* (Челябинск, Россия)
Керимов Александр Алиевич – *Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина* (Екатеринбург, Россия)
Литвиненко Александр Николаевич – *Санкт-Петербургский университет МВД России* (Санкт-Петербург, Россия)
Молчанов Игорь Николаевич – *Московский государственный университет имени М.В. Ломосонова* (Москва, Россия)
Ростовская Тамара Керимовна – *Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук* (Москва, Россия);
Руденкин Василий Николаевич – *Уральский государственный педагогический университет* (Екатеринбург, Россия)
Скоробогацкий Вячеслав Васильевич – *Уральский институт управления – филиал РАНХиГС* (Екатеринбург, Россия)
Атанесян Артур – *Ереванский государственный университет* (Ереван, Армения)
Кумар Правин – *Индийский институт высшего образования и исследований* (Ченнаи, Индия)
Сюлейманлы Эбульфез – *Университет Ускюдар* (Стамбул, Турция)
Тце Серене – *Университет Нинбо – Объединенный институт Университета Анже* (Нинбо, Китай)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Трушков Дмитрий Игоревич – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата и доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки)
5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)
5.2.4. Финансы (экономические науки)
5.2.6. Менеджмент (экономические науки)
5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)
5.4.7. Социология управления (социологические науки)
5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки).

В соответствии с письмом Высшей аттестационный комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации от 21.12.2023 № 3-ПЛ/1, журналу «Вопросы управления» присвоена категория К1.

МАТЕРИАЛЫ ЖУРНАЛА РАЗМЕЩАЮТСЯ:

– на официальном сайте;
– в научной электронной библиотеке eLibrary.ru;
– в открытой библиотеке CyberLeninka.ru;
– в ЭБС Лань;
– в библиотеке ЛитРес.

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Natalia G. Chevtaeva – Ural Institute of Management – branch of RANEPA (Ekaterinburg, Russia)

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Anna P. Bagirova – *Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin* (Ekaterinburg, Russia)
Natalia R. Balynskaya – *South Ural Institute of Arts named after P.I. Tchaikovsky* (Chelyabinsk, Russia)
Aleksandr A. Kerimov – *Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin* (Ekaterinburg, Russia)
Aleksandr N. Litvinenko – *Saint Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia* (Saint Petersburg, Russia)
Igor N. Molchanov – *Lomonosov Moscow State University* (Moscow, Russia)
Tamara K. Rostovskaya – *Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences* (Moscow, Russia)
Vasily N. Rudenkin – *Ural State Pedagogical University* (Ekaterinburg, Russia)
Vyacheslav V. Skorobogatsky – *Ural Institute of Management – branch of RANEPA* (Ekaterinburg, Russia)
Artur Atanesyan – *Erevan State University* (Erevan, Armenia)
Praveen Kumar – *Bharath Institute of Higher Education and Research* (Chennai, India)
Ebulfez Süleymanlı – *Uskudar University* (Istanbul, Turkey)
Serene Tze – *Ningbo University – University of Angers Joint Institute* (Ningbo, China)

EXECUTIVE SECRETARY

Dmitry I. Trushkov – Ural Institute of Management – branch of RANEPA

The journal is included in the list of leading peer-reviewed academic journals, where the basic scientific results of dissertations for the degree of Ph. D. and Advanced Doctor of sciences should be published. Articles for publication are accepted on the following scientific specialties and their corresponding branches of science: Economic theory, Regional and sectoral economy, Finance, Management (Economical Sciences); Social structure, social institutions and processes, Sociology of management (Sociological Sciences); Political institutions, processes, technologies (Political Sciences).

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-85748 от 25.08.2023.

The journal is registered as a mass medium by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Certificate of registration PI no. FS 77-85748 dated August 25, 2023.

Журнал входит в перечень журналов, утвержденный ученым советом РАНХиГС, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата и доктора наук по экономическим, социологическим и политическим наукам.

© Оформление. РАНХиГС, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА и УПРАВЛЕНИЕ

Ткаченко И. Н., Чечулин И. А.
Взаимодействие стейкхолдеров при формировании и управлении децентрализованными фондами капитального ремонта жилищно-коммунального хозяйства **5**

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Егорова Н. Ю., Ситникова И. В.
«Демографический» фактор рождаемости: оценка потенциала территории на примере Нижегородской области **25**

Назарова И. Б.
Самосохранительные практики населения **41**

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ

Овчинникова О. П., Лебедева Д. В.
Искусственный интеллект в управлении персоналом: возможности и угрозы **55**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ и ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

Молина О. А., Ярин В. Ю., Львова М. И., Юзвович Л. И.
Современная парадигма пенсионного обеспечения в Европе **68**

Чижов А. А.
Уровни цифрового неравенства: особенности проявления в Уральском федеральном округе **80**

CONTENTS

ECONOMICS and MANAGEMENT

Tkachenko I. N., Chechulin I. A.
Decentralized major renovation funds' accumulation: Aspect of stakeholder interactions **5**

SOCIAL MANAGEMENT

Egorova N. Yu., Sitnikova I. V.
'Demographic' factor of fertility: Assessing territorial potential on the example of the Nizhny Novgorod region **25**

Nazarova I. B.
Self-preservation practices of the population **41**

CORPORATE MANAGEMENT

Ovchinnikova O. P., Lebedeva D. V.
Artificial Intelligence in human resources management: Opportunities and threats **55**

PUBLIC MANAGEMENT and PUBLIC ADMINISTRATION

Molina O. A., Yarin V. Yu., Lvova M. I., Yuzvovich L. I.
Modern pension paradigm in Europe **68**

Chizhov A. A.
The levels of digital inequality: Features of the impact in the Ural federal district **80**

ЭКОНОМИКА и УПРАВЛЕНИЕ

ECONOMICS and MANAGEMENT

DOI: 10.22394/2304-3369-2024-4-5-23 ВАК: 5.2.6
EDN: WJTRYH УДК: 332.8

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТЕЙКХОЛДЕРОВ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ И УПРАВЛЕНИИ ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННЫМИ ФОНДАМИ КАПИТАЛЬНОГО РЕМОНТА ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

И. Н. Ткаченко[a], **И. А. Чечулин**[a]
[a] Уральский государственный экономический университет
(Екатеринбург, Россия)

АННОТАЦИЯ:

Введение. Целью данного исследования является системный анализ взаимоотношений стейкхолдеров по вопросу формирования децентрализованных фондов капитального ремонта и управления ими. Высокая социальная значимость проведения капитальных ремонтов жилой недвижимости, в совокупности с высокой степенью износа, обуславливает необходимость согласованного и эффективного стейкхолдерского взаимодействия, вовлечения органов публичной власти в софинансирование расходов и выработки эффективных механизмов рационального размещения средств децентрализованных фондов капитального ремонта, формируемых на специальных счетах в банковских организациях, и защите их от инфляционных процессов.

Материалы и методы. Авторы исследуют институциональные факторы осуществления капитального ремонта многоквартирных домов, выявляют ключевых стейкхолдеров этих процессов, их интересы и риски, выявляют наличие агентской проблемы. На основе статистических данных и нормативно-правовых актов проводится экономическое моделирование формирования децентрализованного фонда капитального ремонта на примере действующего товарищества собственников жилья, рассчитываются целевые показатели эффективности управления фондом капитального ремонта.

Результаты. Проведенное исследование выявило несостоятельность текущих подходов к управлению децентрализованными фондами капитального ремонта и невозможность формирования фондов капитального ремонта в достаточном размере для замены лифтового оборудования по истечении срока безопасной эксплуатации без внешнего финансирования. Авторы проводят исследование агентской проблемы, возникающей при управлении средствами, размещенными на специальных счетах для осуществления капитального ремонта, и выявляют наличие неформальных институциональных факторов, препятствующих формированию «зрелого собственника недвижимости».

Обсуждение. По результатам исследования авторами предложены меры нормативно-правового регулирования, которые смогут положительно повлиять на эффективность отношений по вопросу образования и управления децентрализованными фондами капитального ремонта. Помимо нормативно-правовых мер, авторы считают необходимым привлекать муниципальных депутатов в информационно-просветительских мероприятиях, направленных на формирование «зрелого собственника недвижимости». Научная новизна настоящего исследования состоит в развитии методов управления и регулирования вопросов формирования децентрализованных фондов капитального ремонта на основе синтеза стейкхолдерского и институционального подходов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: стейкхолдерский подход, агентская проблема, жилищно-коммунальное хозяйство, управление жилой недвижимостью, капитальный ремонт

© И. Н. Ткаченко, И. А. Чечулин, 2024
Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Исследование выполнено при поддержке УрГЭУ в рамках гранта (технического задания) ТЗ-5.2022/1.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: **Ткаченко И. Н., Чечулин И. А.** Взаимодействие стейкхолдеров при формировании и управлении децентрализованными фондами капитального ремонта жилищно-коммунального хозяйства // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 4. С. 5-23. EDN WJTRYH. DOI 10.22394/2304-3369-2024-4-5-23.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Ткаченко Ирина Николаевна – доктор экономических наук, профессор; Уральский государственный экономический университет (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45) — *заведующий кафедрой корпоративной экономики и управления бизнесом*; tkachenko@usue.ru. SPIN-код: 6825-9785, ORCID: 0000-0003-0996-0684, ScopusID: 56906348200, ResearcherID: B-3622-2017.

Чечулин Иван Алексеевич – Уральский государственный экономический университет (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45) — *преподаватель колледжа*; hcehculin_ia@usue.ru. SPIN-код: 1568-8504, ORCID: 0000-0001-9733-5090.

Статья поступила 22.02.2024; рецензия получена 26.03.2024; принята к публикации 14.04.2024.

DECENTRALIZED MAJOR RENOVATION FUNDS' ACCUMULATION: ASPECT OF STAKEHOLDER INTERACTIONS

I. N. Tkachenko[a], **I. A. Chechulin**[a]
[a] Ural State University of Economics
(Ekaterinburg, Russia)

ABSTRACT:

Introduction. The purpose of this study is a systematic analysis of the stakeholder relations on the issue of the formation and management of decentralized capital repair funds. The high social significance of capital repairs of residential real estate, coupled with a high degree of wear and tear, determines the need for coordinated and effective stakeholder interaction, the involvement of public authorities in co-financing expenses and the development of effective mechanisms for the rational allocation of funds from decentralized capital repair funds formed in special accounts in banking organizations and protecting them from inflationary processes.

Materials and methods. The authors explore institutional factors in the implementation of major renovations of apartment buildings, identify the key stakeholders of these processes, their interests and risks, and reveal the presence of an agency problem. Based on statistical data and regulations, the authors conduct economic modeling of the formation of a decentralized capital repair fund using the example of an existing homeowners' association, and calculate target indicators for the efficiency of capital repair fund management.

Results. The conducted research revealed inconsistency of the current management approaches and the impossibility of forming major overhaul funds in sufficient size to replace elevator equipment after the shelf life expiry without external financing. The authors conduct a study of the agency problem that arises when managing funds placed in special accounts for major overhaul, and identify the presence of informal institutional factors that prevent the formation of a "mature real estate owner".

Discussion. Based on the results of the study, the authors proposed regulatory measures that could positively affect the effectiveness of relations on the issue of formation and management of decentralized capital repair funds. In addition to regulatory measures, the authors consider it necessary to involve municipal deputies in awareness-raising activities aimed at creating a "mature property owner." The scientific novelty of this study consists in the development of management and regulation methods for the formation of decentralized capital repair funds on the basis of the synthesis of stakeholder and institutional approaches.

KEYWORDS: stakeholder approach, agency problem, housing and communal services, residential property management, major repairs

FOR CITATION: **Tkachenko, I. N., & Chechulin, I. A.** (2024). Decentralized major renovation funds' accumulation: aspect of stakeholder interactions. *Management Issues*, *18*(4), 5–23. https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-4-5-23

AUTHORS' INFORMATION:

Irina N. Tkachenko – Advanced Doctor in Economic Sciences, Full Professor; Ural State University of Economics (62/45, 8 Marta/Narodnoy Voli St., Ekaterinburg, 620144, Russia) — *head of the Department of Corporate Economics and Business Management*; tkachenko@usue.ru. RSCI SPIN: 6825-9785, ORCID: 0000-0003-0996-0684, ScopusID: 56906348200, ResearcherID: B-3622-2017.

Ivan A. Chechulin – Ural State University of Economics (62/45, 8 Marta/Narodnoy Voli St., Ekaterinburg, 620144, Russia) — *college teacher*; hcehculin_ia@usue.ru. RSCI SPIN: 1568-8504, ORCID: 0000-0001-9733-5090.

The article was submitted 02/22/2024; reviewed 03/26/2024; accepted for publication 04/14/2024.

■ ВВЕДЕНИЕ

Одним из основных социальных прав, гарантированных Конституцией Российской Федерации, является право на жилище. Это право включает в себя гарантированную для каждого гражданина РФ возможность быть обеспеченным постоянным жилищем, а также возможность стабильного и комфортного пользования жилым помещением во всех разновидностях постоянного жилищного фонда.

Для обеспечения надлежащего качества проживания граждан в жилых помещениях необходимо осуществлять эксплуатацию жилого фонда на должном уровне, в соответствии с нормативными сроками проводя текущие и капитальные ремонты. На текущий момент средний процент износа многоквартирных домов в Свердловской области составляет 31,22%, а доля аварийных объектов – 5,28%. Суммарно в реестре аварийного жилья по всей территории России содержатся сведения о более чем 114 тысячах многоквартирных домов[1].

Отдельно выделяется вопрос замены лифтового оборудования, так как срок его службы может не совпадать с периодом проведения капитального ремонта по причине принятия Технического регламента Таможенного союза, установившего срок службы лифта равным 25 годам со дня его ввода в эксплуатацию, а также наличием государственной программы софинансирования расходов на замену лифтового оборудования, успешная реализация которых на местах требует грамотных и скоординированных действий заинтересованных лиц. В соответствии с краткосрочными планами реализации Региональных программ капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах на 2024 годы общая сумма затрат составит 392625 млн рублей, из них расходы на замену лифтового оборудования составляют 25,49%. Отметим, что пропорции расходов по Свердловской области существенно отличаются от статистики по регионам в целом и доля расходов на 2024 год по замене лифтового оборудования составляет 9,75%. По планам на 2024 год, на территории Свердловской области запланированы расходы в сумме 978 млн рублей на замену и ремонт лифтового оборудования[2], 96% средств составляют накопления собственников, в 199 домах замена лифтов будет проводиться в рамках реализации подлежащих замене в рамках реализации государственной программы Свердловской области «Формирование современной городской среды на территории Свердловской области на 2018–2027 годы». Согласно сообщениям Ростехнадзора, которому в марте 2023 года возвращены функции по контролю и надзору за лифтовым хозяйством, в России вводится в эксплуатацию до 35 000 лифтов. В настоящее время в России зарегистрировано около 496 000 лифтов, из них около 100 000 отработали назначенный 25-лет-

[1] Фонд развития территорий : сайт. – URL: https://аис.фрт.рф/opendata (дата обращения: 12.02.2024)

[2] Государственная информационная система жилищно-коммунального хозяйства : сайт. – URL: https://dom.gosuslugi.ru/#!/crp-plans-execution (дата обращения: 12.02.2024)

ний срок службы, что вызывает обеспокоенность по поводу безопасности и надежности.

Целью данного исследования является системный анализ взаимоотношений стейкхолдеров по вопросу формирования децентрализованных фондов капитального ремонта и управления ими. Исследование позволит выявить основные проблемы и вызовы, а также позволит разработать эффективные стратегии повышения эффективности управления фондами капитального ремонта. В целях проведения исследования авторы проводят изучение воздействия институциональных факторов при проведении капитального ремонта и при формировании децентрализованных фондов на спецсчетах, исследуют взаимодействие стейкхолдеров проекта капитального ремонта в целях максимизации учета взаимоотношений заинтересованных лиц, применяя методы экономического анализа, исследуя динамику доходности депозитных счетов и потребительских цен, и определяют возможность формирования достаточных фондов для проведения капитального ремонта.

В разделе данной статьи «Материалы и методы» представлена методика исследования, состоящая в изучении взаимоотношений стейкхолдеров по вопросам формирования и использования децентрализованных фондов капитального ремонта, исследовании научно-методических основ и научного задела в области стейкхолдерского и институционального подходов, определении институциональных факторов, влияющих на проведение капитального ремонта многоквартирных домов. В разделе данной статьи «Результаты» представлены сведения об интересах стейкхолдеров и их конфликтах. Авторы проводят моделирование формирования и использования фонда капитального ремонта на основе статистических данных; исследуют агентскую проблему как ключевой фактор, формирующий предпосылки к невозможности формирования фондов капитального ремонта в полном объеме, и предлагают пути ее решения.

Методологической основой исследования являются системный подход, экономическое и концептуально-логическое моделирование, методы научного прогнозирования. Авторы опираются на стейкхолдерский подход в исследовании экономических и управленческих отношений, применяют методы системного анализа, индуктивный метод и метод матриц интересов стейкхолдеров. Эмпирической основой исследования являются статистические сборники, нормативно-правовые акты и бухгалтерская отчетность предприятий отрасли.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Стейкхолдерский подход

Начало системному применению стейкхолдерского подхода в исследовании проблем управления положено в 1984 году с работы Р. Е. Фримена[3]. Дальнейшее развитие стейкхолдерской модели управления нашло отражение в работах многих авторов, таких как М. А. Кларксон [1], Г. Сэвэдж [2] и других как отечественных, так и зарубежных исследователей, изучая конкретные примеры управленческих задач, моральные аспекты, роль совещательной демократии, ответственное лидерство, организационную легитимность, инновации и предпринимательство.

Интерес вызывают работы, изучающие взаимосвязь между качеством взаимодействия со стейкхолдерами и экономическими показателями работы предприятий. Так, в работе Б. Ченга [3] выявляется взаимосвязь между уровнем социальной ответственности предприятия перед стейкхолдерами и доступностью финансовых ресурсов для такого предприятия, что объясняется снижением транзакционных расходов за счет расширения взаимодействия со стейкхолдерами и уменьшением информационной асимметрии из-за повышения прозрачности. В исследовании К. Гупта [4] разработана типология стратегий взаимодействия со стейкхолдерами на примере транснациональных корпораций и выделяется пять основных стратегий в той или иной мере, ориентированных на работников или собственников. В. Хайнц [5], на основе эмпирических данных о более чем 50 тысячах событий, рассчитывает зависимость роста биржевой стоимости компаний за счет улучшения взаимодействий со стейкхолдерами без фактического прироста активов, данное исследование демонстрирует высокую значимость эмоционально-волевой сферы в вопросах корпоративного управления. Т. Джонс [6] разрабатывает стратегию «близких взаимоотношений» со стейкхолдерами, которая позволяет повысить качество координации, снизить агентские издержки, луч-

[3] Freeman R. E. (1984). *Strategic Management: A Stakeholder Approach*. Pitman.

ше обмениваться знаниями и опытом, но также формирует риски злоупотреблений со стороны нечестных стейкхолдеров. В совокупности эти работы убеждают в экономически обоснованной необходимости внедрения стратегий открытого и тесного взаимодействия с широким кругом стейкхолдеров, в том числе и в сфере ЖКХ.

Проблематика применения стейкхолдерского подхода в российском исследовательском поле активно обсуждается с начала 2000-х годов [7; 8]. Многие отечественные авторы, такие как И. В. Ивашковская [9], Т. Т. Вашакмадзе [10], И. Н. Долматова [11], В. Г. Когденко [12], А. А. Злыгостев [13], И. Н. Ткаченко [14], Л. А. Раменская [15], Е. Ю. Кравченко [16], Р. К. Габдулдаянова [17], Д. В. Роднянский [18], А. Е. Плахин [19] и другие, продолжают разрабатывать это направление исследований.

Особый интерес представляет для нас проблема эффективного взаимодействия разных групп держателей интересов. Участники взаимодействия стейкхолдеров проявляют интерес к обмену своего ресурса на ожидаемые выгоды, при этом интерес стейкхолдеров можно представить как ресурс, без наличия и учета которого невозможно достижение целей, развитие отдельных компаний, улучшение их экономических показателей. Интерес можно рассматривать как ресурс управления поведением субъектов корпоративных отношений [20], кроме того, в отношениях стейкхолдеров корпорации можно говорить о ресурсах для их взаимодействия, то есть таких, которые обладают ценностью хотя бы для одного участника корпоративных отношений [21, с. 20]. В ресурсной концепции фирмы рассматривается механизм, согласно которому потребность компании в ресурсах предоставляет стейкхолдерам благоприятные возможности для установления контроля над ней: стейкхолдеры добиваются возможности решать, получит ли компания ресурсы, и определяют, сможет ли она использовать их должным образом [22]. Просматривается взаимовлияние стейкхолдеров и компании. При этом компании более отзывчивы к требованиям тех стейкхолдеров, которые обладают ценными ресурсами, и, наоборот, готовы игнорировать тех, от кого они менее зависят. По Фрумену, высокий уровень зависимости компании от стейкхолдеров означает, что их благостостояние тесно связано с благосостоянием компании, отсюда исходят управленческие воздействия как самой компании, формирующей ту или иную стратегию по отношению к заинтересованным сторонам, так и самих стейкхолдеров [22, с. 201]. Заинтересованные стороны компании вступают в отношения между собой исключительно с целью ресурсного обмена [23, с. 59]. Включение каждого стейкхолдера во взаимовыгодные отношения с другими заинтересованными сторонами возможно только на основе достижения партнерских отношений при достижении баланса между ними [24]. Вступая в ресурсный обмен, стейкхолдеры образуют сеть взаимоотношений, стремятся к достижению баланса между всеми участниками, что позволяет избавиться от нежелательных посредников в сети и обеспечить приток более качественных ресурсов от одной группы заинтересованных лиц к другой [25].

Среди работ, имеющих прикладную значимость и внесших вклад в развитие стейкхолдерского подхода в сфере ЖКХ, следует выделить исследование Гришковой Н. С. [26], в котором на основе синтеза институционального и стейкхолдерского подходов разработаны методы государственного регулирования социально-экономических отношений в ЖКХ. Стейкхолдерский подход в различной степени глубины проработки находит отражение и в других работах Гришковой Н. С. [27], Смирнягина Н. С. [28], Саввиной И. С. [29], Провоторова И. А. [30], Ткаченко И. Н. [31]. По мнению авторов, тем не менее, наблюдается нехватка прикладных исследований с позиций стейкхолдерского и институционального подходов, имеющих прикладное значение, учитывая широкий спектр и остроту отраслевых проблем.

Особо отметим, что исходя из положений п. 1 ст. 1 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»[4], органы государственной власти и местного самоуправления рассматриваются нами как единый стейкхолдер отношений, возникающих по вопросу формирования и использования децентрализованных фондов капитального ремонта. Вместе они образуют единую систему публичной власти.

[4] Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации (с изм. на 04.08.2023) (редакция, действующая с 01.01.2024 года) : Федеральный закон 414-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 52, ч. 1. Ст. 8973.

Институциональные факторы капитального ремонта многоквартирных домов

Дж. Ходжсон [32] определяет институты как системы установленных и распространенных социальных правил, которые структурируют социальные взаимодействия. Он предлагает определение института как нормативного предписания или диспозиции, согласно которой в определенных обстоятельствах нужно совершать определенные действия. Институты могут различаться по форме и содержанию, будучи как закодированными в формальные правила, так и остающимися неофициальными [33]. Они также могут иметь различную юридическую силу. Важно отметить, что институты не просто закономерности в потоке событий, хотя они могут влиять на них. Они продолжают существовать даже при отсутствии конкретной реализации, на что указывает в своей работе С. Флитвуд [34].

Среди недавних работ, посвященных институциональному подходу, авторы выделяют исследования Н. Фахина [35], Е. Розенбаума [36] и А. Самади [37], в которых исследуются институциональные причины различий в благосостояниях национальных экономик и вводится понятие «институциональной инерции», которая возникает при взаимодействии формальных и неформальных институциональных факторов. Именно неформальные факторы выделяются в качестве базовых, выступающих основой для формирования формальных институциональных факторов, нормативно-правовой базы. В этих исследованиях успешно проводится синтез институциональной и поведенческой экономической мысли.

Проблематике осуществления капитальных ремонтов посвящено множество работ отечественных авторов, так, И. А. Кузнецов [38] изучает аспект экономической безопасности собственников жилья и предлагает внедрение энергосберегающих технологий. Ранее авторы уже отмечали, что внедрение современных интеллектуальных приборов учета способствует повышению прозрачности отношений между стейкхолдерами, улучшает платежную дисциплину и повышает качество оказания услуг [39]. Среди работ, в которых проблематика капитального ремонта рассматривается через аспекты взаимодействия стейкхолдеров и институциональные факторы, выделим также исследования Ларина С. Н. [40], Сафроновой Н. Б. [41]. В работе Барбашовой Н. Е. [42] подробно рассматриваются институциональные факторы межбюджетных трансфертов и их влияние на инфраструктурное развитие территорий, проводится критический анализ подходов к определению сумм дотаций, выделяемых субъектам Федерации на развитие дорожной сети. Институциональный подход к исследованию рынка недвижимости также применяется в работе Нуреева Р. М. [43], где выявляются факторы, формирующие пласт собственников жилой недвижимости как ключевой группы стейкхолдеров, в противовес зарубежным рынкам арендной недвижимости. Работа Нуреева интересна с точки зрения прогнозирования развития рынка недвижимости и изменения численного баланса стейкхолдеров в вопросах капитального ремонта жилья.

Можно заметить различия в походах к выделению институтов от достаточно узких, ограничивающихся нормативно-правовыми основами, так и достаточно широких, что отмечено в исследованиях Тамбовцева В. Л. [44; 45]. Однако в институциональном исследовательском подходе важное значение имеет феномен власти, задающий через механизмы принуждения для стейкхолдеров рамки действий и взаимодействий, которые направляют и регулируют поведение, влияя на стимулы стейкхолдеров посредством позитивных и негативных санкций. Исходя из этого, в настоящей статье авторы уделяют внимание тем институциональным факторам, которые имеют в своей природе санкционный элемент.

Регулятивную, институциональную основу взаимоотношений заинтересованных сторон в сфере ЖКХ, в том числе и по поводу осуществления капитального ремонта, формирует государство. Нормы, правила, условия этих отношений (институты) заложены в нескольких нормативно-законодательных актах, представленных в Таблице 1.

Как видно из таблицы 1, формальные институциональные факторы обладают как позитивными, так и негативными санкциями в отношении стейкхолдеров и способствуют формированию открытой среды, вовлекающей жильцов во взаимодействие и осуществление общественного контроля за исполнением нормативных требований, предоставляя широкие возможности ознакомления с отчетностью управляющих организаций и воздействия на них.

Таблица 1 — Нормативно правовая база регулирования капитального ремонта многоквартирных домов
Table 1 — Regulatory framework for the regulation of capital repairs of apartment buildings

№	Наименование	Область регулирования	Санкции
1	«Жилищный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 № 188-ФЗ	Правовое положение собственников жилых помещений; порядок предоставления коммунальных услуг и внесения платы за жилое помещение; управление многоквартирными домами и прочее; аккредитация кредитных организаций Банком России	Комплекс негативных санкций, предусмотренных ст.ст. 7.19 – 7.24 КоАП
2	Федеральный закон от 14 июля 2014 года № 209-ФЗ	Раскрытие информации и обеспечение прозрачности в ЖКХ	Комплекс негативных санкций, предусмотренных ст. 13.19.1 КоАП
3	Федеральный закон от 13.07.2015 № 225-ФЗ	О содействии развитию и повышению эффективности управления в жилищной сфере;	Комплекс позитивных санкций финансирования развития
4	Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ	Порядок регистрации недвижимости	Снос самовольной постройки ст. 222 ГК РФ
5	Федеральный закон от 29 июля 2017 года № 218-ФЗ	О публично-правовой компании «Фонд развития территорий»	Комплекс позитивных санкций финансирования развития
6	Постановление Правительства РФ от 26.08.1996 № 1010	Об Агентстве по ипотечному жилищному кредитованию	Комплекс позитивных санкций финансирования развития
7	Постановление Правительства РФ от 13.08.2006 № 491	Правила содержания общего имущества в многоквартирном доме	Комплекс негативных санкций, предусмотренных ст.ст. 7.19 – 7.24 КоАП
8	Постановление Правительства РФ от 17 января 2017 г. № 18	Правила предоставления финансовой поддержки за счет средств государственной корпорации – Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства на проведение капитального ремонта многоквартирных домов	Комплекс позитивных санкций финансирования развития
9	Приказ Минстроя России от 28.01.2019 № 44/пр	Требования к оформлению протоколов общих собраний собственников помещений в многоквартирных домах	Комплекс негативных санкций, предусмотренных ст. 13.19.1 КоАП
10	Приказ Росстандарта от 11.06.2014 № 543-ст ГОСТ Р 51929-2014	Национальный стандарт Российской Федерации. Услуги жилищно-коммунального хозяйства и управления многоквартирными домами	Комплекс негативных санкций, предусмотренных ст.ст. 7.19 – 7.24 КоАП
11	Приказ Росстандарта от 27.10.2014 № 1445-ст.ГОСТ Р 56193-2014	Национальный стандарт Российской Федерации. Услуги жилищно-коммунального хозяйства и управления многоквартирными домами. Услуги капитального ремонта общего имущества многоквартирных домов.	Комплекс негативных санкций, предусмотренных ст.ст. 7.19 – 7.24 КоАП
12	Постановление Конституционного Суда РФ от 12.04.2016 № 10-П	Федеральному законодателю предписано предусмотреть правовой механизм функционирования региональных операторов, обеспечивающий в случае прекращения деятельности конкретного регионального оператора непрерывность исполнения обязательств по капремонту перед собственниками помещений, а также дополнительные меры, направленные на обеспечение информирования собственников помещений и управляющих организаций о содержании региональной программы капремонта и критериях оценки состояния многоквартирных домов, на основании которых определяется очередность проведения капремонта.	Комплекс негативных санкций, предусмотренных ст. 13.19.1 КоАП.

Проживание в многоквартирном доме стало привычным образом жизни для многих людей. Эти здания, также известные как многоквартирные жилые дома, характеризуются наличием более двух отдельных жилых помещений, часто с множеством соседей, живущих в непосредственной близости. Хотя каждая квартира находится в индивидуальной собственности, в здании есть различные помещения, которые считаются общей собственностью и должны управляться коллективно. К общему имуществу в многоквартирном доме относятся, помимо прочего, лестничные клетки, коридоры, кровля, наружные стены, чердаки, подвалы, инженерные системы.

Управление многоквартирным домом предполагает скоординированные усилия отдельных собственников по обеспечению надлежащего содержания общего имущества, принятия решений по его использованию и предоставления жильцам коммунальных услуг. Ключ к эффективному управлению заключается во фразе «скоординированные усилия отдельных владельцев». Для эффективного управления общим имуществом собственникам крайне важно познакомиться со своими совладельцами, понять объем общего имущества и определить наилучший способ управления им.

Важно отметить, что собственники несут ответственность за надлежащее содержание общего имущества, предусмотренную законодательством Российской Федерации. Особенности общего имущества определяются техническим паспортом здания и утверждаются решением общего собрания собственников имущества или соответствующих государственных органов.

Основную часть процесса управления многоквартирным домом составляют содержание, а также текущий и капитальный ремонт общего имущества.

Общее собрание представляет собой орган, участие в котором дает собственникам помещений возможность обмениваться информацией по вопросам управления и участвовать в принятии решений. Таким образом, участие в общем собрании – это не только обязанность для собственников помещений, но и возможность получить полезную и необходимую информацию о требованиях законодательства, различных проблемах в здании, в котором они проживают, и выбрать пути их решения. Кроме того, использование такого органа управления, как общее собрание, служит разрешению конфликтов между собственниками и управляющей организацией и дает возможность согласовывать необходимые действия и решения между собственниками здания.

Чаще всего общие собрания проводятся для обсуждения вопросов, связанных с капитальным ремонтом и выбором управляющей организации, так как без решения общего собрания капитальный ремонт просто невозможен.

Капитальному ремонту подлежит имущество, нормативное техническое состояние которого не может быть обеспечено при проведении текущего ремонта, за исключением случаев признания многоквартирных домов аварийными, подлежащими переселению и сносу.

Расходы на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме финансируются за счет фонда капитального ремонта и других источников, не запрещенных законом. Оплата расходов на капитальный ремонт является обязанностью всех собственников помещений, за некоторыми исключениями. Законом субъекта Российской Федерации может быть предусмотрена компенсация расходов на оплату взноса на капитальный ремонт следующим категориям граждан.

Способы формирования фонда капитального ремонта установлены в части 3 статьи 170 Жилищного кодекса Российской Федерации. Они предусматривают перечисление взносов на специальный счет либо перечисление взносов на счет регионального оператора. Собственники многоквартирного дома имеют право принять решение о формировании фонда капитального ремонта на специальном счете в банке и самостоятельном расходовании денежных средств на необходимые работы. Управление региональным фондом капремонта возлагается на уполномоченных специалистов, в то время как управление спецсчетом ложится на плечи жителей. Денежные средства на специальном счете представляют собой децентральный фонд капитального ремонта.

Банк, в котором открыт спецсчет, осуществляет контроль целевого списания денег. Этот банк также начисляет проценты на остаток по счету и взимает банковские комиссии за обслуживание. Однако управляющая компания и ТСЖ не являются полноправными владельцами счета и он переходит к новому владельцу при смене или ликвидации предыдущего. Взыскание по обязательствам владельца спецсчета не может быть обращено на деньги на спецсчете даже в случае его банкротства, ликвидации или реорганизации.

Существует несколько способов получить дополнительный доход собственникам, принявшим решение об открытии спецсчета для формирования фонда капитального ремонта. Во-первых, доход может быть получен в виде начисленных банком процентов на остаток денежных средств на счете. Во-вторых, собственники могут разместить временно свободные средства фонда капитального ремонта на спе-

циальном депозите с более высокой ставкой. Этот депозит может быть заключен с тем же банком, в котором открыт спецсчет, или с другим.

Решение о размещении средств на специальном депозите может быть принято только общим собранием собственников жилья. Для принятия решения о размещении средств на специальный депозит необходимо не менее 2/3 голосов от общего числа голосов собственников жилья. Полученный доход можно использовать только для проведения ремонтных и эксплуатационных работ. Специальный вклад открывается на определенный срок и на определенную сумму, на которую банк начисляет проценты, формирующие доход.

Большинство многоквартирных домов на территории Свердловской области пользуются фондом регионального оператора в целях проведения капитального ремонта, что графически отображено на рисунке 1. Однако количество домов, самостоятельно формирующих фонд капитального ремонта, достаточно велико, что подчеркивает высокую значимость внимания к качеству управления ими.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Стейкхолдеры проекта капитального ремонта

Проведение капитального ремонта многоквартирного дома является дорогостоящей процедурой, предусматривающей формирование значительного по объему денежного фонда. Формирование фонда обуславливает вовлечение в проект банковской организации как хранителя денежных средств, лица, ответственного за соблюдение целевого характера расходования денежных средств, и возможного участника софинансирования проведения капитального ремонта. Таким образом, уровень заинтересованности банковской организации оказывается достаточно высок.

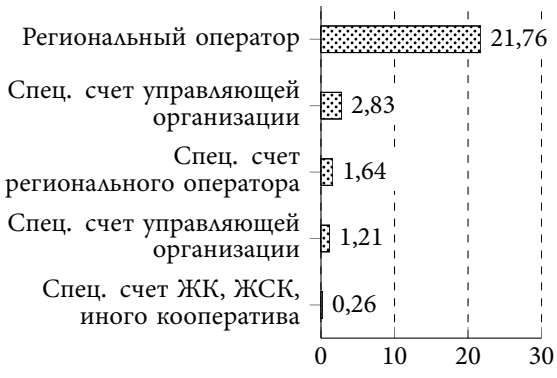


Рис. 1. Структура распределения многоквартирных домов по способу формирования фонда капитального ремонта в Свердловской области (в тыс.)

Fig. 1. The structure of the distribution of apartment buildings by the method of forming the capital repair fund in the Sverdlovsk region (thousand)

Непосредственным интересантом являются собственники помещений, от чьей активной позиции во многом зависит успешность проведения капитального ремонта. Они же являются наиболее заинтересованными в рациональном расходовании денежных средств как непосредственные долгосрочные потребители результатов проекта. В таблице 2 представлены заинтересованные лица (стейкхолдеры) при проведении капитальных ремонтов жилых помещений и их основные интересы.

Матрица позволяет наглядно увидеть, что в вопросе формирования и использования фонда возникает противоречие интересов банка, собственников помещения и руководителя управляющей организации. Размещение денежных средств на специальном счете создает риск обесценения, поэтому собственники крайне заинтересованы в их эффективном размещении, в противовес этому банковская организация, неся расходы по контролю за использованием счета, заинтересована в безвозмездном пользовании денежными средствами на счету. В таких обстоятельствах на передний план выходит руководитель управляющей организации, от активной работы которого зависит принятие решения об открытии специального депозита. При отсутствии высокой социальной активности жителей (а точнее, пассивности большей части жителей) образуется риск формирования агентских взаимоотношений межу банковской организацией и руководителем управляющей организации, по которой последний будет фактически получать часть вознаграждения, предназначенного к зачислению на спецсчет.

Аналогичная заинтересованность возникает у руководителя управляющей компании при реализации проекта капитального ремонта. Взаимодействие с банковской организацией также может предусматривать агентское вознаграждение для него. При этом сами жители не заинтересованы в увеличении взносов по капитальному ремонту на сумму процентов по кредитному договору.

Таблица 2 — Матрица интересов стейкхолдеров
Table 2 — Matrix of stakeholders' interests

	Качество и безопасность	Низкие цены	Проценты по кредиту	Проценты по вкладу
Собственники жилья	+	+	–	+
Руководитель управляющей организации	+	–	+	–
Органы государственной власти и местного самоуправления	+	+	–	–
Банк	–	–	+	–
Подрядчики (ремонтные организации)	+	–	–	–
Производитель лифтового оборудования	+	–	–	–

В Свердловской области и ряде других регионов России существует опыт субсидирования владельца спецсчета в целях возмещения части затрат на выполнение мероприятий по замене лифтов. Отбор многоквартирных домов для субсидирования осуществляется по результатам заседания комиссии. Замена лифтового оборудования проводится по зафиксированной цене на условиях оплаты аванса 30% со спецсчета и оплаты 20% после приемки работ. 50% субсидируется за счет финансовой поддержки субъекта Федерации и муниципального образования в виде возмещения части затрат на проведение работ по замене лифтов.

В целях экономного расходования бюджетных средств, государственные органы заинтересованы в рациональном размещении средств децентрализованных фондов капитального ремонта. Это сближает собственников помещений и органы власти, создавая предпосылки к скоординированной результативной деятельности.

В таких обстоятельствах на передний план выходит формирование условий для применения практик размещения денежных средств децентрализованных фондов капитального ремонта на депозитных счетах банков.

Формирование фонда капитального ремонта

В 2021 году Щербинский лифтостроительный завод (ЩЛЗ) занимал 20% рынка лифтового оборудования, а *Otis Elevator Company* – второе место с долей 16%, благодаря локализованному производству. Компания KONE занимала третье место с долей 3%. Доли остальных европейских производителей (*Schindler*, *ThyssenKrupp Elevator*, *Kleemann*) на российском рынке были ниже – 0,7%, 1,1% и 0,4% соответственно[5].

В 2022 году из России ушли крупные мировые компании *Otis*, *Schindler*, *Thyssen* и KONE. Российские производители лифтов столкнулись с нарушениями в поставках комплектующих и элементов архитектуры. Несмотря на это, количество местных производителей не уменьшилось. На рынке остались российские компании: ЩЛЗ, Карачаровский механический завод, Сиблифт, МЭЛ, Евролифтмаш, Серпуховский лифтовый завод и белорусский Могилевмаш. Otis продал свои активы в России, что привело к появлению нового игрока – METEOR Lift.

Хотя рынок лифтового оборудования остается достаточно конкурентным и развитым, сегодняшняя геополитическая обстановка делает критически важной локализацию производства компонентов и элементов архитектуры лифтов, особенно с точки зрения обеспечения безопасности.

При проведении исследования авторы столкнулись с расхождениями в статистической информации, представленной в сборниках Федеральной службы государственной статистики, и фактическими данными по расходам на проведение капитального ремонта в городе Екатеринбурге. Так, например, согласно статистическим данным, средняя стоимость лифтового оборудования по состоянию на декабрь 2023 года составляет 908 тысяч рублей[6], однако, по данным АО «Щербинский лифтостроительный завод», средняя цена по состоянию на сентябрь 2022 года составляет 3 226 тысяч рублей, при наименьшей розничной цене 1474 рубля.

Однако еще большее расхождение было отмечено в динамике средней цены. Согласно статистическому сборнику Федеральной службы статистики за 2023 год, средняя цена практически не менялась с января 2021 года, в то время

[5] Лифты, введенные в эксплуатацию в Российской Федерации. 2021 год. Ежегодный информационно-аналитический справочник. Выпуск № 12 – М.: НЛС, 2022, 215 с.

[6] Федеральная служба государственной статистики : сайт. – URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/price (дата обращения: 13.02.2024).

как, по данным о предоставлении субсидий за период с 2021 по 2023 год, рост цен был более чем значительным[7]. Так, сумма расходов в 2021 году на замену лифта составила 2250 тысяч рублей, а в 2023 году уже 3870 тысяч рублей.

При проведении расчетов использовалась установленная в городе Екатеринбурге ставка взноса капитального ремонта в размере 14,81 рубля за квадратный метр в месяц. Срок замены лифта установлен в течение 25 лет.

Графически динамика индексов цен и накопленной доходности депозитов за 3 года отображена на рисунке 2, где совершенно очевидным становится затруднительность формирования децентрализованного фонда капитального ремонта на специальном счете. Динамика цен лифтового оборудования, по данным расходов ТСЖ в городе Екатеринбурге, существенно опережает накопленную доходность по депозитным вкладам, а также динамику индекса ММВБ, который рассматривался как альтернативный инструмент размещения свободных денежных средств. Важно отметить, что, даже отталкиваясь от индекса потребительских цен в среднем, мы видим невозможность защиты накоплений от обесценения. Ситуация становится еще более сложной, учитывая отсутствие процентных доходов по спецсчетам. А ведь именно к использованию специального счета, а не депозита, как был отмечено ранее, стремятся руководитель обслуживающей организации и банковская организация.

В целях определения необходимого уровня доходности при формировании децентрализованного фонда капитального ремонта для замены лифтового оборудования по истечении 25 лет их срока службы авторы провели расчет показателей. Апробация проводилась на базе ТСЖ «Фурманова 67» города Екатеринбурга. ТСЖ обслуживает многоквартирный жилой дом, размер взноса капитального ремонта составляет 14,81 рубля за квадратный метр, в доме 9 подъездов по 10 этажей каждый, сума затрат на замену одного лифта в 2024 году установлена в сумме 3870 тысяч рублей[8]. При расчетах индекс потребительских цен принят в среднем значении за три предшествовавших года 9,8%, в представленной модели ожидается ежегодное повышение размера платы за капитальный ремонт на индекс потребительских цен. Графически фор-

[7] Информация по предоставлению владельцам специальных счетов беспроцентной рассрочки : сайт. – URL: http://m.yekaterinburg.ru/жителям/жкх/официально/ремонт-лифтов/2023 (дата обращения: 13.02.2024).

[8] Государственная информационная система жилищно-коммунального хозяйства : сайт. – URL: https://dom.gosuslugi.ru/#!/organizationView/04eb3a6a-ca54-4a3a-bb30-08e0bec9ca95 (дата обращения: 13.02.2024)

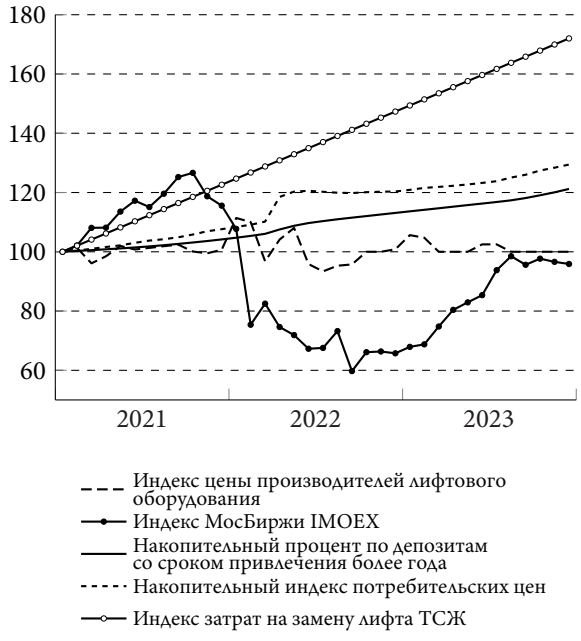


Рис. 2. Сравнение динамики индексов цен и доходности депозитов

Fig. 2. The price' dynamics of indices and deposit returns comparison

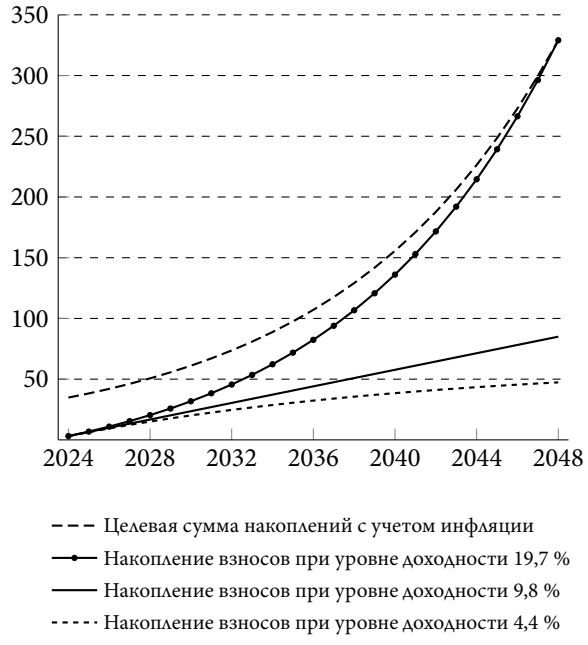


Рис. 3. Моделирование формирования фонда капитального ремонта при различных уровнях доходности

Fig. 3. Modeling the formation of a major overhaulls' fund at different profitability levels

мирование децентрализованного фонда капитального ремонта для замены 9 лифтов по истечении 25 лет их эксплуатации при заданных параметрах отражено на рисунке 3.

При проведении расчетов минимально допустимая доходность по депозиту для децентрализованного фонда капитального ремонта составила 19,7%, что более чем в два раза превышает индекс потребительских цен. Только при таких обстоятельствах возможно формирование фонда в достаточном размере. Сведения о процентных ставках по депозитам для фондов капитального ремонта не размещаются в открытых источниках, однако эта ставка в 2,6 раза превышает среднюю ставку доходности по долгосрочным депозитам. По данным Россельхозбанка, размер процентной ставки при сроке размещения более 2 месяцев и сумме свыше 2500 тысяч рублей, ставке 4,4% годовых, что в 4 раза меньше целевого значения доходности.

При таких результатах можно утверждать о невозможности формирования децентрализованного фонда капитального ремонта для замены лифтового оборудования по истечении 25 лет срока эксплуатации без предоставления субсидии со стороны субъекта Федерации и муниципального образования.

Агентская проблема в ЖКХ

Суть агентской проблемы состоит в том, что агенты, нанятые принципалами, действуют так, чтобы максимизировать полезность для себя, а не для принципала[9]. Возникает отклонение от условий контракта и оппортунистическое поведение со стороны агентов[10].

Институциональные факторы осуществления капитального ремонта создают предпосылки для проявления агентской проблемы. Хотя децентрализованные фонды капитального ремонта и формируются за счет взносов граждан, распорядителем этого фонда они не являются, эта функция передана организации, обслуживающей жилой фонд, которая, в свою очередь, хотя юридически и является владельцем счета, на котором хранятся средства фонда, не является полноправным владельцем денежных средств, так при его ликвидации или смене на другую обслуживающую организацию владелец счета будет изменен без перевода средств и открытия нового банковского счета. Указанная процедура оформляется решением собрания собственников помещений.

Обслуживающая организация, выступающая заказчиком по договорам на проведение капитального ремонта, хотя и дает поручение на перевод денежных средств, банковская организация в обязательном порядке проводит проверку назначений переводов и может воспрепятствовать исполнению обязательств или принудить к изменению условий договорных обязательств. Нарушение обязанности по проведению проверки обоснованности переводов может привести к привлечению банковской организации к ответственности. А в случае банкротства банковской организации в дело вступает Агентство страхования вкладов, которое возмещает потерянные средства в размере 100 процентов суммы, находящейся на каждом из специальных счетов, но не более 10 млн рублей по каждому специальному счету.

Кто во взаимоотношениях между заинтересованными лицами по поводу осуществления капитальных ремонтов является принципалом, кто агентом? Собственники жилья являются принципалами, а те, кому они доверяют эффективное управление общедомовой собственностью, – это агенты, им собственниками делегированы полномочия по управлению. Естественно, собственники хотят, чтобы управление было эффективным, однако в сетевой системе взаимоотношений заинтересованных лиц слишком много контрагентов, носителей различных интересов, обладающих различного рода ресурсами, соответственно, возникают так называемые агентские издержки, которые невозможно свести к нулю, но можно постараться минимизировать.

По объективным причинам собственники жилья могут не обладать достаточными компетенциями и знаниями, не иметь времени или информации для эффективной реализации собственных прав и контроля агентов. Учитывая высокую социальную значимость проведения капитальных ремонтов естественным образом, возрастает роль органов государственной власти и местного самоуправления.

Авторы считают, что в отношениях по вопросам формирования и управления децентрализованными фондами капитального ремонта

[9] A. A. Berle and G.C. Means «The Modern Corporation and Private Property». N.Y.:Macmillan, 1932.

[10] Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. СПб.: Лениздат, 1996. С. 93.

Таблица 3 — Агентские издержки органов государственной власти и местного самоуправления в сфере проектов капитального ремонта

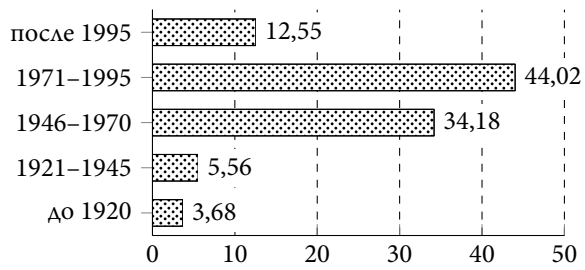
Table 3 — Public authority's agency costs in the field of overhaul projects

Агент	Риск	Издержки
Банковские организации	1. Ненадлежащий контроль за расходованием средств со спецсчета 2. Банкротство банковской организации 3. Обесценение накоплений на специальных счетах в связи с неначислением процентов на остаток и занижением ставок по специальным депозитам	1. Затраты на мониторинг 2. Затраты на страхование 3. Субсидирование проектов капитального ремонта
Обслуживающая многоквартирный дом организация	1. Манипуляция со стоимостью работ по проведению капитального ремонта 2. Нерациональное размещение средств децентрализованного фонда капитального ремонта	1. Затраты на мониторинг 2. Субсидирование проектов капитального ремонта
Поставщики и подрядчики в рамках проектов капитального ремонта	1. Манипуляция с ценами	1. Затраты на мониторинг

присутствует не один принципал в виде собственника жилой недвижимости, но и второй принципал в виде органов государственной власти и местного самоуправления. Для лучшего представления этой позиции представим совокупность агентских издержек и мер регулирования в таблице 3, где в качестве принципала выступают органы государственной власти.

Российская Федерация является социальным государством, обеспечивающим право каждого своего гражданина на жилище. В целях защиты прав граждан органами государственной власти реализуются национальный проект «Жилье и городская среда», субсидируются расходы на проведение капитального ремонта, а муниципальным органам власти предоставлены полномочия по организации коммунального хозяйства, которые фактически являются их обязанностью в соответствии с отраслевом законодательством.

Хотя собственники недвижимости и могут физически ощущать недостатки окружающей



Источник: Жилищное хозяйство в России // Федеральная служба государственной статистики : сайт. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13234 (дата обращения: 15.02.2024).

Рис. 4. Структура многоквартирного жилого фонда по годам постройки

Fig. 4. The structure of the multi-apartment housing stock by year of construction

их среды, на практике часто не реализуют свои обязанности по управлению недвижимостью в полной мере, а в силу сложившихся неформальных институциональных факторов ответственность перекладывается на органы государственной власти. В таких поведенческих особенностях собственников недвижимости проявляются неформальные институциональные факторы, связанные с рыночной трансформацией рынка жилой недвижимости. Как можно видеть на рисунке 4, большинство многоквартирных домов в России построено до 1995 года и изначально находилось в государственной собственности и не приобреталось на рыночных условиях, что и сформировало описаннные выше неформальные институциональные факторы.

Исполнение бремени собственника жителями приватизированных квартир подробно рассматривалось еще в исследовании А. В. Широкова[11] А. В., в котором уровень ответственности собственника связывается с его платежеспособностью. Этому же вопросу в контексте агентской проблемы посвящены работы А. В. Ермишиной [46]. Получение в собственность недвижимости на безоплатной основе, по мнению авторов, может находить свое проявление в качестве неформального институционального фактора, снижающего уровень вовлеченности собственника в вопрос содержания жилья; в силу инертности восприятия бремя содержания такого жилья продолжает вменяться органам государственной власти.

[11] Широков, А. В. Административно-правовые механизмы реформирования управления жилой недвижимостью и коммунальными комплексами : 12.00.14 : дисс. … д-ра юрид. наук / Широков Андрей Вячеславович. Москва, 2008. 330 с.

Исходя из вышеизложенного, авторы полагают необходимым продолжить и усилить работу органов государственной власти, направленных на формирование «зрелого собственника», который выступит осознанным, компетентным и ответственным принципалом в отношениях по вопросам проведения капитального ремонта. Информационная прозрачность и доступность сведений о работе управляющих организаций, заложенная в формальных институтах отрасли, создает достаточную базу для решения этой задачи.

■ ОБСУЖДЕНИЕ

Полученные результаты демонстрируют негативную динамику в вопросах замены лифтового оборудования. Текущие подходы к формированию и размещению децентрализованных фондов капитального ремонта на спецсчетах не позволяют сформировать достаточных объемов денежных средств. Формирование фондов осложняется разнонаправленностью интересов ключевых стейкхолдеров проекта капитального ремонта – руководителей обслуживающих организаций, стремящихся к увеличению личного дохода, банковских организаций, желающих воспользоваться накоплениями для максимизации прибыли и принять участие в кредитовании проведения капитального ремонта, а также жителей и государственных органов, стремящихся сформировать фонды в достаточном размере, защитить их от инфляции и создать комфортабельные и безопасные условия проживания.

Авторы полагают возможным говорить о наличии признаков агентской проблемы во взаимоотношениях руководителей банковских и обслуживающих организаций, которым вменена обязанность распоряжаться децентрализованными фондами капитального ремонта и собственниками жилых помещений.

В таких условиях снижение уровня противоречий и обеспечение условий к защите накоплений от инфляционных процессов требует незамедлительного регуляторного вмешательства в следующих направлениях:

1. В ст. 175.1 Жилищного кодекса РФ необходимо включить уточнения, обязывающие обслуживающую организацию ежегодно представлять предложения общему собранию собственников по размещению свободных средства спецсчета на депозите;

2. Установить обязательное проведение проверки Центральным банком обоснованности уровня процентной ставки по вкладам по специальным депозитам в отношении банков, включенных Центральным банком в перечень банков, в которых можно открывать спецсчета для формирования фонда капитального ремонта многоквартирного дома.

Со стороны субъектов Федерации требуется проведение информационных мероприятий, направленных на вовлечение собственников жилья в процесс формирования специальных счетов и открытия специальных депозитов. Изменения могут быть успешными только при комплексном подходе к их проведению. В этом смысле многое зависит от разъяснительной работы, которую могут вести муниципальные депутаты по организациям – собственникам специальных счетов, не открывших специальные депозиты.

Проведенное исследование выявило критические недостатки применяемых практик формирования децентрализованных фондов капитального ремонта, эффект от которых усугубляется разнонаправленностью интересов ключевых стейкхолдеров проекта.

В данной статье авторы делали упор на исследовании формальных институтов, воздействующих на сферу ЖКХ. Исследование неформальных институтов, их влияние на формирование децентрализованного фонда капитального ремонта требует отдельного изучения, что авторы и ставят в качестве своей исследовательской задачи на перспективу дальнейших исследований.

Разрешение возникших противоречий во взаимодействии ключевых стейкхолдеров представляется невозможным без вмешательства со стороны органов государственной власти, в этой связи авторами предложены конкретные меры и практические шаги. На текущий момент недостатки практик компенсируются прямым государственным участием в софинансировании капитального ремонта, что недопустимо в долгосрочной перспективе, так как делает качество жизни граждан критически зависимым от наполняемости бюджета в конкретном году и величины межбюджетных трансфертов, создает предпосылки к злоупотреблениям со стороны руководителей банковских и обслуживающих организаций в ущерб интересам собственников и бюджета. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Clarkson, M. B. E. (1995). A Stakeholder Framework for Analyzing and Evaluating Corporate Social Performance. *The Academy of Management Review*, *20*(1), 92. https://doi.org/10.2307/258888.

2. Mitchell, R. K., Agle, B. R., & Wood, D. J. (1997). Toward a Theory of Stakeholder Identification and Salience: Defining the Principle of Who and What Really Counts. *The Academy of Management Review*, *22*(4), 853. https://doi.org/10.2307/259247.

3. Cheng, B., Ioannou, I., & Serafeim, G. (2011). Corporate Social Responsibility and Access to Finance. *SSRN Electronic Journal*, Article 1847085. https://doi.org/10.2139/ssrn.1847085.

4. Gupta, K., Crilly, D., & Greckhamer, T. (2020). Stakeholder engagement strategies, national institutions, and firm performance: A configurational perspective. *Strategic Management Journal*, *41*(10), 1869–1900. https://doi.org/10.1002/smj.3204.

5. Henisz, W. J., Dorobantu, S., & Nartey, L. J. (2013). Spinning gold: The financial returns to stakeholder engagement: Financial Returns to Stakeholder Engagement. *Strategic Management Journal*, *35*(12), 1727–1748. https://doi.org/10.1002/smj.2180.

6. Jones, T. M., Harrison, J. S., & Felps, W. (2018). How Applying Instrumental Stakeholder Theory Can Provide Sustainable Competitive Advantage. *Academy of Management Review*, *43*(3), 371–391. https://doi.org/10.5465/amr.2016.0111.

7. Петров М. А. Теория заинтересованных сторон: пути практического применения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2004. № 2. С. 51–67. EDN HSPJCD.

8. Тамбовцев В. Л. Стейкхолдерская теория фирмы в свете концепции режимов собственности // Российский журнал менеджмента. 2008. Т. 6, № 3. С. 3–26. EDN JWTGZD.

9. Ивашковская И. В. Стейкхолдерский подход к управлению, ориентированному на приращение стоимости компании // Корпоративные финансы. 2012. Т. 6, № 1 (21). С. 14–23. EDN OZZHEJ.

10. Вашакмадзе Т. Т., Мартиросян Э. Г., Сергеева А. А. Модель управления стейкхолдерами в сделках слияний и поглощений // Корпоративные финансы. 2013. Т. 7, № 2 (26). С. 78–86. EDN QYPMRZ.

11. Долматова И. Н. Корпоративное управление на основе стейкхолдерского подхода опыт непубличных компаний // Управленческие науки. 2013. № 2. С. 18–26. EDN QCCUMR.

12. Когденко В. Г. Исследование рисков компаний в рамках стейкхолдер // Экономический анализ: теория и практика. 2018. Т. 17, № 6 (477). С. 1051–1072. DOI 10.24891/ea.17.6.1051. EDN XROTCX.

13. Злыгостев А. А. Стейкхолдерская стоимость: понимание и оценка // Теоретическая экономика. 2020. № 8 (68). С. 92–105. EDN LKTLPH.

14. Ткаченко И. Н., Злыгостев А. А. Инструментарий исследования стейкхолдерских рисков для целей устойчивого развития компаний // Journal of New Economy. 2022. Т. 23, № 1. С. 109–130. DOI 10.29141/2658-5081-2022-23-1-6. EDN FFRRAT.

15. Раменская Л. А. Взаимодействие цифровых платформ с ключевыми заинтересованными сторонами: контент-анализ // Управленец. 2021. Т. 12, № 5. С. 96–106. DOI 10.29141/2218-5003-2021-12-5-7. EDN XCHFOL.

16. Кравченко Е. Ю., Болотова И. С., Кулабухов В. Р. систематизация форм и инструментов реализации корпоративной социальной ответственности // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2023. № 1 (98). С. 79–89. DOI 10.21295/2223-5639-2023-1-79-89. EDN PBKTBB.

17. Габдулдаянова Р. К., Фомина Е. А. Стейкхолдерский подход к увеличению эффективности управления компанией // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2023. № 1 (169). С. 94–97. DOI 10.34773/EU.2023.1.15. EDN OZGGQB.

18. Роднянский Д. В., Палей Т. Ф. Коллективные стратегии как инструмент гармонизации интересов ключевых отраслевых стейкхолдеров (на примере нефтяных компаний) // Социальные и экономические системы. 2023. № 2-1 (41). С. 262–275. EDN CYFPQB.

19. Плахин А. Е. Методика определения асимметрии распределения доходов стейкхолдеров промышленных парковых структур // Вестник НГИЭИ. 2018. № 10 (89). С. 97–108. EDN YMZYAX.

20. Бойкова Е. Н. Методика определения уровня сбалансированности интересов стейкхолдеров в системе корпоративного управления // Управленческие науки в современном мире. 2015. Т. 1, № 1. С. 304–307. EDN VPWOAH.

21. Самосудов М. В. Теория корпоративного взаимодействия как инструмент анализа в процессе корпоративного управления // Управленческие науки. 2012. № 2. С. 24–30. EDN QCCUDV.

22. Frooman, J. (1999). Stakeholder Influence Strategies. *Academy of Management Review*, *24*(2), 191–205. https://elibrary.ru/dbadlb.

23. Петров М. А. Теория заинтересованных сторон: пути практического применения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2004. № 2. С. 51–67. EDN HSPJCD.

24. Клейнер Г. Б. Ресурсная теория системной организации экономики // Российский журнал менеджмента. 2011. Т. 9, № 3. С. 3–28. EDN OIHBXL.

25. Rowley, T. J. (1997). Moving beyond dyadic ties: A network theory of stakeholder influences. *Academy of Management Review*, *22*(4), 887–910. https://elibrary.ru/crihol.

26. Гришкова Н. С., Нижегородцев Р. М. К вопросу государственного регулирования развития предприятий жилищно-коммунального хозяйства // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. 2017. № 4. С. 136–139. EDN YTCTFB.

27. Гришкова Н. С. Особенности функционирования ЖКХ как элемента социальной инфраструктуры региона // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2015. № 2 (160). С. 179–185. EDN UJFCSZ.

28. Смирнягин Н. С. Роль стейкхолдеров в производстве жилищно-коммунальных услуг // Russian Economic Bulletin. 2022. Т. 5, № 3. С. 193–199. EDN YNUZYJ.

29. Саввина И. С. Обоснование проблематики развития жилищно-коммунального хозяйства в России // Экономика строительства. 2023. № 7. С. 25–29. EDN TAEBDL.

30. Провоторов И. А., Кудрявцева И. С., Переславцева И. И. Повышение энергетической эффективности в условиях цифровой трансформации сферы ЖКХ // Жилищное хозяйство и коммунальная инфраструктура. 2022. № 4 (23). С. 105–112. DOI 10.36622/VSTU.2022.23.4.012. EDN HGMQMA.

31. Ткаченко И. Н., Чечулин И. А. Оценка и управление кризисной устойчивостью предприятий жилищно-коммунального хозяйства // Journal of New Economy. 2024. Т. 25, № 1. С. 48–52. DOI 10.29141/2658-5081-2024-25-1-7. EDN JQXGEM.

32. Hodgson, G. M. (2006). What Are Institutions. *Journal of Economic Issues*, *40*(1), 1–25. https://doi.org/10.1080/00213624.2006.11506879.

33. Hodgson, G. M. (2015). On defining institutions: rules versus equilibria. *Journal of Institutional Economics*, *11*(3), 497–505. https://doi.org/10.1017/s1744137415000028.

34. Fleetwood, S. (2008). Institutions and Social Structures. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, *38*(3), 241–265. https://doi.org/10.1111/j.1468-5914.2008.00370.x.

35. Faghih, N., & Samadi, A. H. (2024). An Introduction to Institutional Inertia-Theory and Evidence. In *Institutional Inertia* (pp. 1–16). Springer Nature Switzerland. https://doi.org/10.1007/978-3-031-51175-2_1.

36. Rosenbaum, E. (2021). Mental models and institutional inertia. *Journal of Institutional Economics*, *18*(3), 1–18. https://doi.org/10.1017/s1744137421000059x.

37. Samadi, A. H., Raanaei, A., & Panahi, M. (2024). Cognitive Inertia as a Fundamental Cause of Institutional Inertia. In *Institutional Inertia* (pp. 155–172). https://doi.org/10.1007/978-3-031-51175-2_7.

38. Кузнецов И. А., Шевяков А. Ю., Куликова Я. А. Экономическая безопасность потребителя в жилищной сфере при массовом внедрении энергосберегающих технологий в многоквартирных домах // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 16, № 10. С. 1863–1874. EDN QUYYLV.

39. Чечулин И. А., Ткаченко И. Н. Повышение кризисной адаптации малых предприятий сферы ЖКХ, путём внедрения интеллектуальных приборов учёта // Отходы и ресурсы. 2023. Т. 10, № 1. DOI 10.15862/45ECOR123. EDN ZXSOYX.

40. Ларин С. Н., Герасимова Е. В., Стебенева Т. В. Пути эффективной модернизации сферы жилищно-коммунального хозяйства на основе внедрения новых организационно-экономических механизмов взаимодействия ее институциональных агентов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. Т. 11, № 20 (305). С. 14–25. EDN RWWLHV.

41. Сафронова Н. Б., Будаков А. С. Экономические особенности и механизмы управления энергосбережением в жилищно-коммунальном секторе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2019. Т. 27, № 4. С. 645–662. DOI 10.22363/2313-2329-2019-27-4-645-662. EDN DQIAVI.

42. Барбашова Н. Е. Создает ли методика меж-

бюджетного выравнивания отрицательные стимулы для инфраструктурного развития регионов? // Финансы: теория и практика. 2021. Т. 25, № 1. С. 22–34. DOI 10.26794/2587-5671-2021-25-1-22-34. EDN XQEHGQ.

43. Нуреев Р. М., Гуляева О. А. Недвижимость домашних хозяйств: институциональный анализ // Terra Economicus. 2021. Т. 19, № 2. С. 39–57. DOI 10.18522/2073-6606-2021-19-2-39-57. EDN CKIQZJ.

44. Тамбовцев В. Л., Рождественская И. А. Теория стратегического планирования: институциональный подход // Terra Economicus. 2020. Т. 18, № 2. С. 22–48. DOI 10.18522/2073-6606-2020-18-2-22-48. EDN NIVDML.

45. Тамбовцев В. Л., Рождественская И. А. Институциональная теория планирования как общая теория планирования: состояние и возможное развитие // Terra Economicus. 2018. Т. 16, № 2. С. 27–45. DOI 10.23683/2073-6606-2018-16-2-27-45. EDN XUCNKH.

46. Ермишина А. В. Цифровизация в системе организации капитального ремонта многоквартирных домов в России // Journal of Economic Regulation. 2022. Т. 13, № 4. С. 108–115. DOI 10.17835/2078-5429.2022.13.4.108-115. EDN QESXBV.

REFERENCES

1. Clarkson, M. B. E. (1995). A Stakeholder Framework for Analyzing and Evaluating Corporate Social Performance. *The Academy of Management Review*, *20*(1), 92. https://doi.org/10.2307/258888.

2. Mitchell, R. K., Agle, B. R., & Wood, D. J. (1997). Toward a Theory of Stakeholder Identification and Salience: Defining the Principle of Who and What Really Counts. *The Academy of Management Review*, *22*(4), 853. https://doi.org/10.2307/259247.

3. Cheng, B., Ioannou, I., & Serafeim, G. (2011). Corporate Social Responsibility and Access to Finance. *SSRN Electronic Journal*, Article 1847085. https://doi.org/10.2139/ssrn.1847085.

4. Gupta, K., Crilly, D., & Greckhamer, T. (2020). Stakeholder engagement strategies, national institutions, and firm performance: A configurational perspective. *Strategic Management Journal*, *41*(10), 1869–1900. https://doi.org/10.1002/smj.3204.

5. Henisz, W. J., Dorobantu, S., & Nartey, L. J. (2013). Spinning gold: The financial returns to stakeholder engagement: Financial Returns to Stakeholder Engagement. *Strategic Management Journal*, *35* (12), 1727–1748. https://doi.org/10.1002/smj.2180.

6. Jones, T. M., Harrison, J. S., & Felps, W. (2018). How Applying Instrumental Stakeholder Theory Can Provide Sustainable Competitive Advantage. *Academy of Management Review*, *43*(3), 371–391. https://doi.org/10.5465/amr.2016.0111.

7. Petrov, M. A. (2004). Stakeholder theory: Ways of practical application. *Vestnik of Saint Petersburg University. Management*, (2), 51–67. https://elibrary.ru/hspjcd.

8. Tambovtsev, V. L. (2008). Stakeholder theory of the firm in the light of the concept of ownership regimes. *Russian Management Journal*, *6*(3), 3–26. https://elibrary.ru/jwtgzd.

9. Ivashkovskaya, I. V. (2012). Stakeholder Approach to Value Based Management. *Journal of Corporate Finance Research*, *6*(1), 14–23. https://elibrary.ru/ozzhej.

10. Vashakmadze, T. T., Martirosyan, E. G., & Sergeeva, A. A. (2013). Stakeholder Based Framework for M&A Management. *Journal of Corporate Finance Research*, *7*(2), 78–86. https://elibrary.ru/qypmrz.

11. Dolmatova, I. N. (2013). Corporate management based on stakeholder approach the experience of the non-public companies. *Management Sciences*, (2), 18–26. https://elibrary.ru/qccumr.

12. Kogdenko, V. G. (2018). Investigating company risks within the framework of the stakeholder approach to analysis. *Economic Analysis: Theory and Practice*, *17*(6), 1051–1072. https://doi.org/10.24891/ea.17.6.1051.

13. Zlygostev, A. A. (2020). Stakeholder Value: Understanding and Evaluation. *Theoretical Economy*, (8), 92–105. https://elibrary.ru/lktlph.

14. Tkachenko, I. N., & Zlygostev, A. A. (2022). Stakeholder risk research tools in the light of companies' sustainable development. *Journal of New Economy*, *23*(1), 109–130. https://doi.org/10.29141/2658-5081-2022-23-1-6.

15. Ramenskaya, L. A. (2021). Interaction between digital platforms and key stakeholders: A content analysis. *The Manager*, *12*(5), 96–106. https://doi.org/10.29141/2218-5003-2021-12-5-7.

16. Kravchenko, E. Yu., Bolotova, I. S., & Kulabukhov, V. R. (2023). Systematization of forms and tools for the implementation of corporate social

responsibility. *Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*, (1), 79–89. https://doi.org/10.21295/2223-5639-2023-1-79-89.

17. Gabduldayanova, R. K., & Fomina, E. A. (2023). Stakeholder approach to increasing the efficiency of company management. *Economics and Management: Research and Practice Journal*, (1), 94–97. https://doi.org/10.34773/EU.2023.1.15.

18. Rodnyansky, D. V., & Paley, T. F. (2023). Collective strategies as a tool for harmonizing interests of key industry stakeholders (case study of oil companies). *Social and Economic Systems*, (2-1), 262–275. https://elibrary.ru/cyfpqb.

19. Plakhin, A. E. (2018). The method of determining the asymmetry of the distribution of income of stakeholders of the industrial park structures. *Bulletin of NGIEI*, (10), 97–108. https://elibrary.ru/ymzyax.

20. Boykova, E. N. (2015). Methods of determination of the level of balancing of the stakeholders' interests in the corporate governance system. *Management Sciences in the Modern World*, *1*(1), 304–307. https://elibrary.ru/vpwoah.

21. Samosudov, M. V. (2012). The theory of corporate interaction as a tool for analysis in the corporate governance process. *Management Sciences*, (2), 24–30. https://elibrary.ru/qccudv.

22. Frooman, J. (1999). Stakeholder Influence Strategies. *Academy of Management Review*, *24*(2), 191–205. https://elibrary.ru/dbadlb.

23. Petrov, M. A. (2004). Stakeholder theory: Ways of practical application. *Vestnik of Saint Petersburg University. Management*, (2), 51–67. https://elibrary.ru/hspjcd.

24. Kleiner, G. B. (2011). Resource theory of systemic organization of the economy. *Russian Management Journal*, *9*(3), 3–28. https://elibrary.ru/oihbxl.

25. Rowley, T. J. (1997). Moving beyond dyadic ties: A network theory of stakeholder influences. *Academy of Management Review*, *22*(4), 887–910. https://elibrary.ru/crihol.

26. Grishkova, N. S., & Nizhegorodtsev, R. M. (2017). On the government regulation of the enterprises of housing and communal services. *RISK: Resources, Information, Supply, Competition*, (4), 136–139. https://elibrary.ru/ytctfb.

27. Grishkova, N. S. (2015). Features of functioning of and communal services as an element of social infrastructure of the region. *Bulletin of Adygea State University. Economics*, (2), 179–185. https://elibrary.ru/ujfcsz.

28. Smirnyagin, N. S. (2022). The role of stakeholders in the production of housing and communal services. *Russian Economic Bulletin*, *5*(3), 193–199. https://elibrary.ru/ynuzyj.

29. Savvina, I. S. (2023). Substantiation of the problems of development of housing and communal services in Russia. *Economics of Construction*, (7), 25–29. https://elibrary.ru/taebdl.

30. Provotorov, I. A., Kudryavtseva, I. S., & Pereslavtseva, I. I. (2022). Increasy in energy efficiency in the context of digital transformation of the housing and communal services sector. *Housing and Utilities Infrastructure*, (4), 105–112. https://doi.org/10.36622/VSTU.2022.23.4.012.

31. Tkachenko, I. N., & Chechulin, I. A. (2024). Crisis resilience assessment and management of public utility companies. *Journal of New Economy*, *25*(1), 48–52. https://doi.org/10.29141/2658-5081-2024-25-1-7.

32. Hodgson, G. M. (2006). What Are Institutions. *Journal of Economic Issues*, *40*(1), 1–25. https://doi.org/10.1080/00213624.2006.11506879.

33. Hodgson, G. M. (2015). On defining institutions: rules versus equilibria. *Journal of Institutional Economics*, *11*(3), 497–505. https://doi.org/10.1017/s1744137415000028.

34. Fleetwood, S. (2008). Institutions and Social Structures. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, *38*(3), 241–265. https://doi.org/10.1111/j.1468-5914.2008.00370.x.

35. Faghih, N., & Samadi, A. H. (2024). An Introduction to Institutional Inertia-Theory and Evidence. In *Institutional Inertia* (pp. 1–16). Springer Nature Switzerland. https://doi.org/10.1007/978-3-031-51175-2_1.

36. Rosenbaum, E. (2021). Mental models and institutional inertia. *Journal of Institutional Economics*, *18*(3), 1–18. https://doi.org/10.1017/s1744137421000059x.

37. Samadi, A. H., Raanaei, A., & Panahi, M. (2024). Cognitive Inertia as a Fundamental Cause of Institutional Inertia. In *Institutional Inertia* (pp. 155–172). https://doi.org/10.1007/978-3-031-51175-2_7.

38. Kuznetsov, I. A., Shevyakov, A. Yu., & Kulikova, Ya. A. (2023). The consumer economic security in housing with the mass introduction of energy efficiency technologies in apartment buildings. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, *16*(10), 1863–1874. https://elibrary.ru/quyylv.

39. Chechulin, I. A., & Tkachenko, I. N. (2023).

Crisis adaptation management of small utility enterprises, through the introduction of intelligent metering devices. *Waste and Resources*, *10*(1). https://doi.org/10.15862/45ECOR123.

40. Larin, S. N., Gerasimova, E. V., & Stebenyaeva, T. V. (2015). Ways of effective improvement of the housing and utilities sector through implementation of new organizational and economic mechanisms for interaction of institutional agents. *National Interests: Priorities and Security*, *11*(20), 14–25. https://elibrary.ru/rwwlhv.

41. Safronova, N. B., & Budakov, A. S. (2019). Economic features and mechanisms of energy saving management in housing and utility sector. *RUDN Journal of Economics*, *27*(4), 645–662. https://doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-4-645-662.

42. Barbashova, N. E. (2021). Does intergovernmental equalization create disincentives for regional infrastructural development?. *Finance: Theory and Practice*, *25*(1), 22–34. https://doi.org/10.26794/2587-5671-2021-25-1-22-34.

43. Nureyev, R. M., & Gulyaeva, O. A. (2021). Institutional Analysis of Housing in Russia. *Terra Economicus*, *19*(2), 39–57. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2021-19-2-39-57.

44. Tambovtsev, V. L., & Rozhdestvenskaya, I. A. (2020). Strategic planning theory: An institutional perspective. *Terra Economicus*, *18*(2), 22–48. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2020-18-2-22-48.

45. Tambovtsev, V. L., & Rozhdestvenskaya, I. A. (2018). Institutional planning theory as a general planning theory: Status and possible development. *Terra Economicus*, *16*(2), 27–45. https://doi.org/10.23683/2073-6606-2018-16-2-27-45.

46. Ermishina, A. V. (2022). Digitalization in the organizing of apartment building major renovation in Russia. *Journal of Economic Regulation*, *13*(4), 108–115. https://doi.org/10.17835/2078-5429.2022.13.4.108-115.

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

SOCIAL MANAGEMENT

DOI: 10.22394/2304-3369-2024-4-25-40 ВАК: 5.4.3, 5.4.4
EDN: QQVRFO УДК: 314.152(470.341)

«ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ» ФАКТОР РОЖДАЕМОСТИ: ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛА ТЕРРИТОРИИ НА ПРИМЕРЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Н. Ю. Егорова[a], **И. В. Ситникова**[a]
[a] Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия)

АННОТАЦИЯ:

Введение. Несмотря на реализацию серьезных мер государственной семейной политики по стабилизации демографической ситуации, в большинстве регионов она остается непростой. Это связано, во-первых, с новыми вызовами, перед которыми оказалась страна, во-вторых, со сложностью самих демографических процессов, которые необходимо регулировать. Численность населения, являясь комплексным количественным показателем стабильности общества, определяется рядом демографических процессов, среди которых основным остается рождаемость. Число исследований, где предпринимаются попытки определить факторы, обусловливающие тренды рождаемости, растет. Все чаще обращается внимание на демографические характеристики (половозрастную и брачную структуры) населения как отправной точки, с которой стоит начинать оценку воспроизводственного потенциала территории.

Нижегородская область, являясь типичным российским регионом, в последние десятилетия демонстрирует неблагоприятный сценарий развития демографической ситуации. В статье предпринимается попытка описать и оценить воспроизводственный потенциал региона, определить возможности и ограничения роста рождаемости в текущих условиях, опираясь на анализ «демографического» фактора.

Материалы и методы. Анализ и выводы построены на данных Федеральной службы государственной статистики о демографических процессах в России и регионе за 1990–2023 гг. (численности населения, рождаемости, брачности, разводимости), а также данных региональных социологических исследований, касающихся вопросов рождаемости и семейного/репродуктивного поведения.

Результаты и обсуждение. Результаты исследования дают мало оснований для благоприятного прогноза в регионе. В текущих условиях половозрастная структура населения пока не характеризуется диспропорцией в фертильных возрастах (за исключением самых старших групп), но велика вероятность ее появления в более молодых возрастах. Кроме того, активные и потенциальные фертильные группы женщин значимо меньше групп более старших. Брачная структура становится более стабильной, но с высокой вероятностью разводов, приемлемостью сожительств, смещением рождений в более старшие группы. Исследования фиксируют сохраняющийся зазор между желаемым и реальным количеством детей в различных социально-демографических группах. Выделенная тенденция, с точки зрения авторов, требует тщательных исследований для корректного стимулирования рождаемости.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: факторы рождаемости, половозрастная структура, брачная структура населения, воспроизводственный потенциал

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: **Егорова Н. Ю., Ситникова И. В.** «Демографический» фактор рождаемости: оценка потенциала территории на примере Нижегородской области // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 4. С. 25-40. EDN QQVRFO. DOI 10.22394/2304-3369-2024-4-25-40.

© Н. Ю. Егорова, И. В. Ситникова, 2024

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Егорова Надежда Юрьевна – доктор социологических наук, доцент; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (603950, Россия, Нижний Новгород, пр-кт Гагарина, 23) — *профессор кафедры общей социологии и социальной работы*; nadegorova@yandex.ru. SPIN-код: 2756-2705, ORCID: 0000-0002-5914-8021.

Ситникова Ирина Викторовна – кандидат социологических наук; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (603950, Россия, Нижний Новгород, пр-кт Гагарина, 23) — *доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии*; april@fsn.unn.ru. SPIN-код: 6437-9284, ORCID: 0000-0002-8138-3116.

Статья поступила 11.01.2024; рецензия получена 01.04.2024; принята к публикации 15.04.2024.

‘DEMOGRAPHIC’ FACTOR OF FERTILITY: ASSESSING TERRITORIAL POTENTIAL ON THE EXAMPLE OF THE NIZHNY NOVGOROD REGION

N. Yu. Egorova[a], I. V. Sitnikova[a]

[a] National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia)

ABSTRACT:

Introduction. Despite the implementation of serious measures in the framework of state family policy to stabilise the demographic situation, it remains difficult in most regions. This is due, firstly, to the new challenges the country is facing, and secondly, to the complexity of the very processes that need to be controlled. Population size, being a complex quantitative indicator of the stability of society, is determined by a number of demographic processes, among which fertility remains the main one. The number of studies attempting to identify the factors determining fertility trends is growing. All of them demonstrate the complexity and multifactorial nature of the process and the changes taking place. More and more often attention is paid to the demographic characteristics (sex-age and marriage structure) of the population as a starting point from which to begin the assessment of the territory and its reproductive potential.

Nizhny Novgorod region, being a typical Russian region, has been demonstrating an unfavourable scenario of demographic situation development in recent decades. The article attempts to describe and assess the reproductive potential of the region, to identify the possibilities and limitations of fertility growth in the current conditions, based on the analysis of the ‘demographic’ factor.

Materials and methods. The analysis and conclusions are based on the data of the Federal State Statistics Service on demographic processes in Russia and the region for 1990-2023 (population size, birth rate, marriage rate, divorce rate), as well as on the data of regional sociological studies on fertility and family/reproductive behaviour.

Results and discussion. The results of the study provide little basis for a favourable forecast in the region. On the one hand, the sex and age structure of the population is not yet characterised by disproportion in fertile ages, except for the oldest groups. However, there is a high probability of its appearance in younger ages under current conditions. In addition, active and potential fertile groups of women are significantly smaller than older groups. The marriage structure is becoming more stable, but with a high probability of divorce, acceptability of cohabitation, and a shift of births to older groups. The studies record a persistent gap between the desired and actual number of children in different socio-demographic groups, which, from the authors' point of view, is important and requires careful research to correctly stimulate fertility.

KEYWORDS: fertility factors, sex and age structure, marriage structure of the population, reproductive potential

FOR CITATION: **Egorova, N. Yu., & Sitnikova, I. V.** (2024). 'Demographic' factor of fertility: assessing territorial potential on the example of the Nizhny Novgorod region. *Management Issues*, *18*(4), 25–40. https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-4-25-40

AUTHORS' INFORMATION:

Nadezhda Yu. Egorova – Advanced Doctor in Sociological Sciences, Associate Professor; National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (23, Gagarin Av., Nizhny Novgorod, 603950, Russia) — *professor of the Department of General Sociology and Social Work*; nadegorova@yandex.ru. RSCI SPIN: 2756-2705, ORCID: 0000-0002-5914-8021.

Irina V. Sitnikova – Ph.D. of Sociological Sciences; National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (23, Gagarin Av., Nizhny Novgorod, 603950, Russia) — *associate professor of the Department of Industrial and Applied Sociology*; april@fsn.unn.ru. RSCI SPIN: 6437-9284, ORCID: 0000-0002-8138-3116.

The article was submitted 01/11/2024; reviewed 04/01/2024; accepted for publication 04/15/2024.

■ ВВЕДЕНИЕ

Анализ демографических процессов в современных российских реалиях становится особенно актуальным в связи с усугублением проблем, связанных с воспроизводством населения: сохраняющейся низкой рождаемостью и высокой смертностью населения, в первую очередь мужчин от внешних причин, как следствие, сокращением продолжительности жизни, направлением миграционных потоков в группах молодых, фертильных возрастов, что обостряет вопросы национальной безопасности. Коррекция ситуации предполагает тщательный анализ процессов, определяющих их факторов, оценку возможности управления как теми, так и другими. Только понимая специфику, характер и степень влияния отдельных факторов, можно найти пути решения социально-демографических проблем, грамотно планировать шаги по их преодолению, определять приоритетные направления и разрабатывать меры демографической политики как на уровне страны, так и в рамках отдельного региона.

Численность населения, являясь в некоторой степени результирующим количественным показателем стабильности общества, определяется рядом демографических процессов, вклад которых в разные моменты времени может быть неодинаков. Тем не менее, основным фактором его сохранения и воспроизводства, безусловно, будет рождаемость, которая, к сожалению, в большинстве регионов и в стране в целом остается на уровне ниже даже простого воспроизводства.

Рождаемость – процесс сложный, и складывающаяся ситуация приводит к росту научного интереса к исследованию определяющих ее факторов в различных областях знания.

Социологи говорят о неразрывной связи репродуктивного поведения и системы ценностных ориентаций, в том числе молодого поколения, на что указывают как отечественные, так и зарубежные исследования. С одной стороны, создание семьи остается значимой жизненной целью, с другой – ориентация молодых на потребление, индивидуальный успех и материальное благополучие ведет к откладыванию браков и снижению рождаемости [1; 2; 3]. Сформированные семейные ценности не приводят к увеличению рождаемости [4, с. 95], а современные женщины все чаще отдают приоритет не семье и детям, а образованию, профессиональной самореализации, интересному досугу, что влияет на их репродуктивное поведение – поздние браки и рождение первенцев, малодетность или бездетность [5, с. 234; 6].

Медики обращают внимание на проблемы репродуктивного здоровья российских женщин, сокращение числа благополучных рождений, ухудшение здоровья новорожденных. Рост бесплодия и снижение фертильности у мужчин и женщин, в том числе из-за сдвига календаря рождений, – важный источник потерь рождаемости. В то же время женщины сегодня тщательнее подходят к выбору репродуктивных стратегий и все чаще рассматривают для себя вариант использования вспомогательных репродуктивных технологий, позволяющих устранить риски для здоровья матери и ребенка, выбрать время родительства и решить вопрос о количестве детей [7, с. 57]. Как отмечают со-

циологи, все это происходит на фоне рискованного репродуктивного поведения молодежи: раннего начала сексуальной жизни, частой смены партнеров, безответственного контрацептивного поведения, вредных привычек [8, с. 341]. В качестве позитивных тенденций стоит отметить изменение абортивного поведения. Аборт перестает быть средством контроля рождаемости, и число беременностей в последние годы практически сравнялось с числом рождений [9, с. 141–142].

В числе факторов снижения рождаемости рассматриваются и социально-экономические: низкий уровень жизни населения, финансовые трудности, отсутствие жилья, недостаточность государственной помощи молодым и многодетным семьям, трудовая занятость женщин. Таким образом, стремление семей к материальному благополучию приводит к низкой рождаемости [10, с. 146], с другой стороны, проблемы в этой сфере также не способствуют ее росту [11]. Тем не менее, экономические причины не являются определяющими. Исследователи отмечают, что расширение господдержки стимулирует лишь рождение детей в уже существующих семьях, а не создание новых для реализации потребности в детях [12, с. 89]. Анализ динамики рождаемости на фоне принятия федеральных и региональных мер помощи семьям с детьми (с 2007 г.) показал рост показателей по вторым и следующим рождениям, объясняемый положительным влиянием социально-экономических факторов и мер государственной поддержки. Однако по первым рождениям коэффициент рождаемости определялся лишь изменением количества зарегистрированных браков [13, с. 44]. Результаты опросов россиян о желаемом и ожидаемом числе детей подтверждают невысокую эффективность мер демографической политики. Репродуктивные установки не изменились кардинально под влиянием мер пронаталистской политики [14; 15], в большинстве российских семей считается необходимым рождение первого ребенка, второго – лишь при благоприятных социально-экономических условиях, а третий – при любых условиях лишний [16, с. 177].

Исследователями предпринимаются попытки комплексного анализа факторов рождаемости. Зарубежные авторы предлагают рассматривать макро-, мезо- и микроуровни влияния [17]. Отечественные модели принятия решения о рождении ребенка фиксируют откладывание создания семьи и рождения детей, переход от двухдетной семьи к однодетной, распространение сожительств, которые существенно снижают вероятность появления ребенка, более ранние рождения и большее число детей у женщин на селе, более поздние рождения у образованных и работающих женщин, влияние мер государственной поддержки на календарь рождений, но не на суммарный коэффициент рождаемости [18].

Анализ результатов исследований демонстрирует значимость «демографического» фактора рождаемости, составляющими которого являются половозрастная структура населения, его семейный состав, миграция и расселение, состояние здоровья населения, на что и указывают демографы. Сокращение общей рождаемости является следствием снижения численности женщин репродуктивного возраста (15–49 лет) в общей структуре населения России и роста среднего возраста деторождения в результате отложенных рождений детей [19, с. 109]. Отрицательная динамика численности женщин в молодых репродуктивных когортах (до 30 лет) и положительная в более старших (31–39 лет) обусловливает уменьшение числа браков и первых рождений у молодых и увеличение повторных рождений у «возрастных» женщин [14, с. 125–126]. Констатируется «старение» материнства при рождении детей всех очередностей, а также увеличение окончательно бездетных женщин, число которых в когорте рожденных в конце 1980-х годов приближалось к 20%[1]. Брачная структура населения России характеризуется уменьшением числа браков, ростом числа разводов и сожительств, что уменьшает количество первых рождений [20, с. 44]. Итоговое число детей связано с брачным статусом женщины [21; 22; 23]. В законном браке, в том числе повторном, женщины к концу репродуктивного возраста имеют больше детей, чем в сожительстве; невысокие показатели детности зафиксированы у разведенных и не создавших новую семью, а самые низкие – у никогда не состоявших в браке женщин [24, с. 28–32]. Анализ динамики рождаемости за 2000–2021 гг. показывает ее снижение в последние годы по рожде-

[1] Захаров С. В. Тенденции рождаемости в России за последние четыре десятилетия: анализ с учетом вероятности рождения очередного ребенка в условных и реальных поколениях // Население. 2019. Т. 37, № 1. С. 233.

ниям разной очередности: первым – из-за падения показателей брачности, вторым – вследствие таймингових сдвигов в 2014–2016 гг. (более раннего рождения вторых детей в семьях, ориентированных на получение материнского капитала). Прогнозируется снижение третьих и последующих рождений, число которых пока продолжает расти [25]. Исследования влияния миграции на рождаемость показывают, что единого сценария этой взаимосвязи не существует [26]. При изучении факторов миграционного движения в стране установлено, что и на миграционный приток, и на отток равнозначно оказывают воздействие уровень жизни населения, государственная социальная политика в области здравоохранения, физкультуры и спорта, развитие экономики и инноваций [27, с. 183–184].

Таким образом, рождаемость – сложный, многофакторный процесс, влияние на который оказывают социокультурные, социально-экономические факторы, фактор репродуктивного здоровья, что подтверждают результаты разнообразных исследований. Действие этих факторов может быть неоднозначным, разнонаправленным в зависимости от контекста (внешних социальных условий), от социально-демографических, социально-экономических характеристик групп, репродуктивные установки которых, поведение сегодня тоже оказываются неодинаковыми, что, безусловно, должно учитываться в процессе выработки политических решений относительно демографический и семейной сфер. В то же время базовым ресурсом, который в том числе будет определять возможности/перспективы воспроизводства, является численность самих фертильных групп, их динамика, брачные характеристики. Другими словами, отправной точкой для выстраивания семейной политики должен стать демографический анализ, предполагающий выявление «потенциала» территории, в рамках которой принимаются те или иные меры. Соответственно, «демографический» фактор (половозрастная, брачная структура) в оценке результатов действий игнорироваться не должен.

Нижегородская область является регионом, в котором продолжительное время фиксируется отрицательный естественный прирост населения в результате высокого уровня смертности и низкого уровня рождаемости, а также рост доли пожилых и уменьшение численности молодого населения. Половозрастная структура региона характеризуется провалами по отдельным демографическим группам, что, безусловно, может повлиять на возможности воспроизводства населения, а, значит, и на динамику его численности в дальнейшем. В связи с этим в статье обращается внимание именно на демографические характеристики региона как один из факторов рождаемости, который может как способствовать, так и ограничивать воспроизводственный потенциал области.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья построена, во-первых, на вторичном анализе данных Федеральной службы государственной статистики, в том числе Территориального органа по Нижегородской области, о демографических процессах в России и регионе за 1990–2023 гг. (численности населения, рождаемости, брачности, разводимости). Эмпирической базой также стали исследования кафедры общей социологии и социальной работы ФСН ННГУ им. Н. И. Лобачевского, проведенные с участием авторов: «Представления студентов о семье», 2020–2021 гг., г. Н. Новгород, анкетный опрос, объект – студенты 1-6 курсов ННГУ им. Н. И. Лобачевского (N = 1113); «Семья и рождаемость», проведенное по инициативе Министерства социальной политики Нижегородской области, 2020 г., Нижегородская область, анкетный опрос, объект – женщины в возрасте 18–40 лет (N = 1807).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Динамика численности населения в Нижегородском регионе значительно отличается от общероссийских тенденций. Население области сокращается постоянно в течение трех последних десятилетий. На 1 января 2023 г. в регионе проживало 3081 тыс. человек, что на 698 тыс. человек, или почти на четверть (23%) меньше, чем в 1990 г. Место проживания – важный фактор, определяющий интенсивность процесса. За тридцать с небольшим лет городских жителей стало меньше на 15,5%, или на 453 тыс. человек (2918 тыс. человек в 1990 г. и 2465 тыс. человек в 2023 г.), тогда как население сельских территорий уменьшилось чуть ли не на треть – на 28,5%, или на 246 тыс. человек (с 862 тыс. человек в 1990 г.

Таблица 1 — Относительный перевес полов в структуре населения в Нижегородской области, 2002–2023 гг.
Table 1 — Relative preponderance of sexes in the population structure in Nizhny Novgorod Region, 2002–2023

Возраст	Все население			Городское население			Сельское население		
	2002	2010	2023	2002	2010	2023	2002	2010	2023
0–14	–2,4	–2,8	–2,9	–2,4	–2,8	–2,8	–2,4	–2,7	–3,0
15–19	–1,8	–3,2	–2,9	–0,4	–1,8	–2,1	–7,6	–8,8	–6,0
20–24	–1,3	–2,4	–3,0	1,0	0,1	–0,4	–12,3	–12,1	–13,8
25–29	0,4	–1,2	–2,3	1,8	1,0	–0,5	–6,3	–10,6	–10,1
30–34	0,8	0,9	0,3	2,1	2,5	2,2	–4,4	–6,9	–8,3
35–39	2,4	3,0	1,8	4,6	4,1	3,9	–5,3	–1,9	–7,8
40–44	3,6	4,1	3,1	6,7	5,6	5,1	–7,4	–1,6	–6,1
45–49	5,7	6,6	6,3	8,5	9,1	7,7	–5,4	–1,9	0,4
50–54	8,9	9,7	7,8	11,2	12,6	9,2	–1,5	–0,3	2,8
55–59	12,9	15,1	12,0	14,1	17,5	14,3	7,3	5,6	4,6
60–64	21,9	19,6	17,6	22,5	21,3	20,6	20,0	12,4	8,4
65 и старше	39,6	42,8	37,4	38,9	42,3	39,3	41,2	44,4	30,4
Все население	**9,2**	**9,6**	**9,5**	**9,8**	**10,7**	**10,8**	**6,8**	**5,7**	**6,0**

Источник: Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Нижегородской области: данные переписей населения 2002 г. и 2010 г. (URL: https://52.rosstat.gov.ru/folder/28174), данные на 1 января 2023 г. (URL: https://52.rosstat.gov.ru/folder/33271).

до 616 тыс. человек в 2023 г.)[2]. Судя по оперативным данным Нижегородстата, население региона продолжает сокращаться: за 9 месяцев текущего года оно уменьшилось еще на 0,5%, или на 15,5 тыс. человек[3].

Так же, как и население в целом, приблизительно одинаковыми темпами в регионе снижается численность и мужчин, и женщин. Общие характеристики половозрастной структуры за 20-летний период изменились не сильно: по-прежнему численность мужского населения в более молодых возрастах незначительно превышает численность женской половины (в среднем в пределах 3%), но по мере перехода к старшим возрастным группам доля женщин становится значимо больше (табл. 1), достигая максимальных значений в самых старших, пред- и пенсионных возрастных группах. Относительный перевес в пользу женщин, уже более чем на 10%, фиксируется у 55–59-летних, в возрасте 60–64 года он возрастает в среднем до 20%, а в группах старше 65-ти лет приближается к 40%, демонстрируя серьезные диспропорции полового состава населения и гендерного дисбаланса. В репродуктивных же возрастах перевес пока нельзя назвать значительным, в среднем он не превышает 3% в пользу мужчин. Исключение составляют старшие группы, 40–44 года и 45–49 лет, где перевес становится более значимым, достигая в среднем 6%, причем именно с этих возрастов мужчины начинают быстро терять свое численное преимущество. Стоит отметить, что половозрастная структура городского и сельского населения сильно отличается. На селе перевес в пользу женщин фиксируется только в старших группах, в молодых же и особенно в фертильных возрастах перевес в пользу мужчин можно назвать значительным, в среднем около 10%.

При оценке текущей демографической ситуации и демографического потенциала важно обращать отдельное внимание на численность женщин в тех или иных возвратных когортах, в первую очередь, относящихся к фертильным. В течение двух последних десятилетий доля женщин в фертильных возрастах (15–49 лет) неизменно снижалась (рис. 1). В городе она сократилась почти на 10 п.п., или на 20% (с 51% в 2002 г. до 42% в 2023 г. от общей численности женщин), на селе – на 4 п.п., или на 10% (с 41% до 37%). Стоит отметить, что современная женщина не использует весь свой репродуктивный потенциал. Расчеты авторов за 2021 г. показывают, что 94% всех рождений приходятся на возраст 20–39 лет, который и стоит считать активным[4]. Рождения за пределами этой возрастной группы, а, тем более, за пределами возраста, считающегося в демографии фертильным, – исклю-

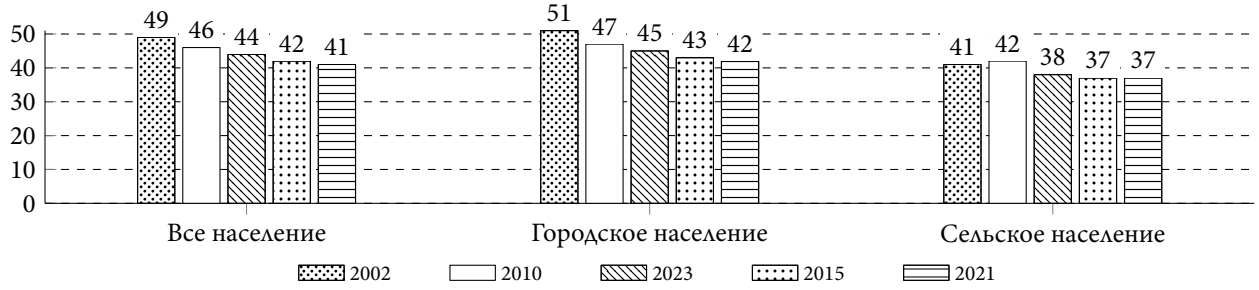
[2] Рассчитано авторами на основании данных официального сайта Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Нижегородской области. URL: https://52.rosstat.gov.ru/folder/33271.
[3] Там же.
[4] Рассчитано на основании данных Федеральной службы государственной статистики. URL: https://fedstat.ru/indicator/59992.

чение. В связи с этим доля женщин, способных и готовых к деторождению, оказывается почти в два раза меньше – 23% (24% в городе и 20% на селе). Распределение женщин фертильных возрастов по отдельным когортам тоже не внушает оптимизма. Данные последних лет [28; 29] говорят о сохраняющемся разбросе (рис. 2). Доля женщин, наиболее перспективных, с точки зрения рождения детей, групп (15–29 лет), в 2023 г. почти в два раза меньше (30% против 54%) доли тех, кто уже фактически реализовал свой репродуктивный потенциал (35–49-летних). Соответственно, пока нет оснований для благоприятных прогнозов относительно роста численности населения области в ближайшее время даже при сохранении сравнительно высоких показателей суммарного коэффициента рождаемости.

Демографические процессы, как уже было отмечено, тесно связаны с состоянием института семьи, его изменениями, а показатели брачности и разводимости во многом определяют тренды рождаемости и ее уровень. Рост сожительств, низкая брачность, высокая разводимость – по-прежнему основные черты семейно-брачной сферы как в России, так и в Нижегородском регионе.

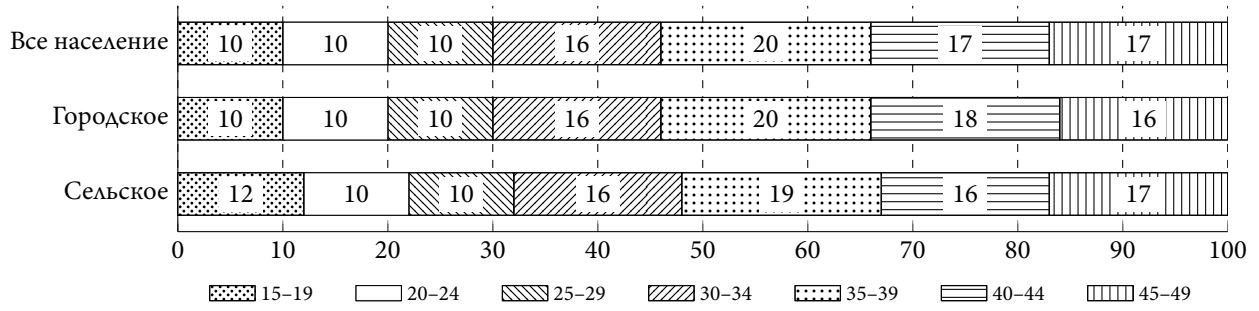
Динамику брачности в Нижегородской области за три последние десятилетия можно охарактеризовать двумя разнонаправленными тенденциями: стремительным падением в течение 1990-х гг., ростом и относительной стабилизацией в течение 2000–2010-х гг. Во второй половине 2010-х гг. показатели снова снижаются до минимума в 2020 г. (рис. 3), но ослабление режима самоизоляции вновь возвращает их к привычным, но не высоким значениям, а именно 5,9% в 2021 г. и 6,9% в 2022 г. Характер процесса в регионе не отличается от общероссийских тенденций, а показатели стабильно выше. Последнее не может не радовать.

Тенденции процесса разводимости в регионе противоположны (рис. 3). 1990-е гг. характеризуются резким ростом показателей до максимально высоких значений, 2000-е и 2010-е гг. – снижением до минимального в 2020 гг. Последние данные 2021 г. свидетельствуют, скорее, о стабилизации, чем о росте показателя, на от-



Источник: Официальные сайты Федеральной службы государственной статистики и Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Нижегородской области: данные переписей населения 2002 и 2010 г. (URL: https://52.rosstat.gov.ru/folder/28174); Публикации / Каталог публикаций / Информационно-аналитические материалы / Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284; данные на 01.01.2023 (URL: https://52.rosstat.gov.ru/folder/33271).

Рис. 1. Динамика численности женщин фертильного возраста (15–49 лет) в Нижегородской области, 2002–2023 гг., %
Fig. 1. Dynamics of the number of women of fertile age (15–49 years old) in Nizhny Novgorod Region, 2002–2023, %



Источник: Рассчитано авторами на основании данных официального сайта Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Нижегородской области: Возрастно-половой состав населения. URL: https://52.rosstat.gov.ru/folder/33271.

Рис. 2. Доля женщин в отдельных фертильных возрастных группах на 1 января 2023 года (Нижегородская область), %
Fig. 2. Share of women in selected fertile age groups as of 1 January 2023 (Nizhny Novgorod Region), %

Таблица 2 — Брачная структура населения Нижегородской области, %
Table 2 — Marital structure of the population of Nizhny Novgorod Region, %

Брачный статус	Нижегородская обл.			Городское население			Сельское население		
	всего	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего	муж.	жен.
Население в возрасте 16 лет и более, в том числе:									
никогда не состоявшие в браке	17	21	14	17	21	14	18	23	12
состоящие в браке, в том числе:	58	65	53	58	66	52	58	62	53
зарегистрированном	92	92	92	93	93	93	91	90	91
незарегистрированном	8	8	8	7	7	7	9	10	9
вдовые	13	4	20	13	4	20	15	5	25
разошедшиеся, разведенные	11	9	14	11	9	14	10	9	10

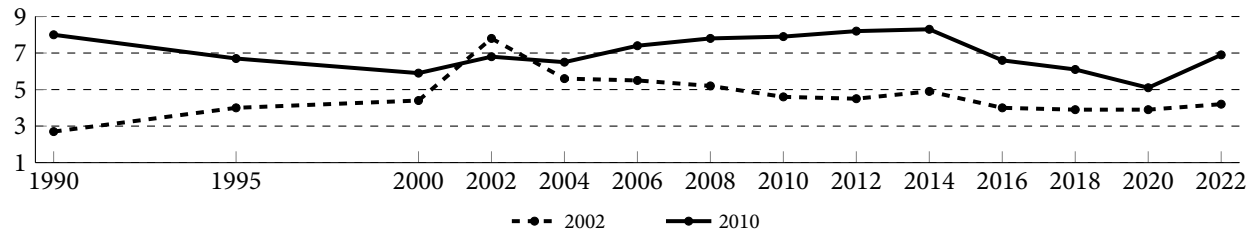
Рассчитано авторамо по: Перепись населения 2020 г. // Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/inspection/vpn/vpn_popul.htm.

носительно высоких значениях. Следует отметить, что уровень разводов в Нижегородской области на протяжении полутора десятилетий (2000-е – первая половина 2010-х гг.) был выше, чем по России в целом, а сегодня показатели выравнялись и стали сопоставимы.

Наличие партнера/супруга – значимый фактор рождаемости, в связи с чем важен анализ брачной структуры населения. Согласно данным переписи 2020 г., половина женщин (53%) и две трети мужчин (65%) имеют партнера или состоят в браке (табл. 2). Стоит отметить, что место жительство и брачный статус, видимо, пока не связаны. Жители города и села не отличаются сильно по своему брачному состоянию. Это касается как мужчин, так и женщин. В то же время остальные половина женщин и треть мужчин не имеют пары и, следовательно, исключены из процесса воспроизводства. Более того, в среднем 8-9% браков не зарегистрированы, а, значит, потенциально менее детны. Сама же брачная структура в течение последних лет остается относительно постоянной [29].

Помимо описанных тенденций в регионе наблюдается процесс «старения» брачности. Изменение возраста вступления в брак, «откладывание», как уже было сказано, является общероссийским трендом, четко фиксируемым демографами. Судя по данным Федеральной службы государственной статистики, в последние десятилетия в России число вступающих в брак в молодых возрастах становится все меньше, в то время как количество брачующихся в старших группах растет [29]. Нижегородская область не является исключением. За три десятилетия (с 1990 по 2020 гг.) доля невест, официально ставших женами до 25 лет, в регионе снизилась вдвое (с 63% до 32%), а юношей, вступивших в брак, стало меньше в три раза (19% в 2020 г. против 59% в 1990 г.). Таким образом, возрастная «мода» вступления в брак плавно переместилась из группы 18–24-летних в более старшую, 25–34-летних [29]. Последние имеющиеся в нашем распоряжении данные за 2021 г. не дают серьезных оснований говорить об изменении направленности тенденции[5].

[5] Статистический ежегодник. 2022: Стат. сб. / Нижегородстат. Нижний Новгород, 2022. Раздел 4. С. 39. URL: https://52.rosstat.gov.ru/publication_collection/document/41619.



Источник: Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Нижегородской области. Статистика / Официальная статистика / Население / Браки и разводы. URL: https://52.rosstat.gov.ru/folder/33271.

Рис. 3. Динамика брачности и разводимости по Нижегородской области, 1990–2022 гг., %
Fig. 3. Dynamics of marriage and divorce rates in Nizhny Novgorod Region, 1990-2022, %

Таблица 3 — Относительный перевес полов в структуре населения в Нижегородской области, 2002–2023 гг.
Table 3 — Relative preponderance of sexes in the population structure in Nizhny Novgorod Region, 2002–2023

Возраст, лет	Россия, 1994 г.		Россия, 2002 г., все население	Россия, 2010 г., все население	Россия, 2015 г., все население	Россия, 2020 г., все население	Нижегородская область, 2015, все население	Нижегородская область, 2020 г., все население
	село	город						
16-17				59	48	41	67	47
18-19	18*	14*	36*	45	54	41	54	47
20-24	7	7	19	26	37	22	26	23
25-29	6	6	14	17	21	13	15	11
30-34	7	5	12	16	16	10	12	8
35-39	8	5	9	15	14	10	11	8
40-44	10	5	8	14	13	10	9	9
45-49	11	6	8	11	12	10	9	9
50-54	10	6	7	10	10**	9	6**	8
55-59	10	6	7	9	—	7		6
60 и старше	9	5	6	7	6	5	4	4
Все возрастные группы	9	6	10	13	12,5	9	10	8

Прим.: * данные приведены в целом по возрастной группе 16–19 лет; ** данные приведены по возрастной группе 50–59 лет.

Источник: Всероссийские переписи населения 2002, 2010, 2015, 2020 гг. // Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/inspection/vpn/vpn_popul.htm (дата обращения: 31.01.2022); Михеева А. Р. Брак, семья, родительство: социологические и демографические аспекты. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т., 2001. С. 36.

Данные, открыто предоставляемые Росстатом, к сожалению, не учитывают очередность заключаемого союза, потому сложно сказать, является ли наблюдаемая тенденция следствием откладывания создания семьи или результатом роста числа повторных браков, которые, очевидно, заключаются в более позднем возрасте. Расчеты демографов и данные выборочных опросов все же дают основания для вывода о «старении» брака [30], возраст вступления в который, в том числе для первых союзов, уверенно стремится ко второй половине третьего десятилетия не только у юношей, но и у девушек. Опрос студентов нижегородских вузов тоже фиксирует стремление к формированию собственной семьи в более позднем возрасте. Большинство (64%) юношей в качестве предпочтительного возраста вступления в брак называют интервал 25–29 лет, девушки не столь единодушны. Тем не менее, 43% называют подходящим возраст 25–29 лет, чуть больше (49%) – 21–24 года[6]. Как результат, молодые люди с высшим образованием вступают в первый брак в среднем позже, особенно девушки, которые все чаще, прежде чем создать семью, стремятся получить образование и закрепиться в трудовой деятельности [30].

Динамика брачности и изменение средних возрастов вступления в брак тесно связаны с распространением сожительств – тенденцией, в последнее время активно набирающей обороты. Согласно данным Росстата, за двадцатилетний период, с 1994 г. по 2015 г., доля живущих без регистрации супружеств увеличилась почти в два раза: с 7% в 1994 г. до 12,5% в 2015 г. (табл. 3). Стоит отметить, что тенденцию роста в этот период можно считать стабильной, касающейся всех возрастных групп. Наиболее активно сожительство распространялось среди молодых. В группе женщин 20–24 лет доля живущих без регистрации выросла в пять раз – с 7% до 37%. В остальных группах наблюдались медленные изменения, без резких скачков. В Нижегородской области доля сожительств сопоставима с общероссийскими данными. В 2015 г. она составила 10% от общего числа супружеских союзов, став в группе 20–24-летних фактически максимальной – каждый 4-й союз здесь не был зарегистрирован (высокими показателями доли сожительств в самых младших группах можно пренебречь, так как число супружеств среди 16–19-летних не велико и в разы меньше, чем во всех остальных возрастных группах). Стоит отметить, что последняя перепись 2020 г. фиксирует «отрицательную» динамику показателя

[6] Исследование кафедры общей социологии и социальной работы ФСН ННГУ им. Н. И. Лобачевского «Представления студентов о семье», 2020–2021 гг., Н. Новгород, анкетный опрос. Объект – студенты 1-6 курсов ННГУ им. Н. И. Лобачевского (N = 1113), выборка квотная, с учетом пола и направления подготовки респондентов.

во всех возрастных группах (это касается и России, и области), т.е. доля живущих без регистрации снизилась значительно: по России на 3,5% – до 9%; в регионе на 2% – до 8%. Является ли это тенденцией? Ответ на этот вопрос требует более тщательного анализа и привлечения дополнительных данных.

Исследование нижегородских студентов дает основания для вывода о постепенном встраивании сожительства в жизненный цикл семьи, где проживание без регистрации отношений рассматривается как значимый заключительный этап ухаживания, норма. Подавляющее большинство (81%) как юношей (78%), так и девушек (83%) говорят о необходимости сначала пожить вместе. Сразу вступить в брак готовы только 7% опрошенных (13% девушек и 5% юношей), 7% считают регистрацию возможной только в случае беременности партнерши/рождения ребенка (11% юношей и 3% девушек)[7]. И это важно учитывать при выстраивании прогнозов, связанных с оценкой репродуктивного поведения.

Принятие сожительств вносит свои коррективы в процесс рождаемости. Во-первых, добрачное сожительство, или «пробный» брак, «отодвигает» возраст рождения детей; во-вторых, если говорить о сожительстве как об эквиваленте семьи, это затрудняет реализацию репродуктивных потребностей и установок, так как число детей в таких семьях меньше, что уже подчеркивалось, в том числе результатами нижегородских исследований [29]. Именно женщины, состоящие в браке, первом или повторном (81%), согласно нашему исследования, имели детей. Только 4% мам оказались живущими с партнером без официального оформления союза[8]. Таким образом, регистрация союза – значимое условие реализации репродуктивных установок.

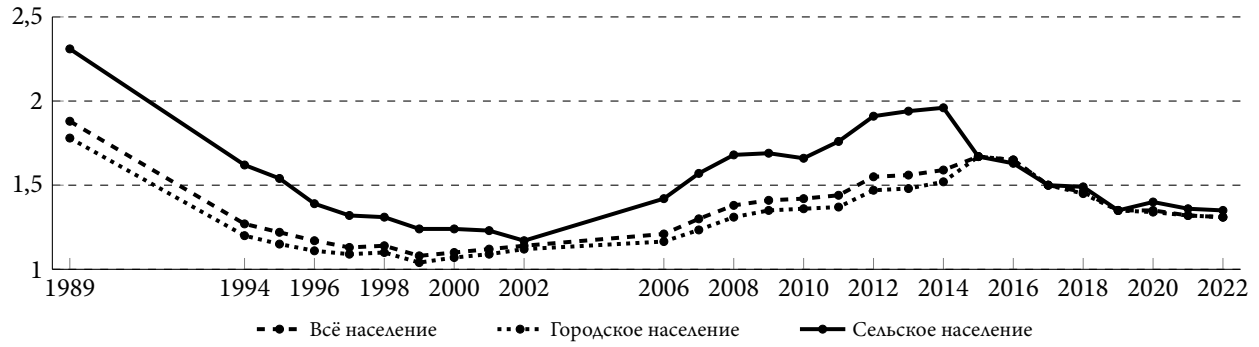
Как следствие, две основные тенденции в сфере рождаемости в регионе остаются неизменными: по-прежнему фиксируется снижение показателей и смещение календаря рождений в старшие возрастные группы [28].

Стабильный медленный рост рождаемости, наблюдаемый в период с 2000 по 2015 гг. после резкого «обвала» в 1990-х гг., начиная с 2016 г. сменился спадом, и среднее число рождений сегодня уже вернулось к показателям первой половины 2000-х гг. (рис. 4). При этом стоит отметить, что, согласно данным Нижегородстата, область занимает одно из последних мест по показателям рождаемости в Приволжском федеральном округе (так, в 2021 году регион вместе с Ульяновской областью находился на 10–11-м месте из 14-ти возможных). Суммарный коэффициент рождаемости тоже стабильно ниже, чем в среднем по России (например, 1,31 против 1,42 в 2022 г.). Особенностью региона можно считать сближение уровня рождаемости на селе и в городе: со второй половины 10-х гг. (с 2015 г.) разница в показателях перестает быть существенной, происходит их выравнивание. Такая ситуация сохраняется и в 2022 г.

Тем не менее, отличия в числе рожденных детей у женщин на селе и в городе, по данным переписи 2020 г., остаются заметными (табл. 4). К окончанию основного репродуктивного пери-

[7] Исследование «Представление студентов о семье», 2020–2021 гг. Подробное описание см. выше.

[8] Исследование «Семья и рождаемость», проведенное по инициативе Министерства социальной политики Нижегородской области кафедрой ОСиСР ФСН ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2020 г., Нижегородская обл., анкетный опрос. Объект – женщины в возрасте 18–40 лет (N = 1807).



Источник: Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Нижегородской области. Официальная статистика / Население / Суммарный коэффициент рождаемости. URL: https://52.rosstat.gov.ru/folder/33271.

Рис. 4. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в Нижегородской области, 1989–2022 гг.
Fig. 4. Dynamics of the total fertility rate in Nizhny Novgorod Region, 1989–2022

Таблица 4 — Женщины по возрастным группам и числу рожденных детей, %
Table 4 — Women by age group and number of children born, %

Возрастная группа	Городское население				Сельское население			
	0	1	2	3 и более	0	1	2	3 и более
18-19	18*	14*	36*	45	54	41	54	47
15-17	99,5	0,4	0,1	0	99,3	0,6	0,1	0
18-19	97,6	2,1	0,3	0	95	4,6	0,4	0
20-24	82,7	14,1	2,9	0,4	76,5	17,4	5	1,1
25-29	45,5	36,8	15,2	2,6	39,1	34,6	20,2	6
30-34	22,6	39,5	31,5	6,3	19,2	32,3	35,7	12,8
35-39	14,1	37,1	39,3	9,5	12,9	28,5	41,1	17,5
40-44	11	41,4	38,4	9,1	9,9	30,1	41,5	18,4
45-49	10,2	48,1	35,1	6,6	7,9	33,4	44,1	14,6
50-54	9,6	50,8	34,5	5,1	6,6	31,7	48,5	13,1
55-59	8,4	45	41,5	5,1	5,8	25	54,8	14,4
60-64	8,1	38	47,7	6,2	5,7	22,2	55,6	16,5
65-69	8,4	37,3	47,6	6,7	6,1	23,3	52,6	18
70 и более	9	38,5	44,5	8	7,3	22,8	45,1	24,8
женщины 15 лет и старше	19	38,2	36,4	6,4	16,1	25,7	42,4	15,8

Источник: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Всероссийская перепись населения 2020 г. Итоги ВПН-2020. Том 9 Рождаемость. Таблица 1. Женщины, проживающие в частных домохозяйствах, по возрастным группам и числу рожденных детей по субъектам Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom9_Rozhdaemost.

ода (к 40 годам) сельские матери почти в два раза чаще многодетны, имея трех и более детей (17,5% против 9,5% в возрастной группе 35–39 лет), доля имеющих двоих детей почти не отличается (41,1% сельских против 39,3% городских), но у оставшейся половины горожанок только один ребенок или нет детей совсем. Среди жительниц села однодетных и бездетных меньше – 41,4%. Городские женщины, как правило, малодетны – почти половина из них к окончанию принятого репродуктивного периода, в возрасте 40–44 года, имеют только одного ребенка (48,1%). Еще 10,2% не имеют детей совсем. Большинство сельских женщин этого возраста (58,7%) имеют двоих и более детей. Еще одно отличие – более ранняя реализация репродуктивных установок женщинами на селе. К 20–24 годам четверть из них уже имеют ребенка, к 25–29 годам – таких уже почти 60%. Среди горожанок картина несколько иная: в 20–24 года только каждая пятая женщина становится мамой, в 25–29 лет 45,5% все еще не имеют детей. В то же время очевидно, что число детей в семье и доля многодетных в течение полувека резко сократились не только в городе, но и на селе, а «статистическая мода» переместилась в более малодетные группы: каждая четвертая сельская представительница послевоенного поколения (возрастные группы 70 лет и старше) родила трех и более детей, в следующем поколении многодетность встречается заметно реже. В результате среднестатистическая сельская семья из многодетной превращается в двухдетную, а городская – из двухдетной в однодетную. Стоит отметить, что, согласно данным микропереписи, отличия в городе и на селе выражены сегодня менее ярко, чем это было, например, в 2015 г. [29].

Параллельно идет процесс смещения «календаря» рождений (рис. 5). Максимальное изменение показателя мы наблюдаем в самых молодых возрастных группах: за более чем 30-летний период в группе моложе 20-ти лет он снизился в пять раз (с 50,9% в 1990 г. до 9,% в 2021 г.), в группе 20–24-летних – в 2,5 раза (с 144,2% в 1990 г. до 58,7% в 2021 г.). Во всех остальных группах при разнонаправленных в течение анализируемого периода процессах – однозначный рост, все более заметный по мере перехода к старшим группам. В то же время показатель в последних крайне низок в силу естественных причин и несопоставим с уровнем рождений в молодых возрастах. Наиболее активно рожающие группы сегодня, как уже было отмечено, – 20–39-летние. Но и в этих группах после 2015 г. наблюдается снижение коэффициентов. Исключение – возрастная группа 24–29-летних, показавшая рост показателя в 2020 г. Можно ли считать это тенденцией? Скорее, нет. В этом же году

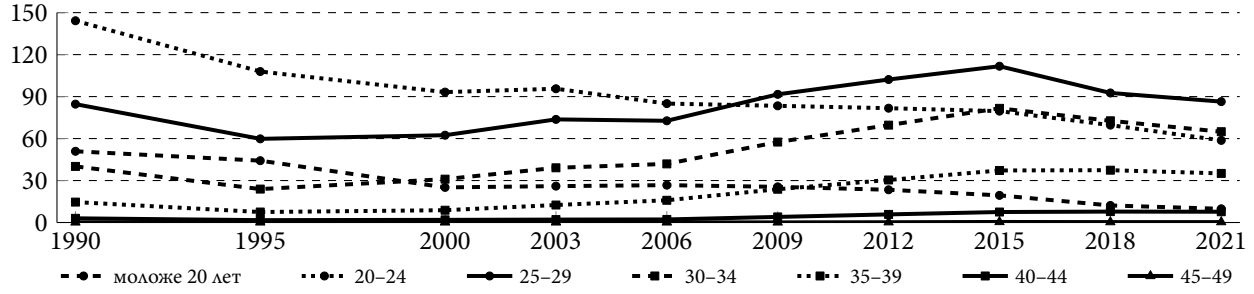
в более младшей группе 20–24-летних был зафиксирован самый низкий показатель за анализируемый период наблюдений. За последний год наблюдений (2021 г.) показатель снизился во всех возрастах.

В то же время, судя по среднему возрасту рождений, сегодня «календарь» стабилизировался: относительное увеличение возраста, по имеющимся у нас данным, наблюдалось в течение 2000-х – 2010-х гг., с 2002 г по 2018 г. он вырос чуть больше, чем на 3 года, с 25,6 лет до 28,9 года (рис. 6). За последние три года (с 2018 г. по 2021 г.) он вырос всего на 0,1 года. То же самое касается и среднего возраста с учетом очередности рождений. Во-первых, активный репродуктивный интервал небольшой: второй ребенок рождается в среднем в течение 6 лет после первого, а третий – в течение последующих трех лет. Во-вторых, в последние 4 года (период, за который есть данные в открытом доступе) он существенно не менялся (это касается рождений всех очередностей). Интергенетический интервал небольшой и стабильный: между первым и вторым рождением – в среднем 4 года, между вторым и третьим – около 2 лет и далее – чуть больше года.

■ ОБСУЖДЕНИЕ

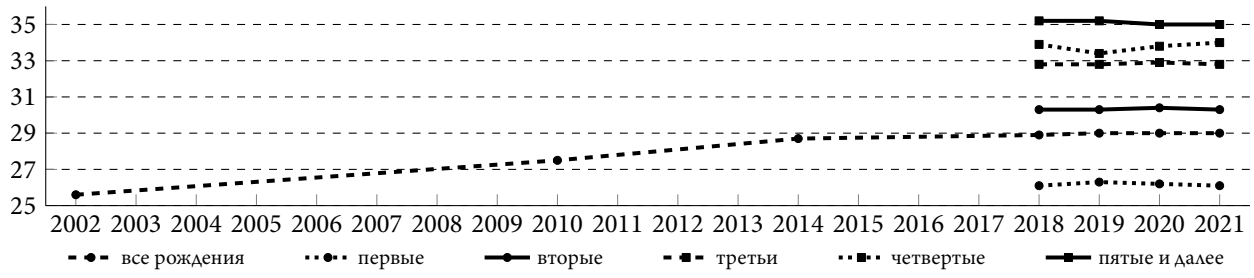
Сегодня демографическую ситуацию в Нижегородской области сложно назвать благоприятной. Комплексный количественный показатель оценки территории – численность населения – на протяжении, как минимум, последних трех десятилетий неуклонно снижается. Падает численность как городского, так и сельского населения, как мужчин, так и женщин, в последние годы – особенно быстрыми темпами.

Одним из факторов стабилизации численности является процесс его воспроизводства, или рождаемость, абсолютные и относительные показатели которой, к сожалению, демонстрируют отрицательную динамику. Предпринимаемые усилия пока не дают желаемого результата, и вопрос «Что можно сделать?» остается актуальным. В то же время снижение рождаемости – распространенный, сложный и многофакторный процесс, коррекция которого должна выстраиваться на основе тщательного анализа и постоянного мониторинга ситуации. Несмотря на то, что причин, выявляемых в сфере рождаемости тенденций, много, что является предметом непрекращающихся дискуссий и споров в научных



Источник: Статистический ежегодник. 2022 : Стат. сб. / Нижний Новгород : Нижегородстат, 2022. Раздел 4. С. 36. URL: https://52.rosstat.gov.ru/publication_collection/document/41619.

Рис. 5. Динамика возрастных коэффициентов рождаемости в Нижегородской области, 1990–2021 гг., %
Fig. 5. Dynamics of age-specific fertility rates in Nizhny Novgorod Region, 1990-2021, %



Источник: Рассчитано авторами на основании данных Федеральной службы государственной статистики. URL: https://fedstat.ru/indicator/59992.

Рис. 6. Средний возраст матери при рождении ребенка (с учетом очередности), Нижегородская область, 2018–2021 гг.
Fig. 6. Average age of mother at childbirth (taking into account priority), Nizhny Novgorod Region, 2018–2021

и общественно-политических кругах, необходимо четко понимать потенциал, который заложен демографическими характеристиками той или иной территории, а именно, численностью и характеристиками фертильных групп, которые являются основными субъектами воспроизводства.

Половозрастная структура населения Нижегородского региона, к сожалению, дает мало поводов для выстраивания благополучного прогноза. С одной стороны, пока мы не наблюдаем диспропорции в фертильных возрастах. Численность основных возрастных групп мужчин и женщин приблизительно одинакова, за исключением самых старших фертильных групп. В то же время надо понимать, что возраст начала семейной жизни у мужчин и женщин не одинаков и лучше иметь «запас» мужчин в старших возрастах, на что рассчитывать сложно. Велика вероятность появления диспропорции и в более молодых возрастах.

Немного больше оптимизма внушает ситуация, связанная с брачной структурой. С одной стороны, в Нижегородской области фиксируются все процессы, которые характерны для сферы семейно-брачных отношений: откладывание создания семьи и рождения детей, высокие показатели разводимости, распространение сожительств, что, как показывают исследования, отрицательно сказывается на рождаемости. В то же время данные последней переписи населения говорят о снижении, например, числа незарегистрированных союзов, происходит стабилизация среднего возраста рождений, что позволяет строить более точные прогнозы.

Региональные исследования тоже фиксируют сохраняющийся зазор между желаемым и реальным количеством детей в различных социально-демографических группах, что, с нашей точки зрения, является важным и требует тщательных исследований и анализа. Учитывая, что демографический ресурс, к сожалению, невелик, необходим очень внимательный и взвешенный подход к ситуации. Модели репродуктивного поведения могут быть неодинаковы для представителей различных социодемографических групп, а, значит, разными будут потребности в социально-демографической и семейной политике, оценка и реакция на принимаемые меры. И это только одна из исследовательских задач в рамках сопровождения и постоянного мониторинга ситуации, которая предполагает подробный анализ воздействия на поведение разных социальных групп для определения их репродуктивного потенциала в существующих условиях (с учетом возраста, пола, образования, профессиональной деятельности, материального положения), включая необходимость разработки и использования для оценки эффективности отдельных мер как объективных, так и субъективных показателей и критериев.

Необходимо сохранять, как минимум, ту поддержку, которая сегодня создана на федеральном и региональном уровнях, принимая во внимание влияние основных факторов, способствующих реализации репродуктивных установок (система пособий, жилищная политика, развитие сети дошкольных учреждений, возможно, расширение социальных и внешкольных услуг для детей младшего школьного возраста и т.д.), что, возможно, позволит стабилизировать ситуацию.

Политика не должна предполагать одну-две меры, которые, конечно, не способны решить проблему. Она должна быть комплексной, учитывая многофакторность процесса, например, если говорить о низком демографическом потенциале, диспропорции полов, то это – и политика в области здравоохранения (профилактика рискологического поведения мужчин, сохранение репродуктивного здоровья), и меры миграционной политики. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ростовская Т. К., Саралиева З. Х. М. Ценностные ориентации молодежи Нижегородской области (результаты регионального социологического исследования) // Вестник ВЭГУ. 2018. № 3 (95). С. 89–96. EDN XRECGL.

2. Саралиева З. Х., Балабанов С. С. Дети как жизненная ценность россиян // Россия реформирующаяся. 2009. № 8. С. 390–403. EDN PBTJFZ.

3. Jeffers, K., Esteve, A., & Batyra, E. (2024). Non-family Living Arrangements Among Young Adults in the United States. *European Journal of Population*, *40*(1). https://doi.org/10.1007/s10680-024-09696-5.

4. Архангельский В. Н., Васильева Е. Н.,

Васильева А. Е. Репродуктивные намерения современной российской молодежи и оценка возможностей их реализации // Logos et Praxis. 2021. Т. 20, № 3. С. 93–111. DOI 10.15688/lp.jvolsu.2021.3.10. EDN CVYOCN.

5. Архангельский В. Н., Богдан И. В., Калачикова О. Н., Чистякова Д. П. Особенности репродуктивного поведения жительниц Москвы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. Т. 16, № 3. С. 231–246. DOI 10.15838/esc.2023.3.87.12. EDN NDVBGU.

6. Hellstrand, J., Nisén, J., & Myrskylä, M. (2022). Less Partnering, Less Children, or Both? Analysis of the Drivers of First Birth Decline in Finland Since 2010. *European Journal of Population*, *38*(2), 191–221. https://doi.org/10.1007/s10680-022-09605-8.

7. Русанова Н. Е., Ожиганова А. А. Репродуктивные стратегии российских женщин: результаты пилотного опроса // Народонаселение. 2022. Т. 25, № 4. С. 55–67. DOI 10.19181/population.2022.25.4.5. EDN VFYDZC.

8. Ушакова Я. В., Зернов Д. В. Семья и дети в контексте репродуктивного здоровья молодежи // Национальные демографические приоритеты: новые подходы, тенденции / под ред. Т. К. Ростовской, С. В. Рязанцева. Москва : Издательство «Экон-Информ», 2019. С. 340–343. EDN WQUYJZ.

9. Захаров С. В. Население России 2019: двадцать седьмой ежегодный демографический доклад : Монография. Москва : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2022. 344 с. DOI 10.17323/978-5-7598-2554-8. EDN FKJKMO.

10. Козлова О. А., Левина Е. И. Роль социально-экономических факторов в формировании демографических процессов: эволюция теоретических концепций // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16, № 1. С. 144–153. DOI 10.31063/2073-6517/2019.16-1.13. EDN DHZGMO.

11. Scherer, S., & Brini, E. (2023). Employment Instability and Childbirth over the Last 20 Years in Italy. *European Journal of Population*, *39*(1), Article 31. https://doi.org/10.1007/s10680-023-09680-5.

12. Синельников А. Б. Демографический переход и семейно-демографическая политика // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 83–93. DOI 10.31857/S013216250017168-7. EDN AREWXI.

13. Архангельский В. Н., Зинькина Ю. В., Коротаев А. В., Шульгин С. Г. Современные тенденции рождаемости в России и влияние мер государственной поддержки // Социологические исследования. 2017. № 3 (395). С. 43–50. EDN YMFZPN.

14. Вишневский А. Г., Захаров С. В., Щербакова Е. М. Население России 2018: двадцать шестой ежегодный демографический доклад : Монография. Москва : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2020. 352 с. DOI 10.17323/978-5-7598-2326-1. EDN RBXWPQ.

15. Захаров С. В. Скромные демографические результаты пронаталистской политики в контексте долговременной эволюции рождаемости в России. Часть 2 // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 4. С. 6–26. EDN YNVXPN.

16. Синельников А. Б. Что повысит рождаемость - льготы и пособия для семей с детьми или демографическая саморегуляция? // Социологический журнал. 2020. Т. 26, № 2. С. 174–182. DOI 10.19181/socjour.2020.26.2.7272. EDN QFHKWU.

17. Balbo, N., Billari, F. C., & Mills, M. (2012). Fertility in advanced societies: A review of research. *European Journal of Population*, *29*(1), 1–38. https://doi.org/10.1007/s10680-012-9277-y.

18. Журавлева Т. Л., Гаврилова Я. А. Анализ факторов рождаемости в России: что говорят данные РМЭЗ НИУ ВШЭ? // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 21, № 1. С. 145–187. EDN YMIQTF.

19. Зырянова М. А. Демографические причины нового этапа снижения рождаемости в северных регионах России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2021. Т. 24, № 3 (73). С. 104–117. DOI 10.37614/2220-802X.3.2021.73.007. EDN LWIRYM.

20. Синельников А. Б. Обособление поколений в семьях как фактор снижения рождаемости // Социологические исследования. 2022. № 5. С. 36–48. DOI 10.31857/S013216250020195-7. EDN FODWFN.

21. Raab, M., & Struffolino, E. (2019). The Heterogeneity of Partnership Trajectories to Childlessness in Germany. *European Journal of Population*, *36*(1), 53–70. https://doi.org/10.1007/s10680-019-09519-y.

22. Zimmermann, O. (2021). Is Early Partnership Formation Instrumental for Fertility in Germany?: Influences of Fertility Orientations on Partnership

Transitions. *Comparative Population Studies*, *46*. https://doi.org/10.12765/cpos-2021-01.

23. Fostik, A., Fernández Soto, M., Ruiz-Vallejo, F., & Ciganda, D. (2023). Union Instability and Fertility: An International Perspective. *European Journal of Population*, *39*(1), Article 25. https://doi.org/10.1007/s10680-023-09668-1.

24. Синельников А. Б. Трансформация брака и рождаемость в России // Народонаселение. 2019. № 2. С. 26–39. DOI 10.24411/1561-7785-2019-00013. EDN FDDUOL.

25. Архангельский В. Н. Динамика рождаемости в России: детерминанты и возможные перспективы // Международный демографический форум «Демография и глобальные вызовы» : Материалы форума (Воронеж, 30 сентября – 2 октября 2021 г.) / под ред. Н. В. Яковенко. Воронеж : Цифровая полиграфия, 2021. С. 24–31. EDN OGRRAH.

26. Казенин К. И. Влияние миграции на рождаемость: сопоставление имеющихся гипотез на материале Северного Кавказа // Народонаселение. 2018. Т. 21, № 1. С. 48–59. DOI 10.26653/1561-7785-2018-21-1-04. EDN XQCXJJ.

27. Короленко А. В. Факторы демографического развития России: опыт исследования панельных данных // Проблемы развития территории. 2019. № 5 (103). С. 170–188. DOI 10.15838/ptd.2019.5.103.11. EDN LCZQBP.

28. Ростовская Т. К., Шабунова А. А., Абдульзянов А. Р. Демографическое самочувствие регионов России: национальный демографический доклад - 2021 : Монография. Москва : Издательско-торговый Дом «ПЕРСПЕКТИВА», 2021. 138 с. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-369-0.2021. EDN BGLITQ.

29. Ростовская Т. К., Шабунова А. А., Абдульзянов А. Р. Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад - 2022 : Монография. Москва : Издательско-торговый Дом «ПЕРСПЕКТИВА», 2022. 220 с. DOI 10.19181/monogr.978-5-88045-556-0.2022. EDN URJOYC.

30. Саралиева З. Х. М., Егорова Н. Ю., Рябинская Е. С. Брак и семья студентов в условиях трансформации // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 193–208. DOI 10.17213/2075-2067-2022-1-193-208. EDN DOOJAQ.

REFERENCES

1. Rostovskaya, T. K., & Saralieva, Z. Kh. M. (2018). Value orientations of the youth of Nizhny Novgorod region (results of regional sociological research). *Vestnik VEGU*, (3), 89–96. https://elibrary.ru/xrecgl.

2. Saralieva, Z. Kh., & Balabanov, S. S. (2009). Children as a vital value for Russians. *Russia Reforming*, (8), 390–403. https://elibrary.ru/pbtjfz.

3. Jeffers, K., Esteve, A., & Batyra, E. (2024). Non-family Living Arrangements Among Young Adults in the United States. *European Journal of Population*, *40*(1). https://doi.org/10.1007/s10680-024-09696-5.

4. Arkhangelsky, V. N., Vasilyeva, E. N., & Vasilyeva, A. E. (2021). Reproductive intentions of modern Russian youth and assessment of the possibilities of their realization. *Logos et Praxis*, *20*(3), 93–111. https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.10.

5. Arkhangelsky, V. N., Bogdan, I. V., Kalachikova, O. N., & Chistyakova, D. P. (2023). Peculiarities of reproductive behavior of Moscow residents. *Ekonomicheskie i Sotsial'nye Peremeny: Fakty, Tendentsii, Prognoz*, *16*(3), 231–246. https://doi.org/10.15838/esc.2023.3.87.12.

6. Hellstrand, J., Nisén, J., & Myrskylä, M. (2022). Less Partnering, Less Children, or Both? Analysis of the Drivers of First Birth Decline in Finland Since 2010. *European Journal of Population*, *38*(2), 191–221. https://doi.org/10.1007/s10680-022-09605-8.

7. Rusanova, N. E., & Ozhiganova, A. A. (2022). Reproductive strategies of Russian women: Results of the pilot survey. *Population*, *25*(4), 55–67. https://doi.org/10.19181/population.2022.25.4.5.

8. Ushakova, Ya. V., & Zernov, D. V. (2019). Family and children in the context of reproductive health of youth. In T. K. Rostovskaya, & S. V. Ryazantsev (Eds.) *National demographic priorities: New approaches, trends* (pp. 340–343). Publishing House "Ekon-Inform". https://elibrary.ru/wquyjz.

9. Zakharov, S. V. (2022). *Population of Russia 2019: Twenty-seventh annual demographic report*. National Research University Higher School of Economics. https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2554-8.

10. Kozlova, O. A., & Levina, E. I. (2019). The role of social and economic factors in formation of

demographic processes: Evolution of theoretical concepts. *Russian Journal of Economic Theory*, *16*(1), 144–153. https://doi.org/10.31063/2073-6517/2019.16-1.13.

11. Scherer, S., & Brini, E. (2023). Employment Instability and Childbirth over the Last 20 Years in Italy. *European Journal of Population*, *39*(1), Article 31. https://doi.org/10.1007/s10680-023-09680-5.

12. Sinelnikov, A. B. (2021). Demographic transition and family-demographic policy. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (10), 83–93. https://doi.org/10.31857/S013216250017168-7.

13. Arkhangelsky, V. N., Zinkina, Yu. V., Korotaev, A. V., & Shulgin, S. G. (2017). Modern fertility trends in Russia and the impact of the pro-natalist policies. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (3), 43–50. https://elibrary.ru/ymfzpn.

14. Vishnevsky, A. G., Zakharov, S. V., & Shcherbakova, E. M. (2020). *Population of Russia 2018: Twenty-sixth annual demographic report*. National Research University Higher School of Economics. https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2326-1.

15. Zakharov, S. V. (2016). Modest demographic results of the pronatalist family policy in the context of long-term evolution of fertility in Russia. Part 2. *Demographic Review*, *3*(4), 6–26. https://elibrary.ru/ynvxpn.

16. Sinelnikov, A. B. (2020). What will increase the birth rate - benefits for families with children or demographic self-regulation?. *Sociological Journal*, *26*(2), 174–182. https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.2.7272.

17. Balbo, N., Billari, F. C., & Mills, M. (2012). Fertility in advanced societies: A review of research. *European Journal of Population*, *29*(1), 1–38. https://doi.org/10.1007/s10680-012-9277-y.

18. Zhuravleva, T. L., & Gavrilova, Y. A. (2017). Analysis of fertility determinants in Russia: What do RLMS data say?. *Higher School of Economics Economic Journal*, *21*(1), 145–187. https://elibrary.ru/ymiqtf.

19. Zyryanova, M. A. (2021). The demographic reasons of new period of fertility decline in the Northern Regions of Russia. *The North and the Market: Forming the Economic Order*, *24*(3), 104–117. https://doi.org/10.37614/2220-802X.3.2021.73.007.

20. Sinelnikov, A. B. (2022). Separation of generations in families as a factor for reducing birth rate. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (5), 36–48. https://doi.org/10.31857/S013216250020195-7.

21. Raab, M., & Struffolino, E. (2019). The Heterogeneity of Partnership Trajectories to Childlessness in Germany. *European Journal of Population*, *36*(1), 53–70. https://doi.org/10.1007/s10680-019-09519-y.

22. Zimmermann, O. (2021). Is Early Partnership Formation Instrumental for Fertility in Germany?: Influences of Fertility Orientations on Partnership Transitions. *Comparative Population Studies*, *46*. https://doi.org/10.12765/cpos-2021-01.

23. Fostik, A., Fernández Soto, M., Ruiz-Vallejo, F., & Ciganda, D. (2023). Union Instability and Fertility: An International Perspective. *European Journal of Population*, *39*(1), Article 25. https://doi.org/10.1007/s10680-023-09668-1.

24. Sinelnikov, A. B. (2019). Transformation of marriage and fertility in Russia. *Population*, (2), 26–39. https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00013.

25. Arkhangelsky, V. N. (2021). Fertility dynamics in Russia: Determinants and possible prospects. In N. V. Yakovenko (Ed.) *International Demographic Forum "Demography and Global Challenges"* (pp. 24–31). Digital printing. https://elibrary.ru/ogrrah.

26. Kazenin, K. I. (2018). Impact of migration on fertility: Key hypotheses facing evidence from North Caucasus. *Population*, *21*(1), 48–59. https://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-1-04.

27. Korolenko, A. V. (2019). Factors contributing to Russia's demographic development: Panel data research experience. *Problems of Territory's Development*, (5), 170–188. https://doi.org/10.15838/ptd.2019.5.103.11.

28. Rostovskaya, T. K., Shabunova, A. A., & Abdulzyanov, A. R. (2021). *Demographic well-being of Russian regions: National demographic report - 2021*. Publishing and trading house "PERSPECTIVE". https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-369-0.2021.

29. Rostovskaya, T. K., Shabunova, A. A., & Abdulzyanov, A. R. (2022). *Demographic health of Russian regions. National Demographic Report - 2022*. Publishing and trading house "PERSPECTIVE". https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-88045-556-0.2022.

30. Saralieva, Z. Kh. M., Egorova, N. Yu., & Ryabinskaya, E. S. (2022). Marriage and family of students during transformation. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences*, *15*(1), 193–208. https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-193-208.

DOI: 10.22394/2304-3369-2024-4-41-53 ВАК: 5.4.3, 5.4.4, 5.4.7
EDN: PHDXEM УДК: 316.62:613

САМОСОХРАНИТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ НАСЕЛЕНИЯ

И. Б. Назарова[ab]

[a] Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

[b] Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы (Москва, Россия)

АННОТАЦИЯ:

Введение. На основании доступных данных исследованы основные практики самосохранительного поведения населения 15 лет и старше. Самосохранительное поведение индивида рассматривается в двух основных сферах: повседневная жизнь – поведение с целью профилактики болезни и в период болезни (обращение к медицинскому работнику).

Материалы и методы. В качестве эмпирической базы использованы данные государственной статистики; результаты выборочного наблюдения состояния здоровья населения за период с 2019 по 2023 годы; база данных Российского мониторинга экономики и здоровья (RLMS-ВШЭ) за период с 1994 по 2022 гг. Данные позволили рассмотреть проблему самосохранительного поведения в динамике и в разрезе социально-демографических групп.

Результаты. В России мало людей с высокой приверженностью здоровой жизни: 7,0% мужчин и 10,9% женщин. Мало людей, которые употребляют в достаточном количестве фрукты и овощи каждый день: 14,2% населения (2022 – 12,0%), сельское население – 15,9%, городское – 13,6%. Существуют ярко выраженные территориальные различия в потреблении фруктов и овощей, которые могут быть связаны с возможностями и привычками питания населения.

В некоторых видах поведения люди стали вести себя более ответственно. Большинство населения (68,8%) не курят и не курили ранее, бросили курить 12,3%. У женщин динамика за 26 лет не изменилась, а мужчины стали курить на 18,6% меньше. Существенно снизилось потребление алкоголя, чаще других его потребляют представители группы 35-54 лет (каждый десятый). Позитивная динамика по физической активности, в настоящее время более половины граждан систематически занимаются физической культурой и спортом – 56,8% (по данным Министерства спорта). В случае проблем со здоровьем обращались в поликлинику, к врачу треть россиян (37,8% мужчин и 39,5% женщин), большинство лечились сами, ситуация ухудшилась с началом пандемии в 2020 году.

Выводы. В целом поведение населения с целью профилактики здоровья имеет позитивную динамику, однако остается на низком уровне и не может внести существенный вклад в улучшение здоровья населения. В это же время активность населения в период заболевания также остается на низком уровне, позитивная динамика отсутствует. На фоне роста заболеваемости более половины граждан в период болезни не обращаются к врачу и занимаются самолечением.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: здоровье, самосохранительное поведение, российские регионы, здоровый образ жизни, индекс массы тела, обращаемость к врачу

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: **Назарова И. Б.** Самосохранительные практики населения // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 4. С. 41-53. EDN PHDXEM. DOI 10.22394/2304-3369-2024-4-41-53.

© И. Б. Назарова, 2024

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Назарова Инна Борисовна – доктор экономических наук; Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (117218, Россия, Москва, Нахимовский пр-кт, 32) — *заведующий лабораторий исследования здоровья населения и системы здравоохранения*; Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы (115088, Россия, Москва, ул. Шарикоподшипниковская, 9) — *ведущий научный сотрудник*; inna-nazarova@mail.ru. ORCID: 0000-0001-8086-1617, ScopusID: 7004074079, ResearcherID: M-7786-2016.

Статья поступила 12.03.2024; рецензия получена 14.04.2024; принята к публикации 18.04.2024.

SELF-PRESERVATION PRACTICES OF THE POPULATION

I. B. Nazarova[ab]

[a] Institute of Socio-Economic Studies of Population Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

[b] Research Institute of Health and Medical Management Organization of the Moscow City Health Department (Moscow, Russia)

ABSTRACT:

Introduction. Based on the available data, the main practices of self-preservation behavior of the population 15 years and older are studied. An individual's self-preservation behavior is considered in two main areas: everyday life - behavior for preventing illness and during illness (contacting a medical professional).

Materials and methods. State statistics data were used as an empirical basis; results of selective monitoring of the population's health status for the period from 2019 to 2023; database of the Russian Monitoring of Economics and Health (RLMS-HSE) for the period from 1994 to 2022. The data made it possible to consider the problem of self-preservation behavior in dynamics and in the context of socio-demographic groups.

Results. In Russia, there are few people with a high commitment to a healthy life: 7.0% of men and 10.9% of women. Few people eat enough fruits and vegetables every day: 14.2% of the population (2022 - 12.0%), rural population - 15.9%, urban population - 13.6%. There are regional differences in the consumption of fruits and vegetables, which may be related to the availability and eating habits of the population.

In some types of behavior, people began to behave more responsibly. The majority of the population (68.8%) do not smoke and have not smoked before; 12.3% have quit smoking. For women, the dynamics have not changed over 26 years, but men began to smoke 18.6% less. Alcohol consumption has decreased significantly; representatives of the 35-54 year old group (every tenth) consume it more often. Positive dynamics in physical activity; currently, more than half of citizens are systematically involved in physical culture and sports - 56.8% (according to the Ministry of Sports). In case of health problems, one third of Russians (37.8% of men and 39.5% of women) went to a polyclinic, to a doctor, the majority treated themselves, the situation worsened with the onset of the pandemic in 2020.

Conclusion. In general, the behavior of the population for the purpose of health prevention has a positive trend, but remains at a low level and cannot make a significant contribution to improving the health of the population. At the same time, population activity during the period of illness also remains at a low level, and there is no positive dynamics. Against the backdrop of increasing morbidity, more than half of citizens do not consult a doctor during illness and engage in self-treatment.

KEYWORDS: health, self-preservation behavior, Russian regions, healthy lifestyle, body mass index, doctor attendance

FOR CITATION: **Nazarova, I. B.** (2024). Self-preservation practices of the population. *Management Issues*, *18*(4), 41–53. https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-4-41-53

AUTHORS' INFORMATION:

Inna B. Nazarova – Advanced Doctor in Economic Sciences; Institute of Socio-Economic Studies of Population Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky St., Moscow, 117218, Russia) — *head of the Laboratory for Population Health Research and Healthcare Systems*; Research Institute of Health and Medical Management Organization of the Moscow City Health Department (9, Sharikopodshipnikovskaya St., Moscow, 115088, Russia) — *leading researcher*; inna-nazarova@mail.ru. ORCID: 0000-0001-8086-1617, ScopusID: 7004074079, ResearcherID: M-7786-2016.

The article was submitted 03/12/2024; reviewed 04/14/2024; accepted for publication 04/18/2024.

■ ВВЕДЕНИЕ

Основной показатель, характеризующий общественное здоровье и жизнеспособность населения в целом – ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ), снизился в России в 2020 и в 2021 г., как и в большинстве стран в связи с пандемией. В 2021 г. значение показателя ОПЖ составило 70,06 года. По данному показателю Россия выглядит хуже большинства стран ОЭСР, ниже среднего показателя по странам ОЭСР [1].

В 2023 году наблюдается позитивный сдвиг по показателю «ожидаемая продолжительность жизни» и, возможно, намечается позитивная динамика в показателе «ожидаемая продолжительность здоровой жизни». Вместе с тем, в соответствии с прогнозными данными, мы сможем выйти только на 75,79 года ОПЖ (71,17 для мужчин и 80,16 для женщин), несмотря на то, что ранее к 2030 году были запланированы более оптимистичные планы – 78 лет. Параллельно с уменьшением продолжительности жизни шло увеличение уровня заболеваемости и смертности [подробнее см.: 1]. В 2020 г. общая смертность в стране составила 2,1 млн человек (14,5‰), на второй год пандемии – 2,4 млн человек (16,7‰). В сравнении с 2019 г. (12,3‰) смертность увеличилась на 17,8% в 2020 г. и на 35,8% в 2021 году[2].

В ситуации глобальных рисков и быстрых социальных перемен важно защитить, сохранить здоровье населения: на макроуровне – государством и его институтами, на микроуровне – индивидом, его ближайшим окружением. Таким образом, в деле сохранения здоровья населения участвуют контрагенты, важнейшими из которых является сам индивид, профессионалы в системе охраны здоровья: государство (создающее инфраструктуру здоровья, формирующее законодательство в отношении здоровья и обеспечивающее основные защитные мероприятия), работодатели, которые несут ответственность за безопасные условия труда.

Специалисты выработали правила самосохранительного поведения, а индивиды в повседневной жизни делают выбор в отношении этих правил и образа жизни, который подразумевает деятельность, направленную на сохранение здоровья (ведение здорового образа жизни) или его разрушение. У индивида есть собственное представление, знания и возможности в отношении формирования своего образа жизни, самосохранения, здоровья.

В данной работе самосохранительное поведение индивида рассматривается в двух основных сферах: повседневная жизнь – поведение с целью профилактики болезни (правильное здоровое питание, отказ от вредных привычек, активный образ жизни) и в период особой ситуации, риска – во время болезни (обращение к профессионалу в системе здравоохранения).

На основании доступных данных будут исследованы практики самосохранительного поведения населения, являющиеся элементами образа жизни, их динамика и вектор.

■ МЕТОДОЛОГИЯ

Самосохранительное поведение в активистской интерпретации рассматривается в качестве системы действий и отношений, направленных на сохранение здоровья, на установку продления срока жизни[3]. В основе самосохранительного

[1] Health at a Glance 2021 OECD indicator. OECD Publishing. Paris // URL: https://www.oecd-ilibrary.org/.

[2] Федеральная Служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения: 10.12.2022).

[3] Антонов, А. И. Микросоциология семьи : Учебник / А. И. Антонов. 3-е издание, исправленное и дополненное. Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2018. 368 с. (Высшее образование: Бакалавриат). ISBN 978-5-16-013776-6. DOI 10.12737/textbook_5b27b0f77cc425.90126394. EDN XSDTSH.

поведения лежит потребность личности в самосохранении, формируемая экономическими, социальными и психологическими мотивами[4]. При этом важным является не только поведение индивида в отношении здоровья, но и образ жизни в целом, представляющий собой единство жизнедеятельности и условий. Образ жизни состоит из двух основных компонентов: выбор и возможности[5]. К жизненным возможностям относится в том числе доступность к основным ресурсам (экономическим, социальным, инфраструктурным), позволяющим сохранить здоровье [2].

В свою очередь здоровый образ жизни – способы активной биосоциальной жизнедеятельности людей, максимально сохраняющие и укрепляющие потенциал индивидуального и общественного здоровья при наличии благоприятных социальных и экологических условий[6].

На индивидуальном уровне к здоровому образу жизни и самосохранительному поведению относят физическую активность, исключение вредных привычек, рациональное питание, обращение за медицинской помощью в период заболевания, выбор безопасных условий жизнедеятельности (проживания, работы) [3].

В контексте самосохранительного поведения чаще всего говорится об отказе от негативных привычек, таких как курение и потребление алкоголя. В частности, в России, по мнению экспертов, доля смертей, связанных с табаком, составляла 23% у мужчин и 2% у женщин [4]. Существуют значительные риски алкогольной смертности, пик которой приходится на возраст 50 лет и старше, алкоголь был непосредственной причиной около 160 000 смертей в 2018 г. [5]. Результаты статистического анализа подтвердили негативное воздействие алкоголизма и наркомании на здоровье и, как следствие, на ожидаемую продолжительность (и качество) жизни. На примере российских регионов установлена связь между показателями распространения алкоголизма и наркомании и ожидаемой продолжительностью жизни. Причем для женщин указанная связь сильнее. Также установлено негативное воздействие алкоголизма и наркомании на младенческую смертность и на ожидаемую продолжительность жизни. Выявлена тесная взаимосвязь между распространением алкоголизма и наркомании и бедностью населения в регионах России [6].

Рискованное поведение присуще прежде всего людям с низким уровнем образования, которые чаще курят, имеют нездоровое питание и недостаточно физически активны [3; 7].

Подтверждается связь веса с нормальным самочувствием, а отклонение от нормального веса – с летальностью [8]. Избыток веса увеличивает риск развития сложных случаев COVID-19 и смерти от COVID-19 [9].

Специалисты негативно характеризуют отношение россиян к своему здоровью (недостаточная медицинская активность в период начала COVID-19, низкий уровень культуры самосохранения, пренебрежение к своему здоровью), а также недостаток доверия к системе здравоохранения (к личности медицинского работника (врача), к медицинским организациям). Ситуация усугубляется бедностью значительной части населения, невозможностью пользоваться платными медицинскими услугами, сокращением медицинских учреждений и персонала государственных медицинских учреждений [10].

Образ жизни, включая привычки питания, физическую активность, отказ от курения и незлоупотребление алкоголем, влияет не только на физическое, но и на психическое здоровье [11].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

1) данные государственной статистики по разделу «Здравоохранение»[7];

2) результаты выборочного наблюдения состояния здоровья населения в период 2019–2022 годы (СЗН)[8] во всех субъектах Российской Федерации с охватом 60 тыс. домохозяйств, в которых опрошены все члены домохозяйства (более 100 тыс. человек). Уровень представительности результатов –

[4] Там же.

[5] Cockerham W. C. The social determinants of the decline of life expectancy in Russia and Eastern Europe: a lifestyle explanation // Journal of Health and Social Behavior. 1997. Vol 38, No 2. Pp. 117-130.

[6] Изуткин, Д. А. Концептуальные основы взаимосвязи образа жизни и здоровья : 09.00.11 : дисс. … д-ра филос. наук / Изуткин Дмитрий Анатольевич. Нижний Новгород, 2005. 356 с. EDN NOKVQP.

[7] Федеральная служба государственной статистики : «Здравоохранение» // URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 01.03.2024).

[8] Федеральная служба государственной статистики : Выборочное наблюдение состояния здоровья населения (СЗН). При формировании итогов наблюдения его результаты распространяются на все частные домохозяйства и на все население, проживающее в них, с применением весовых коэффициентов, рассчитываемых как обратно пропорциональные вероятностям отбора (https://gks.ru/free_doc/new_site/zdor22/PublishSite_2022/index.html) (дата обращения: 01.03.2024).

в целом по Российской Федерации. Использованы данные в отношении респондентов от 15 лет и старше.

3) база данных Российского мониторинга экономики и здоровья (RLMS-ВШЭ) за период с 1994 по 2022 гг., полная выборка, использованы данные респондентов 15 лет и старше, расчеты автора[9]. Рассчитан индекс массы тела (ИМТ), который используется в том числе в качестве индикатора поведения, связанного со здоровьем. Расчет произведен по методике, разработанной Адольфом Кетле [12] для респондентов 18 лет и старше по формуле:

$$I = m / h^2,$$

где m – масса тела в килограммах, h – рост в метрах, и измеряется в кг/м^2. Норма – от 18,5 до 24,99, избыточная масса тела (предожирение) – от 25 до 30, ожирение первой степени – от 30 до 35.

В целом использованы статистически значимые отличия между респондентами разного пола и возраста, $p < 0{,}05$.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Ежедневные самосохранительные практики. В соответствии с расчетами Федеральной службы статистики ведут здоровый образ жизни (ЗОЖ) менее десятой части населения России, причем в ковидный период величина значения показателя снижалась, достигнув в 2023 году соответствия 2020 года (рис. 1). Разброс значений по регионам – значительный: наиболее позитивный – на уровне третьей части жителей – зафиксирован в трех регионах (Севастополь – 34,9%, Ненецкий АО – 34,2%, Новгородская область – 31,1%). В двадцати регионах доля населения, ведущего здоровый образ жизни, составила 5% и менее, например, в Новосибирской области – 2,4%, Ульяновской области – 2,3%, Приморском крае – 1,9%.

Здоровый образ жизни основан на поведении, которое позволяет сохранить здоровье и исключает вредные привычки. В целом расчеты Росстата показывают, что с высокой приверженностью здоровой жизни людей не так много: мужчин – 7,0% и женщин – 10,9%. Удовлетворительная приверженность у 41,3% мужчин и 62,6% женщин (рис. 2). Разница у городских и сельских жителей не значительная.

У людей увеличивается интерес к вопросам, связанным с возможностями ведения ЗОЖ, которые они готовы задать профессионалам в сфере здоровья, но в то же время интерес проявляет незначительная доля населения. Число лиц, обратившихся в медицинские организации по вопросам здорового образа жизни в 2022 году, составило 3 324 901 или порядка 2%, учитывая все население страны. Вместе с тем этот вопрос стал интересовать в десять раз больше пациентов, чем в 2018 году (382 829 человек)[10].

Индекс массы тела и питание

Согласно данным RLMS-ВШЭ доля людей с нормальным весом (18 лет и старше) уменьшилась за 26 лет в среднем на 7,2%: в 1994 году мужчин с нормальным весом было 89,2%, а в 2022 году – 80,1% Аналогичная динамика наблюдалась и у женщин: в 1994 году нормальный вес был у 74,2%,

[9] Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-ВШЭ) проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины (Чапел-Хилл) и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. URL: https://rlms-hse.cpc.unc.edu; http://www.hse.ru/rlms.

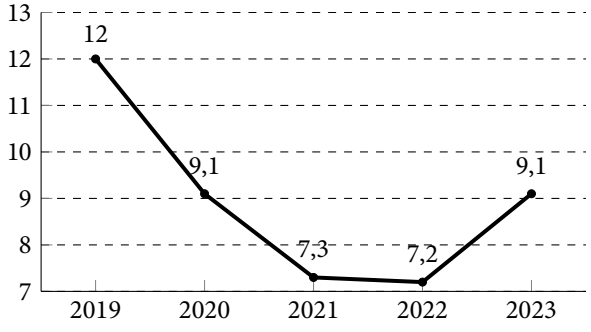
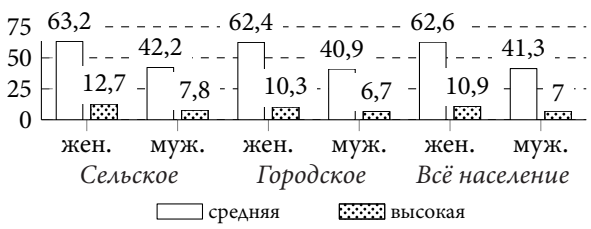


Рис. 1. Количество (доля) граждан, ведущих здоровый образ жизни, %

Fig. 1. Share of citizens leading a healthy lifestyle, percentage

[10] Число лиц, обратившихся в медицинские организации по вопросам здорового образа жизни. Показатель рассчитывается как сумма числа обращений в медицинские организации по проблемам, связанным с образом жизни, детьми в возрасте 0-17 лет и лицами старше 18 лет (в тысячах человек). Данные Министерства здравоохранения Российской Федерации



Источник: Росстат, СЗН

Рис. 2. Приверженность здоровому образу жизни, %

Fig. 2. Commitment to healthy lifestyle, percentage

а в 2022 – 69,1%. А доля людей с избытком веса – увеличилась: в 1994 году мужчин было 9,1%, женщин – 22,1% и в 2022 году мужчин – 18,2% и женщин – 27,8%. За 26 лет мужчин с избытком веса стало в два раза больше.

Аналогичные данные показывает и исследование Росстата – по данным СЗН в 2021 году мужчин с избытком веса было 19,9% и женщин – 27,0%, среднее значение составило 27,1%, медиана – 26,5%, что говорит о состоянии ожирения или предожирения у каждого четвёртого жителя страны.

Лучшим образом выглядят жители Москвы, где избыток веста отмечается у десятой части жителей (11,9%). Худший результат показывают жители Орловской области, где избыток веса у 39% жителей региона. В ряде областей – у каждого третьего: в Псковской области – 33,8%, в Калужской – у 33,7%, в Костромской – у 33,4%.

Можно предположить, что в ожирение вносит вклад образ жизни человека: привычки питания, недостаток движения. Исследование Росстата в 2023 году показало, что десятая часть населения (9,5%) в возрасте 15 лет и более ничего не знают о рациональном режиме и суточном рационе питания, четвертая часть (26,8%) – слабо представляют (2022 год – 28,2%), 45,2% – имеют неплохое представление (2022 год – 43,8%), и только 17,5% – хорошо знают (2022 год – 16,8%) (затруднились ответить 1,0%).

Ежедневно потребляют не менее 400 граммов овощей и фруктов 14,2% населения (2022 – 12,0%), сельское население немного больше (15,9%), чем городское 13,6%), мужчины реже (13,4%), чем женщины (14,8%) (СЗН-2023). Существуют ярко выраженные территориальные различия в потреблении фруктов и овощей, которые могут быть связаны с возможностями и привычками питания населения. Лидерами потребления являются Ненецкий автономный округ, где более половины населения (52,9%) потребляют овощи и фрукты в указанном количестве ежедневно, Новгородская область (48,7%), город Севастополь (47,2), Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (38,1%), Удмуртская Республика (35,4%). Мы видим, что проблемы с потреблением присутствуют как в южных, так и северных регионах.

С другой стороны, есть регионы, где незначительная часть населения потребляют овощи и фрукты в достаточном количестве: Республика Бурятия (5,2%), Новосибирская область (3,8%), Приморский край (3,7%), Ульяновская область (3,3%) (СЗН-2023).

Всегда добавляют соль, соленые приправы или соленый соус в готовую пищу непосредственно перед тем, как ее съесть 7,0% населения (2022 – 7,5%) (чаще других жители Сахалинской области – 18,6%, Республики Тыва – 17,5%, Республики Саха (Якутия) – 16,5%, г. Санкт-Петербурга – 15,6%). Иногда добавляют 30,4% жителей регионов, редко – 28,9%, никогда – 17,7%, затруднились ответить – 0,2%. Реже других солят пищу жители Кемеровской области (38,9%), Тюменской области (36,2%, без автономий).

Потребление алкоголя и курение. Существует разница и в распространенности употребления алкогольных напитков в течение последних 12 месяцев у женщин и мужчин по возрастным группам в возрасте от 15 лет и старше (СЗН-2023). Молодые люди в возрасте 15–19 лет и представители старшего поколения употребляют реже остальных (на уровне 1%). Чаще – представители группы 35–54 лет – каждый десятый.

По данным RLMS-ВШЭ (2022 г.), употребляют хотя бы иногда алкогольные напитки, включая пиво, 68,2% мужчин и 56,2% женщин. Привычки употребления спиртного связаны с предпочтением пить в гостях – 88,2%8 в ресторанах или барах – 43,1; на работе – 4,5%; в парке или на улице – 3,8%.

Очевидно, что происходит снижение потребления алкоголя. Кроме этого, Россия по объему потребления алкоголя в 2019 году находилась на десятом месте, ее потребление было выше среднего по странам ОЭСР (10,8%) (зарегистрированное потребление алкоголя определяется как годовой объем продаж чистого спирта в литрах на человека в возрасте 15 лет и старше)[11]. Исследование проблемы в региональном разрезе показывает, что объемы продаж спиртных напитков за 10 лет к 2020 году уменьшилось в 2,5 раза. При этом на уровне регионов основными, воздействующими на потребление алкогольной продукции факторами являются характеризующие уровень благосостояния населения: денежные доходы, бедность и безработица [13]. В то же время на уровне индивидов уровень потребления иначе связан с экономиче-

[11] Alcohol consumption among adults // Health at a Glance 2021: OECD Indicators. OECD Publishing. Paris // URL: https://doi.org/10.1787/33f1adad-en (дата обращения: 10.09.2022).

ским благополучием, богатые и молодые мужчины потребляют алкоголь чаще остальных [3].

Большинство населения (68,8%) не курят и не курили ранее (СЗН-2023). Нашли силы бросить курить только десятая часть (12,3%). Курят периодически (не каждый день) 2,4%, ежедневно – 16,5%. Курят много – более одной пачки в день – 7,6% мужчин и 2,4% женщин. Лица в возрасте 15 лет и более, курящие или бросившие курить, отметили, что большинство начали курить в раннем возрасте – 15–19 лет (65,4%).

Также значительное большинство населения России в целом не употребляет табачные и нетабачные курительные и некурительные изделия – 78,9% (65,4% – мужчин и 89,9% – женщин, представители сельской местности курят практически столько же – 80,0%, тогда как городские жители – 78,5%). Вместе с тем присутствуют различия в регионах: в республиках Северо-Кавказского федерального округа женщины не курят, практически не курят женщины в Карачаево-Черкесской Республике (98,4%), в Республике Калмыкия (98,3%), в Республике Мордовия (97,9%). В этих же регионах меньше курят и мужчины. Напротив, в ряде регионов менее половины мужчин не курят: Ненецкий автономный округ (31,8%), Чукотский автономный округ (40,7%) (СЗН-2023).

Аналогичные данные показывают и результаты других исследований, согласно расчетам по базе RLMS-ВШЭ, в 2022 году ежедневно курили треть (36,0%) мужчин и каждая десятая (9,7%) женщина в возрасте 15 лет и старше. С 1994 года (за 27 лет) мужчины стали курить меньше на 18,6%, а у женщин ситуация практически не изменилась.

Физическая активность. По данным Министерства спорта Российской Федерации, более половины граждан систематически занимаются физической культурой и спортом – 56,8% (2022 – 52,9%, 2021 – 49,4%)[12]. Основной целью тренировок для россиян, занимающихся спортом, является поддержка и укрепление здоровья (63%), прежде всего для людей в возрасте 60+ лет (80%)[13]. В четырнадцати регионах спортом занимается более 60% населения, например, в Сахалинской области (67,1%), Тамбовской области (65,7%), Краснодарском крае (64,9%), Республике Татарстан (62,9%).

В соответствии с результатами СЗН-2023 пятая часть населения (20,1%) самостоятельно занимаются спортом, мужчины и женщины практически в равной степени (21,4% мужчин и 19,1% женщин), и практически нет разницы между жителями города (20,4%) и села (19,3%). Причем произошла некоторая динамика: в 2022 году самостоятельно спортом занимались 8,9% мужчин и 15,8% женщин.

Организованно спортом занимается в два раза меньше людей: по данным СЗН 2022 года – 11,8% мужчин и 9,5% женщин (6,28% сельских мужчин и 3,91% женщин).

В 2023 году каждый десятый отметил, что по его месту жительства находятся подходящие места для занятий физической культурой и спортом (спортплощадка, спортзал, гимнастические снаряды, стадион или другое спортивное сооружение) и он пользуется ими. Более половины ответили, что они знают о таких местах, но не пользуются, 24,3% – не знают. Ответили, что для них эти места недоступны, только 1,3%, 3,5% – затруднились ответить (СЗН).

Данные RLMS-ВШЭ также подтверждают положительную динамику физической активности населения: в 1995 году хотя бы одним видом спорта занимались 13,7% мужчин и 7,6% женщин, в 2022-м – треть мужчин и женщин (27,3% мужчин и 27,8% женщин). Наиболее активны молодые люди, но даже среди них занимаются каким-либо видом спорта только треть. К старшему возрасту активность снижается.

Устойчивые установки для регулярных занятий физкультурой сформированы у подавляющего большинства родителей детей, подростков, молодежи, людей среднего и старшего возрастов. При этом существует ряд барьеров, которые не позволяют установкам реализоваться, например: высокая стоимость абонементов спортивных секций, недостаток специализированных спортивных организаций, отсутствие необходимого инвентаря в спортивных организациях; высокая занятость населения трудовой, образовательной и хозяйственно-бытовой деятельностью, боязнь больших физических нагрузок, хронические заболевания (для людей среднего и старших возрастов), психологические стереотипы (подростки испытывают стеснение, связанное с наличием незнакомых зрителей; на-

[12] ЕМИСС, Расчет производится в соответствии с приказом Минспорта России от 1 июня 2021 г. № 376

[13] ВЦИОМ представляет данные опроса о любимых видах спорта россиян. 5 апреля 2021 г. https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sportivnaja-rossija (дата обращения 16.12.2023)

селение среднего и старшего возрастов опасаются осуждения со стороны других людей) [14].

Характеристика здоровья и поведение во время плохого самочувствия. В соответствии с данными СЗН в 2023 году более половины населения назвали свое здоровье хорошим (очень хорошим – 9,2% и хорошим – 48,6%), удовлетворительным – 35,7%, плохим и очень плохим – 6,3%. Динамика данных СЗН показывает некоторое ухудшение самооценок здоровья населения в период пандемии. Менее оптимистично оценили свое здоровье участники исследования RLMS-ВШЭ в 2022 году: преимущественно хорошее (почти половина мужчин – 46,3% и треть женщин – 34,4%), плохое или очень плохое – 8,4% мужчин и 12,6% женщин, остальные «не плохим и не хорошим». За период исследования общий тренд самооценок здоровья – позитивный [15].

Результаты исследований не фиксируют увеличение случаев проблем со здоровьем, несмотря на пандемию, которая началась в 2019 году. Например, в 2022 году в течение последних 30 дней перед опросом проблемы со здоровьем были у 23,4% мужчин и 36,0% женщин. Это немногим больше, чем в 2021 году. Но в целом линия тренда за весь период исследования – положительная. Вместе с тем ситуация существенно различается по возрасту: у мужчин старше 60 лет проблемы были в 41,9% случаев, у женщин – в 59,4% (табл. 1).

Важным является посыл о том, что восприятие и самооценка здоровья связаны с приверженностью здоровому образу жизни: высокие самооценки связаны с примерами активного и здорового образа жизни, который усиливает уверенность человека в правильности выбора поведения [16].

Обращение за помощью к профессионалам

В случае проблем со здоровьем обращались в поликлинику, к врачу треть россиян (мужчины – 37,8%, женщины – 39,5%), большинство лечились сами, и ситуация ухудшилась с началом пандемии в 2020 году. Гендерных различий в обращаемости практически нет (табл. 2). Начиная с 1994 года очевидно, что мужчины стали особенно пассивны и на 10% чаще стали заниматься самолечением. Заметное увеличение доли граждан, занимающихся самолечением, произошло в 2020 году (до 65,3%). В период пандемии этому могло способствовать: региональные ограничения населения – изоляция, удаленный режим работы,

Таблица 1 — Наличие проблем со здоровьем у людей 18 лет и старше в течение месяца (%), ответ «да, были проблемы» по каждой строке

Table 1 — Presence of health problems in people 18 years of age and older during the month (percentage), answer "yes, there were problems" for each line

Возраст	муж.	жен.	муж.	жен.
18-29	120	12,7	156	15,5
30-39	186	15,0	291	20,5
40-49	233	20,1	361	25,7
50-59	206	23,4	447	35,0
60 и старше	550	41,9	1682	59,4

Источник: расчет автора по данным базы RLMS-ВШЭ

Таблица 2 — Поведение во время заболевания (%)

Table 2 — Behavior during illness (percentage)

Год	Самолечение		Обращались к специалистам	
	муж.	жен.	муж.	жен.
1994	55,4	58,2	44,6	41,8
2018	60,8	58,0	39,2	42,0
2019	59,1	57,5	40,9	42,5
2020	65,3	61,2	34,7	38,8
2021	64,4	63,5	35,6	36,5
2022	62,2	60,5	37,8	39,5

Источник: расчет автора по данным базы RLMS-ВШЭ

карантины, которые в том числе оказали значительное негативное влияние на психологическое самочувствие [17]. Ситуация в период пандемии усугубилась тем, что в начале пандемии произошло массовое преобразование стационаров и медицинских центров в инфекционные больницы, и ограничение оказания плановой медицинской помощи привело к резкому сокращению ее доступности[14].

В течение последних трех месяцев показывались медицинскому работнику для прохождения профилактического осмотра, а не потому, что были больны, 24,6%. У российского населения есть возможность проходить бесплатно полное обследование здоровья по основным важным направлениям: сделать кардиограмму сердца, сдать анализы крови, проверить свое состояние у основных специалистов. По данным СЗН, в течение двух лет (2021-2022 гг.) воспользовались такой возможностью только половина взрослого населения (44,3% мужчин и 53,8% женщин). Часть населения проходят диспансеризацию не по своему желанию, а по требованию работодателя.

[14] Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России / Мау В. А., Идрисов Г. И., Кузьминов Я. И., Радыгин А. Д., Садовничий В. А., Синельников-Мурылев С. Г. (ред.). Москва: 2020. 744 с. ISBN 978-5-85006-256-9.

Таблица 3 — Посещаемость врача (без указания причины посещения) (%)
Table 3 — Doctor attendance (without specifying the reason for the visit) (percentage)

Возраст	2018		2019		2020		2021		2022	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Один раз в месяц и чаще	8,2	15,5	8,6	15,3	5,4	10,7	6,0	11,4	5,0	8,7
2-3 раза в течение года	30,6	44,7	31,6	45,6	30,9	45,9	36,4	49,6	31,7	49,3
Один раз в течение года	27,3	20,9	26,3	21,3	29,3	24,4	30,0	23,0	30,2	23,3
Реже одного раза в год	33,8	18,9	33,5	17,8	34,4	19,1	27,7	16,0	32,0	16,1

Источник: составлено автором по данным базы RLMS-ВШЭ.

Всё население России имеет доступ к получению бесплатной медицинской помощи по программе обязательного медицинского страхования, но эта программа не дает возможности воспользоваться всеми видами помощи, которые могут быть необходимы. Только небольшая часть населения (2020 г. – 4,3%, 2021 г. – 3,9%) имеют договор на дополнительное (добровольное) медицинское страхование, обслуживание с какой-нибудь страховой фирмой, поликлиникой, больницей, медицинским центром. Большинству из них (82,6%) оплачивает медицинскую страховку предприятие (организация). Но даже бесплатной медицинской помощью пользуются не все (RLMS-ВШЭ).

В целом в 2022 г. треть мужчин посещали врача реже одного раза в год, около трети – один раз в год (табл. 3). Треть женщин посещали врача 2-3 раза в год. К 2020 г. стиль поведения мужчин стал постепенно приближаться к женскому: мужчины стали чаще посещать врача. Женщины также чаще стали обращаться к врачу – 2-3 раза в год: 8,7% женщин и 5,0% мужчин посещают врача не менее одного раза в месяц. С началом пандемии врача стали посещать реже, и до 2022 года уровень активности населения сохраняется.

Исследователи обращают внимание на то, что, помимо очевидных гендерных различий в вопросах обращения за медицинской помощью, существуют и другие: реже обращаются одинокие мужчины, проживающие в сельской местности, с более низким уровнем образования, достаточно молодые женщины (в возрасте 30–39 лет), граждане, неудовлетворенные своим материальным положением, курящие [18]. Основные детерминанты, существенно повышающие вероятность использования медицинской помощи, – это плохое здоровье, женский пол, пожилой возраст [19].

Население России достаточно пассивно в отношении общения с медицинскими специалистами. Даже в период пандемии после болезни на принятое решение о формате реабилитации оказали влияние такие факторы: 64% – консультация с врачом, 21% – данные из интернета, 21% – рекомендации родственников и друзей, 10% – информация из СМИ. Только 61% россиян уверены, что медицинская консультация и специальное обследование являются обязательными в случае постинфекционных проявлений. По мнению 19% опрошенных, восстановление ускорит медикаментозное лечение и прием витаминов, 11% считают, что симптомы исчезнут самостоятельно. Следовательно, большинство россиян не проходят реабилитацию. Даже после перенесенного COVID в качестве реабилитации только 64% пациентов принимали медикаменты и лекарственные препараты, 54% – гуляли на свежем воздухе, 42% – занимались дыхательной гимнастикой и 41% – лечебной физкультурой, 33% – обращали внимание на здоровье и образ жизни; 21% – прошли медицинский осмотр[15].

Жители России хотели бы прожить до 90 лет, но остаются пассивными, считая, что в долгожительстве им может помешать: неудовлетворительная медицинская помощь (83,1%), недостаточная социальная поддержка в старости (79,1%), опасение бедности в старости (75,7%), неуверенность в завтрашнем дне (69,2%), большая занятость, отсутствие времени для заботы о здоровье (68,6%), опасение одиночества в старости (62%), материальные и жилищные трудности (58,5%), недостаточность возможностей для занятий физкультурой, оздоровительными видами спорта (54,2%), желание жить в свое удовольствие, ни в чем себе не отказывая (40,7%) [20].

[15] Родин К. Практики восстановления после COVID-19 [Электронный ресурс]. https://wciom.ru/presentation/prezentacii/praktiki-vosstanovlenija-posle-covid-19 (дата обращения: 01.03.2023).

Таблица 4 — Практики самосохранительного поведения: уровень активности и динамика
Table 4 — Practices of self-preservation behavior: activity level and dynamics

Практики поведения	Уровень активности	Динамика изменений
ЗОЖ	низкий	позитивная
Обращаемость к врачу по вопросам ЗОЖ	низкий	позитивная
ИМТ	высокий	негативная
Осведомленность о рациональном режиме и суточном рационе питания	низкий	отсутствует
Потребление овощей и фруктов	низкий	позитивная
Потребление соли	высокое	позитивная
Потребление алкоголя	высокое	позитивная
Курение	высокое	позитивная
Занятия физической культурой и спортом	низкий	позитивная
Прохождение диспансеризации	низкий	позитивная
Самолечение во время заболевания	высокий	отсутствует
Обращение к специалистам во время заболевания	низкий	отсутствует
Частота посещений врача за год (RLMS-ВШЭ)	низкий	отсутствует

Источник: составлено автором по данным настоящей статьи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Здоровый образ жизни, активное поведение индивидов в отношении сохранения своего здоровья имеют очевидную важность, которая возросла в период прихода пандемии в 2019 году. В некоторых случаях люди стали вести себя более ответственно: меньше стали потреблять алкоголь, стали более физически активными, мужчины и молодежь – меньше курить (табл. 4). Вместе с тем, несмотря на позитивную динамику, уровень приверженности данным видам поведения остается низким и необходимо внимание государства к проблемам самосохранения, поддержки позитивного поведения.

Остается недостаточным потребление овощей и фруктов в ежедневном режиме, а потребление соли – излишним. Одновременно продолжает увеличиваться число людей с избыточным весом.

Разрушающее здоровье поведение может быть следствием отсутствия знаний о здоровом образе жизни, правильном питании и необходимости подвижности, а также отсутствие желания больше узнать и получить консультацию специалиста. На фоне роста заболеваемости население часто прибегает к самолечению во время заболевания (более половины населения) и только треть обращается к врачу.

Динамика, характеризующая самосохранительное поведение индивидов имеет преимущественно позитивный вектор, вместе с тем движение в позитивном направлении слабое и уровень самосохранения остаётся достаточно низким. Скорее всего такой низкий уровень самосохранения не может существенно влиять на уровень здоровья населения. Негативный факт – высокий уровень самолечения людей во время заболевания.

Поведение зависит от социально-демографических характеристик: некоторые виды самосохранительного поведения связаны с возрастом, например, курение, потребление алкоголя реже в молодом возрасте, поскольку нет привычки и поведение находится под запретом, а также в старшем возрасте, когда человеку приходится включать самоограничения ввиду жизненного опыта и проблем со здоровьем. Привычки здорового поведения могут быть связаны с полом индивида: женщины меньше курят и потребляют алкоголь, мужчины – более физически активны. Вместе с тем, поведение меняется и сегодня россиянки догоняют мужчин в части занятий физкультурой и спортом, а мужчины отказываются от курения. Негативным примером может являться увеличение массы тела у мужчин, в чем они становятся схожи с женщинами.

Часть факторов, влияющих на здоровье, обусловлена окружающей средой, которая не может зависеть только от индивида и его возможности сменить место жительства, к таким факторам может относиться экология, спортивная инфраструктура, доступность медицинской помощи.

Большинство образцов поведения регулируется не только самим индивидом, но имеет и рычаги воздействия со стороны агентов формиро-

вания самосохранительного поведения: государственных институтов (в том числе системы здравоохранения), работодателей. При подготовке рекомендаций по влиянию на поведение населения в отношении своего здоровья, необходимо учитывать позитивные практики российских регионов, где ситуация с защитой здоровья населения более позитивная, чем в остальных. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Генчикова И. В. Механизмы реализации стратегических приоритетов увеличения ожидаемой продолжительности жизни // Вопросы управления. 2023. № 3 (82). С. 60–71. DOI 10.22394/2304-3369-2023-3-60-71. EDN IPNRFP.

2. Локосов В. В., Роик В. Д. Жизненные возможности людей: концептуальные подходы и измерение // Народонаселение. 2020. Т. 23, № 4. С. 19–25. DOI 10.19181/population.2020.23.4.2. EDN RFTTBL.

3. Назарова И. Б. Здоровье занятого населения : Монография. Москва : МАКС Пресс, 2007. EDN QOHGDX.

4. Stefler, D., Murphy, M., Irdam, D., Horvat, P., Jarvis, M., King, L., McKee, M., & Bobak, M. (2017). Smoking and Mortality in Eastern Europe: Results From the PrivMort Retrospective Cohort Study of 177 376 Individuals. *Nicotine & Tobacco Research*, *20*(6), 749–754. https://doi.org/10.1093/ntr/ntx122.

5. Kuznetsova, P. O. (2020). Alcohol mortality in Russia: Assessment with representative survey data. *Population and Economics*, *4*(3), 75–95. https://doi.org/10.3897/popecon.4.e51653.

6. Федотов А. А. Распространение алкоголизма и наркомании в регионах России // Народонаселение. 2022. Т. 25, № 3. С. 144–152. DOI 10.19181/population.2022.25.3.11. EDN NKBUBU.

7. Блинова Т. В., Вяльшина А. А., Ножкина И. А. Гендерные аспекты самосохранительного поведения студентов города Саратова в период пандемии COVID-19 // Экология человека. 2021. № 9. С. 55–63. DOI 10.33396/1728-0869-2021-9-55-63. EDN GLCFOM.

8. Конев Ю. В., Ли Е. Д., Кузнецов О. О., Трубникова И. А. Особенности питания в пожилом и старческом возрасте // РМЖ. 2009. Т. 17, № 2. С. 145–148. EDN PBJXGZ.

9. Tartof, S. Y., Qian, L., Hong, V., Wei, R., Nadjafi, R. F., Fischer, H., Li, Z., Shaw, S. F., Caparosa, S. L., Nau, C. L., Saxena, T., Rieg, G. K., Ackerson, B. K., Sharp, A. L., Skarbinski, J., Naik, T. K., & Murali, S. B. (2020). Obesity and Mortality Among Patients Diagnosed With COVID-19: Results From an Integrated Health Care Organization. *Annals of Internal Medicine*, *173*(10), 773–781. https://doi.org/10.7326/m20-3742.

10. Горошко Н. В., Емельянова Е. К., Пацала С. В. Проблема медицинской активности населения России в эпоху COVID-19 // Социальные аспекты здоровья населения. 2022. Т. 68, № 3. С. 15 DOI 10.21045/2071-5021-2022-68-3-15. EDN QTYSRX.

11. Dhana, K., Franco, O. H., Ritz, E. M., Ford, C. N., Desai, P., Krueger, K. R., Holland, T. M., Dhana, A., Liu, X., Aggarwal, N. T., Evans, D. A., & Rajan, K. B. (2022). Healthy lifestyle and life expectancy with and without Alzheimer's dementia: Population based cohort study. *BMJ: British Medical Journal*, Article e068390. https://doi.org/10.1136/bmj-2021-068390.

12. Cornelisse-Vermaat, J. R., Antonides, G., Van Ophem, J. A. C., & Van Den Brink, H. M. (2006). Body Mass Index, Perceived Health, and Happiness: Their Determinants and Structural Relationships. *Social Indicators Research*, *79*(1), 143–158. https://doi.org/10.1007/s11205-005-4097-7.

13. Федотов А. А. Факторы, воздействующие на потребление алкоголя: региональный анализ // Региональные проблемы преобразования экономики. 2023. № 6 (152). С. 19–30. DOI 10.26726/1812-7096-2023-6-19-30. EDN SBKJAS.

14. Танатова Д. К., Королев И. В., Леонтьева Т. В. Физическая культура и спорт в жизни российского населения // Народонаселение. 2022. Т. 25, № 1. С. 167–176. DOI 10.19181/population.2022.25.1.14. EDN NVJAKD.

15. Назарова И. Б. Показатели, характеризующие здоровье жителей России к 2021 году // Народонаселение. 2022. Т. 25, № 2. С. 28–38. DOI 10.19181/population.2022.25.2.3. EDN XRXQCH.

16. Джи К., Росалам Ч. М., Хайрул М. К., Рухайзин С. Здоровый образ жизни как средство управления рисками для здоровья: компоненты и факторы. Аналитический обзор // Анализ риска здоровью. 2023. № 4. С. 158–171. DOI 10.21668/health.risk/2023.4.15. EDN LDWZOW.

17. Дружинин П. В., Молчанова Е. В. Первая и вторая волны пандемии COVID-19 в россий-

ских регионах:сравнение изменения уровня смертности // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 14, № 7. С. 1028–1038. DOI 10.17516/1997-1370-0782. EDN HNRPZU.

18. Кислицина О. А., Чубарова Т. В. Факторы, влияющие на обращаемость россиян за медицинской помощью: гендерный аспект // Женщина в российском обществе. 2023. № 2. С. 94–108. DOI 10.21064/WinRS.2023.2.7. EDN JHXBVJ.

19. Кислицына О. А. Детерминанты использования амбулаторных медицинских услуг в России: влияние места жительства // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19, № 2. С. 216–225. DOI 10.52180/1999-9836_2023_19_2_5_216_225. EDN GZPINW.

20. Ростовская Т. К., Шабунова А. А., Князькова Е. А. Самосохранительное поведение россиян: оценка состояния здоровья и возможности долгожительства // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. Т. 28, № 6. С. 1275–1280. DOI 10.32687/0869-866X-2020-28-6-1275-1280. EDN IPAUNM.

REFERENCES

1. Genchikova, I. V. (2023). Mechanisms for implementing strategic priorities for increasing life expectancy. *Management Issues*, (3), 60–71. https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-3-60-71.

2. Lokosov, V. V., & Roik, V. D. (2020). Life opportunities of people: Conceptual approaches and measurement. *Population*, *23*(4), 19–25. https://doi.org/10.19181/population.2020.23.4.2.

3. Nazarova, I. B. (2007). *Health of the Employed Population*. MAKS Press. https://elibrary.ru/qohgdx.

4. Stefler, D., Murphy, M., Irdam, D., Horvat, P., Jarvis, M., King, L., McKee, M., & Bobak, M. (2017). Smoking and Mortality in Eastern Europe: Results From the PrivMort Retrospective Cohort Study of 177 376 Individuals. *Nicotine & Tobacco Research*, *20*(6), 749–754. https://doi.org/10.1093/ntr/ntx122.

5. Kuznetsova, P. O. (2020). Alcohol mortality in Russia: Assessment with representative survey data. *Population and Economics*, *4*(3), 75–95. https://doi.org/10.3897/popecon.4.e51653.

6. Fedotov, A. A. (2022). The spread of alcoholism and drug addiction in the regions of Russia. *Population*, *25*(3), 144–152. https://doi.org/10.19181/population.2022.25.3.11.

7. Blinova, T. V., Vyalshina, A. A., & Nozhkina, I. A. (2021). Gender variations in elf-preserving behavior during the Covid-19 pandemic among the students in Saratov. *Human Ecology*, (9), 55–63. https://doi.org/10.33396/1728-0869-2021-9-55-63.

8. Konev, Yu. V., Lee, E. D., Kuznetsov, O. O., & Trubnikova, I. A. (2009). Features of nutrition in the elderly and senile age. *RMJ*, *17*(2), 145–148. https://elibrary.ru/pbjxgz.

9. Tartof, S. Y., Qian, L., Hong, V., Wei, R., Nadjafi, R. F., Fischer, H., Li, Z., Shaw, S. F., Caparosa, S. L., Nau, C. L., Saxena, T., Rieg, G. K., Ackerson, B. K., Sharp, A. L., Skarbinski, J., Naik, T. K., & Murali, S. B. (2020). Obesity and Mortality Among Patients Diagnosed With COVID-19: Results From an Integrated Health Care Organization. *Annals of Internal Medicine*, *173*(10), 773–781. https://doi.org/10.7326/m20-3742.

10. Goroshko, N. V., Emelyanova, E. K., & Patsala, S. V. (2022). The problem of medical activity of the Russian population during Covid-19. *Social Aspects of Population Health*, *68*(3), Article 15. https://doi.org/10.21045/2071-5021-2022-68-3-15.

11. Dhana, K., Franco, O. H., Ritz, E. M., Ford, C. N., Desai, P., Krueger, K. R., Holland, T. M., Dhana, A., Liu, X., Aggarwal, N. T., Evans, D. A., & Rajan, K. B. (2022). Healthy lifestyle and life expectancy with and without Alzheimer's dementia: Population based cohort study. *BMJ: British Medical Journal*, Article e068390. https://doi.org/10.1136/bmj-2021-068390.

12. Cornelisse-Vermaat, J. R., Antonides, G., Van Ophem, J. A. C., & Van Den Brink, H. M. (2006). Body Mass Index, Perceived Health, and Happiness: Their Determinants and Structural Relationships. *Social Indicators Research*, *79*(1), 143–158. https://doi.org/10.1007/s11205-005-4097-7.

13. Fedotov, A. A. (2023). Factors influencing alcohol consumption: Regional analysis. *Regional Problems of Economic Transformation*, (6), 19–30. https://doi.org/10.26726/1812-7096-2023-6-19-30.

14. Tanatova, D. K., Korolev, I. V., & Leontyeva, T. V. (2022). Physical culture and sports in the life of the Russian population. *Population*, *25*(1), 167–176. https://doi.org/10.19181/population.2022.25.1.14.

15. Nazarova, I. B. (2022). Indicators characterizing the health of Russian residents by 2021. *Pop-*

ulation, *25*(2), 28–38. https://doi.org/10.19181/population.2022.25.2.3.

16. Gee, K., Rosalam, C. M., Khairul, M. K., & Rukhayzin, S. (2023). Healthy lifestyle as a way to manage health risks: components and factors. Analytical review. *Health Risk Analysis*, (4), 158–171. https://doi.org/10.21668/health.risk/2023.4.15.

17. Druzhinin, P. V., & Molchanova, E. V. (2021). The first and second waves of the Covid-19 pandemic in the russian regions: Comparison of the change in the mortality rate. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, *14*(7), 1028–1038. https://doi.org/10.17516/1997-1370-0782.

18. Kislitsina, O. A., & Chubarova, T. V. (2023). Factors influencing Russians' applications for medical assistance: Gender aspect. *Woman in Russian Society*, (2), 94–108. https://doi.org/10.21064/WinRS.2023.2.7.

19. Kislitsyna, O. A. (2023). Determinants of outpatient health service utilization in Russia: Influence of place of residence. *Living Standarts of the Population in the Regions of Russia*, *19*(2), 216–225. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_5_216_225.

20. Rostovskaya, T. K., Shabunova, A. A., & Knyazkova, E. A. (2020). The self-preserving behavior of citizen of the Russian federation: Health assessment and possibilities of longevity. *Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*, *28*(6), 1275–1280. https://doi.org/10.32687/0869-866X-2020-28-6-1275-1280.

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ

CORPORATE MANAGEMENT

DOI: 10.22394/2304-3369-2024-4-55-66 ВАК: 5.2.6
EDN: QQXSXJ УДК: 331.108.2:004

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В УПРАВЛЕНИИ ПЕРСОНАЛОМ: ВОЗМОЖНОСТИ И УГРОЗЫ

О. П. Овчинникова[a], **Д. В. Лебедева**[a]
[a] Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Москва, Россия)

АННОТАЦИЯ:

Введение. Цифровая экономика привела к формированию совершенно новой модели человеко-машинного взаимодействия, основанного на активном использовании цифровых технологий практически во всех сферах деятельности человека. Большинство информационных систем, которые используют организации в своей работе, интегрированы с аналитикой больших данных, что требует более высокой квалификации персонала. Должностные обязанности сотрудников меняются в соответствии с отраслевыми и корпоративными потребностями. Требования к квалификации персонала возрастают, в связи с чем у кадровой службы предприятия возникают обязанности по поиску, привлечению и удержанию специалистов требуемой квалификации, а также развитию персонала в организации. Инновации в алгоритмах принятия решений делают искусственный интеллект наиболее полезным инструментом для реализации стратегии управления человеческими ресурсами в организации.

Материалы и методы. В статье используются общенаучные методы исследования, такие как качественный анализ, метод наблюдения, синтез, метод логической индукции и другие. Информационную базу статьи составили научно-исследовательские работы, официальные документы, информация, размещенная в средствах массовой информации. Осуществлен вторичный анализ исследований по изучаемой теме.

Результаты. Несмотря на то, что процессы, связанные с управлением персоналом, всегда были когнитивной способностью человека, в настоящее время технологии искусственного интеллекта могут предоставить технические решения в области подбора и дальнейшего развития персонала. Искусственный интеллект играет важную роль в сборе данных о кандидате из различных источников, способен оценить требуемых кандидатов на основании описания вакансии более эффективно и объективно, чем сотрудник кадровой службы. Искусственный интеллект может более точно описать вакансию, соответствующую по навыкам бизнес-процессу. Большую роль технологии искусственного интеллекта могут сыграть в процессе организации повышения квалификации и переподготовки персонала. Применение искусственного интеллекта позволяет организации получать персонализированные и более понятные результаты, исключающие «человеческий фактор». В данной статье особое внимание уделено технологиям искусственного интеллекта, которые могут быть эффективно применены в управлении персоналом организации. Рассмотрены возможности повышения производительности труда сотрудников кадровой службы организации, выделены основные риски внедрения искусственного интеллекта и даны рекомендации по его эффективному использованию. Новизна настоящего исследования заключается в определении области использования искусственного интеллекта в кадровой политике предприятия, позволяющей реализовать возможности проявления креативного потенциала сотрудников организации и повысить конкурентоспособность компании.

Обсуждение. Совершенно точно можно утверждать, что ИИ становится неотъемлемой частью бизнес-экосистем, а также необходим для поддержания и повышения уровня конкурентоспособности экономических субъектов. Тем не менее ИИ постоянно развивается, что дает возможность компаниям расширять функционал его использования. Однако важно определить границы использования ИИ,

© О. П. Овчинникова, Д. В. Лебедева, 2024
Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

в том числе как будет обеспечиваться взаимодействие человека и машины, какими функциями можно наделить ИИ, а от каких отказаться.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: искусственный интеллект, управление персоналом, цифровая экономика, подбор и развитие персонала

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: **Овчинникова О. П., Лебедева Д. В.** Искусственный интеллект в управлении персоналом: возможности и угрозы // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 4. С. 55-66. EDN QQXSXJ. DOI 10.22394/2304-3369-2024-4-55-66.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Овчинникова Оксана Петровна – доктор экономических наук, профессор; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6) — *профессор кафедры прикладной экономики Высшей школы управления*; oovchinnikova@yandex.ru. SPIN-код: 8644-7459, ORCID: 0000-0001-5459-3532, ResearcherID: V-1483-2017.

Лебедева Дарья Владимировна – кандидат экономических наук; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6) — *доцент кафедры прикладной экономики Высшей школы управления*; lena_leb-61@mail.ru. SPIN-код: 2389-1295.

Статья поступила 11.03.2024; рецензия получена 04.04.2024; принята к публикации 08.04.2024.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN HUMAN RESOURCES MANAGEMENT: OPPORTUNITIES AND THREATS

O. P. Ovchinnikova[a], **D. V. Lebedeva**[a]
[a] Peoples' Friendship University of Russia
(Moscow , Russia)

ABSTRACT:

Introduction. Digital economy has generated a completely new model of human-machine interaction based on the active use of digital technologies in almost all spheres of human activity. Most information systems used by organizations are integrated with big data analytics, which requires higher qualified staff. The job responsibilities of employees change according to industry and corporate needs. The requirements for staff qualification are increasing, urging the company HR service to find, attract and retain specialists of the required qualifications, and organize staff development in the organization. Innovations in decision-making algorithms make artificial intelligence the most useful tool for implementing a human resource management strategy in an organization.

Materials and methods. The article uses general scientific research methods, such as qualitative analysis, observation method, synthesis, logical induction method and others. The information basis of the article consists of scientific research works, official documents, and information posted in the media. A secondary analysis of the research on the topic under study was carried out.

Results. Despite the fact that the processes related to personnel management have always been a human cognitive ability, artificial intelligence technologies can currently provide technical solutions in the field of recruitment and further staff development. Artificial intelligence plays an important role in collecting candidate data from various sources, and is able to evaluate the required candidates based on a job description more effectively and objectively than a HR officer. Artificial intelligence can more accurately describe a job that corresponds to the business process in skills. Artificial intelligence technologies can play an important role in the process of organizing professional development and retraining of staff. The use of artificial intelligence provides for obtaining more personalized and understandable results excluding the "human factor".

In this article, special attention is paid to artificial intelligence technologies, which can be effectively used in staff management. The opportunities to increase the HR employees' productivity are considered, main risks of artificial intelligence introduction are highlighted and recommendations for its efficient application are given. The research novelty is in identification of the scope of the use of artificial intelligence in the organizational personnel policy, making it possible to realize the opportunities for revealing the creative potential of the organization's employees and increase competitiveness.

Discussion. It is absolutely clear that AI is becoming an integral part of business ecosystems, and necessary to maintain and increase the level of competitiveness of economic agents. Nevertheless, AI is constantly evolving, which allows companies to expand the functionality of its use. However, it is important to define the boundaries of AI use, including how human-machine interaction will be ensured, which functions can be given to AI, and which can be abandoned.

KEYWORDS: artificial intelligence, human resources management, digital economy, recruitment and staff development

FOR CITATION: **Ovchinnikova, O. P., & Lebedeva, D. V.** (2024). Artificial Intelligence in human resources management: opportunities and threats. *Management Issues*, *18*(4), 55–66. https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-4-55-66

AUTHORS' INFORMATION:

Oksana P. Ovchinnikova – Advanced Doctor in Economic Sciences, Full Professor; Peoples' Friendship University of Russia (6, Miklukho-Maklay St., Moscow, 117198, Russia) — *professor of the Department of Applied Economics of the Graduate School of Management*; oovchinnikova@yandex.ru. RSCI SPIN: 8644-7459, ORCID: 0000-0001-5459-3532, ResearcherID: V-1483-2017.

Darya V. Lebedeva – Ph.D. of Economic Sciences; Peoples' Friendship University of Russia (6, Miklukho-Maklay St., Moscow, 117198, Russia) — *associate professor of the Department of Applied Economics of the Higher School of Management*; lena_leb-61@mail.ru. RSCI SPIN: 2389-1295.

The article was submitted 01/11/2024; reviewed 02/05/2024; accepted for publication 02/29/2024.

■ ВВЕДЕНИЕ

Цифровизация основных производственных процессов вносит коррективы в управление компаниями, трансформируя как отдельные процессы, так и систему управления в целом [1, с. 15]. Происходит переосмысление существующих методов управления, их обновление или замена на более соответствующие современным реалиям [2, с. 188]. В последние годы технологии развиваются существенными темпами, что актуализирует проблему изменения бизнес-процессов компании, потому что старые бизнес-процессы не соответствуют реалиям [3, с. 75].

Активно развиваются технологии генеративного искусственного интеллекта (ИИ), который, по оценкам специалистов, способен изменить целые отрасли в ближайшие пять лет[1] [4, с. 171].

В последние годы искусственный интеллект (ИИ) внес значительный вклад в развитие технологий, а также открыл множество выгод и возможностей, что сказывается на развитии человеческого потенциала во всем мире [5, с. 2]. Технологии искусственного интеллекта показали свою эффективность в медицине (диагностике и профилактике заболеваний), в развитии городской среды, в развитии новейших видов транспортных средств, в обучении и т. п. С развитием цифровой экономики большинство компаний используют ИИ при создании систем обработки и анализа данных. Благодаря своим вычислительным возможностям ИИ способен во многих сферах заменить человека, особенно там, где требуется высокая скорость обработки информации [6, с. 68].

Если до недавнего времени технологии не могли продемонстрировать поведение, которое свойственно человеку, то генеративные модели ИИ

[1] Generative AI. URL: https://www.bcg.com/capabilities/artificial-intelligence/generative-ai (дата обращения 01.03.2024)

способны вести сложные диалоги с пользователями, а также генерировать тексты, которые на первый взгляд кажутся оригинальными. Именно поэтому в ближайшее время ИИ во многом изменит бизнес-ландшафт за счет масштабного внедрения данной технологии в бизнес-процессы компаний [7, с. 20].

Изменение рынка труда после пандемии COVID-19 поставило перед руководителями кадровых служб предприятий совершенно новые задачи по поиску и удержанию персонала. По оценкам Министерства труда и социального развития РФ, уровень регистрируемой безработицы составляет 0,7% за 2023 год[2]. Таким образом, предложение рабочей силы в настоящее время практически минимальное, однако развитие экономики требует привлечения существенного количества работающих, особенно так называемых «синих воротничков».

Кроме того, развитие новых технологий и изменение требований конъюнктуры рынка требует от кадровых служб быстрой реакции в виде организации переобучения персонала, повышения его квалификации [8, с. 55]. Таким образом, объем рабочих задач и необходимая скорость их выполнения у сотрудников кадровых служб возрастают кратно.

Однако в 2020 году только 10% компаний использовали ИИ при подборе персонала, а еще 36% планировали его использовать в ближайшие пять лет [9, с. 96]. В связи с этим актуализируется необходимость внедрения ИИ в работу кадровых служб с целью сокращения затрат рабочего времени и повышения эффективности деятельности подразделений управления персоналом в целом [10, с. 122].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Роль искусственного интеллекта в последние годы во всем мире возросла, поэтому применение нейросетей стало практически обыденностью во многих сферах [11, с. 2]. Например, в качестве основных трендов в развитии ИИ называют следующие[3]:

- увеличение ценности мультимодального ИИ, т.е. способности таких систем не только обрабатывать структурированные и неструктурированные данные, но и последовательно синтезировать и интегрировать информацию;
- компании используют локальные ИИ-модели, которые имеют небольшое количество параметров;
- компании создают новые архитектуры данных, которые могут наиболее полно удовлетворить возрастающие потребности потребителей;
- компании создают автономных агентов, т.е. самостоятельные программные решения, которые не требуют участия человека в принятии решений.

Определений, что такое искусственный интеллект, в современной литературе достаточно много. Например, П. Доэрти и Дж. Уилсон определяют его как систему, «…расширяющую возможности человека благодаря распознаванию, осмыслению, действию и обучению»[4].

Это «деятельность, которая направлена на то, чтобы сделать машины интеллектуальными, а интеллект – это качество, которое позволяет сущности действовать адекватно и обладать предвидением» [12, с. 34].

Согласно ГОСТ Р ИСО/МЭК 22989-2022 «Искусственный интеллект. Концепция и терминология искусственного интеллекта» под искусственным интеллектом подразумевается «исследование и разработка механизмов и приложений ИИ-систем». Под системой искусственного интеллекта подразумевается «техническая система, которая порождает такие конечные результаты, как контент, прогнозы, рекомендации или решения для заданного набора определенных человеком целей»[5].

По сути, эти технологии представляют собой некую совокупность методов и алгоритмов, которые используются для решения задач, сходных с решением данных задач человеком в процессе рефлексии, а также процессами, протекающими в природе.

Обобщая, можно сказать, что искусственный интеллект – это технология, цель деятельности

[2] Прогноз баланса трудовых ресурсов на 2024-2026 годы. URL: https://mintrud.gov.ru/docs/2544 (дата обращения 19.02.2024)

[3] Информационно-аналитическая справка по отчету «Прогнозы в сфере генеративного искусственного интеллекта на 2024 год», НЦРИИ. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/investitsionnaya-aktivnost/2024_informacionno-analiticheskaya_spravka_po_otchetu_prognozy_v_sfere_generativnogo_iskusstvennogo_intellekta_na_2024_god_ncrii_/ (дата обращения 19.02.2024)

[4] Доэрти П., Уилсон Дж. Человек + машина. Новые принципы работы в эпоху искусственного интеллекта /Пер. С англ. – М: Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 304 с.

[5] ГОСТ Р ИСО/МЭК 22989-2022 «Искусственный интеллект. Концепция и терминология искусственного интеллекта». URL: https://bigdata.msu.ru/media/media/upload_editor/2023/11/01/0a23e776a2dd9dcad45167e31552f18191211a1a.pdf (дата обращения 19.02.2024)

которой состоит в решении определенного набора задач, заданных человеком. Генеративный искусственный интеллект – это набор алгоритмов, которые способны генерировать из обучающих данных новый контент, такой как текст, изображение или аудио. Модели генеративного ИИ обучаются на огромном количестве неразмеченных данных в режиме самоконтроля для выявления базовых закономерностей для широкого круга задач. Таким образом, практически все сферы деятельности человека могут быть охвачены технологиями ИИ.

В 20-е годы нашего столетия вопрос об использовании ИИ в корпоративном управлении в целом и в управлении персоналом в частности вышел на новый уровень [13, 14, 15]. Технологии ИИ, как и практически все цифровые технологии, в настоящее время внедряются практически во всех сферах человеческой деятельности. Большинство отраслей промышленности используют такие технологии при разработке и реализации своей продукции. Технологии ИИ используются ведущими компаниями и в управлении персоналом.

В научной литературе присутствует значительное количество статей, которые затрагивают вопросы применения интеллектуальных систем в управлении персоналом. Это вопросы, связанные с использованием технологий в процессе подбора персонала [16, 17, 18], а также использованием искусственного интеллекта в управлении персоналом и описанием связанных с этими процессами рисков [14, 15]. Вместе с тем, с появлением генеративного искусственного интеллекта и расширением возможностей его использования, а также в связи с выходом на рынок значительного количества молодых людей, владеющих современными технологиями, возможности использования ИИ в сфере управления персоналом значительно расширились.

Например, в настоящее время компании применяют технологии блокчейна для хранения документов; используют возможности нейросетей для поиска персонала, а также предварительной оценки резюме пользователя. Вместе с тем, в работе кадровых служб еще достаточно много рутинной работы, которая отбирает у сотрудников значительное количество времени и снижает производительность труда.

Авторы провели опрос среди сотрудников кадровой службы 26 предприятий, среди которых было 5 крупных предприятий (ФГБУ ЦПК им. Ю. А. Гагарина, НИИ автоматической аппаратуры им. В. С. Семенихина, НМИЦ онкологии им. Н. Н. Блохина и др.) и 21 среднее и малое предприятие. В качестве респондентов в опросе участвовали заместители руководителей предприятий по кадровой работе, а также специалисты кадровой службы, работа которых связана с большим объемом обрабатываемой информации. При проведении исследования выяснилось, что все респонденты положительно относятся к внедрению технологий, которые позволят им высвободить часть рабочего времени за счет решения рутинных задач (86% опрошенных).

Таблица 1 — Направления использования ИИ в управлении персоналом

Table 1 — Directions for the use of AI in personnel management

Технологии	Сфера применения
Искусственный интеллект	Поиск и отбор персонала; обучение персонала
Машинное обучение	Поиск IT-специалистов
Чат-боты	Первичное собеседование
VR/AR-технологии	Адаптация персонала, отбор кандидатов

Источник: составлено авторами на основании [19, с. 5].

Вместе с тем, сотрудники малых и средних предприятий опасались, что ИИ может лишить их рабочих мест (38% опрошенных). На больших предприятиях такая проблема не была актуальна, так как кадровая служба считает, что работы по управлению персоналом всегда будет в избытке.

На вопрос «В какой сфере вашей деятельности наиболее эффективно использовать ИИ?» 72% респондентов ответили, что в процессе поиска и отбора персонала; 28% считают, что ИИ необходимо при адаптации персонала; а 46% предлагают использовать ИИ при обучении персонала.

Представители крупных предприятий охотно развивали мысль, как можно использовать искусственный интеллект в их работе. Сотрудники малых предприятий, несмотря на заинтересованность во внедрении технологий, не обладали достаточным оптимизмом в отношении сроков и возможностей внедрения ИИ в их деятельность.

Таким образом, использование ИИ в управлении персоналом можно представить следующим образом (таблица 1).

Алгоритмы искусственного интеллекта могут быть полезны при прогнозировании увольнения сотрудника, проанализировав его опыт, навыки, желание проходить повышение квалификации, инициативность, изменение роли в проекте и удовлетворенность сотрудника и многое другое [18, с. 68]. Кроме того, анализируя находящиеся в открытом доступе резюме пользователей, ИИ может отметить действующего сотрудника и сигнализировать о том, что он ищет другую работу. Такое превентивное действие может сохранить сотрудника для компании путем удовлетворения его пожеланий, например, возможностей карьерного роста или ликвидации конфликтных ситуаций на рабочем месте.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первоначально задачей искусственного интеллекта было моделирование когнитивных функций человека. Таким образом, искусственный интеллект выступал в роли модели, с помощью которой можно было понять и смоделировать природу интеллекта, разума и сознания человека[6]. Современные исследователи выделяют сильный и слабый искусственный интеллект [20, с. 4].

Слабый искусственный интеллект олицетворяют с помощником человека, технологией, которая призвана решать конкретные задачи, основанные на заложенных четких алгоритмах. Сильный искусственный интеллект – это технология, которая способна мыслить самостоятельно и осознавать собственное существование.

Для использования ИИ в сфере управления персоналом на первоначальном этапе возможно использование слабого искусственного интеллекта в качестве помощника кадровой службы. Например, в рекрутинге с помощью алгоритмов, основанных на искусственном интеллекте, можно проводить беспристрастный отбор соискателей, исключить предвзятость в отношении образования и навыков претендента. Кроме того, использование ИИ исключает коррупционную составляющую.

При рассмотрении резюме соискателя сотрудники кадровых служб обращают внимание на опыт работы и образование. Однако в современных условиях необходимо выявлять иные качества соискателя, например, склонность к самообразованию, амбиции и заинтересованность в работе.

Объясняется это тем, что в условиях быстро меняющейся внешней среды человеку необходимо быстро адаптироваться, изменяя не только свои навыки, но иногда и взгляды на какие-то рабочие процессы. Например, если еще тридцать-сорок лет назад в любой организации приветствовалась индивидуальная работа, индивидуальные успехи, то в настоящее время умение сотрудников работать в команде является залогом развития организации.

Искусственный интеллект способен подбирать обучение для сотрудников. Опрошенные специалисты кадровых служб отмечали, что значительное количество времени занимает подбор программ повышения квалификации для сотрудников. Особенно остро такая проблема стоит у крупных предприятий. Несмотря на то, что составляется ежегодный план повышения квалификации, зачастую имеющиеся программы либо неактуальны для сотрудников, либо их стоимость высока, либо проводятся они в другом регионе, что повышает стоимость обучения для предприятия.

Вместе с тем, при внедрении ИИ временные затраты сотрудников кадровой службы на поиск программ повышения квалификации будут минимизированы. Кроме того, ИИ подберет программу повышения квалификации или переподготовки для сотрудника исходя из его настоящих и будущих профессиональных задач.

Еще одной из серьезных проблем управления персоналом следует считать адаптацию новых сотрудников. Это касается как сотрудников, вновь принятых на работу, так и сотрудников, которые в рамках предприятия перешли на новую должность или в новое подразделение с изменившимся функционалом.

По оценкам сотрудников кадровых служб, процесс адаптации занимает от трех месяцев до шести. Например, при приеме на работу молодого специалиста в крупной компании ему назначают наставника, который на протяжении определенного времени вводит молодого специалиста в курс дела. Однако это дополнительные затраты компании, если учесть время, которое наставник отрывает от своей основной работы, а также дополнительные затраты предприятия на оплату труда наставника. Кроме того, молодой специалист также теряет время на изучение основных бизнес-процессов компании и своих функциональных обязанностей. В целом все компании мирятся с таким положением дел.

[6] Душкин Р. В. Искусственный интеллект. – М.: ДМК Пресс, 2019. – 280 с.

В данном случае можно предложить использование ИИ в процессе геймификации при адаптации молодых специалистов. Геймификация в компании может быть представлена как мобильными приложениями, так и корпоративными сервисами.

Геймификация в настоящее время набирает популярность в связи с тем, что многие компании часть процессов перенесли в онлайн-формат [21, с. 74]. К преимуществам использования геймификации в процессе корпоративного обучения, которым можно считать процесс адаптации сотрудника на новом месте работы, следует отнести:

- повышение вовлеченности сотрудников;
- возможно отслеживать прогресс в адаптации в режиме реального времени;
- диверсификацию инструментов влияния на ход обучения и внедрение элементов социального взаимодействия;
- сбор и обработку данных о прохождении корпоративного обучения.

Необходимо отметить, что внедрение геймификации в корпоративное обучение, в особенности в процессе адаптации, наиболее предпочтительно для молодых людей. Далеко не всегда кадровыми службами учитывается разница в мировосприятии людей разных поколений, поэтому инструменты, используемые HR-службами, во многом морально устарели и не воспринимаются молодыми специалистами.

В качестве следующего предложения следует выделить использование ИИ в процессе повышения квалификации и переподготовки персонала.

В период высокой турбулентности внешней среды многие рабочие места могут быть ликвидированы, а также может быть изменен функционал работников в связи с изменением предпочтений потребителей или изменением внешних условий. Поэтому компании прибегают к повышению квалификации и переподготовке персонала. В современных условиях программы развития персонала можно считать стратегическим императивом любой организации. Такой подход отражает глубокие изменения на рынке труда, который испытывает трансформацию под воздействием демографических факторов (общее старение трудоспособного населения), технологических факторов (появление новых профессий), а также растущей потребности сотрудников в развитии специфических для компании навыков.

По сути, стратегия развития персонала – это составляющая стратегии управления изменениями в компании, стратегии трансформации компании под воздействием быстро изменяющихся факторов внешней среды. Стратегия развития персонала – это сложная инициатива по управлению изменениями, которая требует одновременного решения множества задач: понимания спроса и предложения на рынке квалификаций, объективной оценки навыков сотрудников, приобретение навыков без отрыва от производства (непосредственно на рабочем месте), а также определение новых рабочих мест для сотрудников, прошедших переквалификацию.

В данном случае компании могут использовать в качестве помощника нейросеть. ИИ может оценить имеющиеся навыки сотрудника и найти наиболее подходящее ему обучение в рамках повышения квалификации или переподготовки. Кроме того, ИИ, зная суть всех бизнес-процессов в организации, может составить план развития сотрудника, поможет выбрать подходящие программы обучения.

Например, сотрудник перешел по карьерной лестнице на более высокую позицию, но в другом департаменте. Его функционал изменился. Несмотря на то, что он в целом понимает работу организации, ему необходимо время, чтобы адаптироваться к новым условиям работы и новым задачам. В данном случае ИИ подбирает ему образовательные программы, которые могут сократить «разрыв» в компетенциях. Таким образом, издержки предприятия на адаптацию сотрудника сократятся.

Цифровые технологии стали реальностью компаний, однако около половины опрошенных авторами руководителей предприятий (47%) благосклонно относятся к внедрению ИИ, если он поможет снизить затраты или увеличить прибыль. Вместе с тем, ни один руководитель пока не готов максимально инвестировать в развитие корпоративного ИИ.

Однако внедрение ИИ при выполнении базовых задач может увеличить даже в краткосрочной перспективе производительность труда сотрудников на 10–20%[7]. В более длительной перспективе внедрение ИИ может изменить бизнес-модель и реорганизовать функционал

[7] What GenAI's Top Performers Do Differently. URL: https://www.bcg.com/publications/2024/what-gen-ais-top-performers-do-differently (дата обращения 24.02.2024)

Таблица 2 — Влияние ИИ на эффективность управления персоналом организации
Table 2 — The impact of AI on the efficiency of organizational HR management

	Поиск сотрудников на внешнем рынке	**Инновации в бизнес-процессах компании**	**Оценка удовлетворенности сотрудников компании**	**Автоматизация рутинных процессов**
Функционал программного обеспечения	Составление вакансии исходя из цели бизнес-процессов организации и необходимых навыков, включая возможности дальнейшего обучения сотрудника	Генерирование концепций новых продуктов, взаимодействие с прототипами и определение функционала сотрудников, работающих с данным продуктом	Анализ настроений сотрудников на основе анонимных опросов, прогнозирование конфликтных ситуаций в коллективе, оценка компетенций руководящего состава в соответствии с заданными результатами	Повышение эффективности выполнения повседневных, рутинных задач
Влияние	Сокращение времени на составление и согласование вакансии до 40%	Сокращение вывода продукта на рынок, снижение временных затрат сотрудников кадровой службы на формирование новых должностных инструкций в связи с изменившимся функционалом на 20%	Сокращение времени на сбор и обработку данных по удовлетворенности сотрудников и оценке деятельности руководящего состава до 50%	Сокращение общего времени работы кадровой службы на подбор, оценку персонала, на развитие персонала в части обеспечения повышения квалификации и переподготовки до 50%

Источник: составлено авторами

предприятия. В настоящее время в качестве основных направлений использования ИИ называют маркетинг, продажи, работу с клиентами, сферу ИТ и НИОКР.

Вместе с тем, в работе службы управления персоналом эффект от использования ИИ может быть существенным (таблица 2).

Рассмотрим возможности применения ИИ на примере процесса подбора персонала на вакантные должности. Наибольшее количество времени для кадровой службы занимает процесс поиска и отбора персонала (рекрутинг). Традиционными этапами подбора персонала можно считать следующие [22, с. 115]: 1) определение вакансий в организации; 2) подготовка описания должности и желаемых личных и профессиональных качеств соискателя; 3) отбор кандидатов; 4) составление списка кандидатов и проведение собеседований; 5) принятие решения и найм подходящего кандидата.

В данные позиции не входит большой объем рутинной, бумажной работы кадровой службы. Подбор кандидата на одну вакантную должность может занимать от нескольких дней до нескольких месяцев. С учетом последующей адаптации сотрудника (примерно полгода) можно с уверенностью сказать, что организация теряет ресурсы в течение примерно девяти месяцев.

В дальнейшем традиционная модель рекрутинга была усовершенствована путем реализации стратегии набора персонала, в которой отражены цели найма, проводимые мероприятия и результаты [23, с. 111].

Несмотря на то, что формирование стратегии набора персонала в целом оптимизирует бизнес-процесс, он все равно будет занимать значительное время.

Если в данный процесс будут внедрены технологии ИИ, то технически искусственный интеллект будет выполнять следующие задачи:

1) подбор кандидатов: отбор подходящих по требованиям кандидатов на объявленную вакансию;

2) аналитика: из большого количества поданных резюме ИИ быстро отбирает подходящие, повышая эффективность процесса рекрутинга;

3) качество рекрутинга: ИИ создает несколько этапов отбора кандидатов, что позволяет собрать детализированную информацию о кандидате перед принятием решения об отборе;

4) эффективное принятие решений: технология ИИ подбирает наиболее подходящего кандидата с учетом всех требований;

5) автоматизация и объективность: человек не участвует в данном процессе, что повышает объективность принимаемых решений;

6) рост мотивации и обучение персонала: при реализации программы развития персонала благодаря использованию ИИ все программы будут адаптированы под интересы сотрудника, а сотрудник может проходить программы обучения в удобное для него время;

7) организационное развитие: ИИ может обеспечить эффективную обратную связь между сотрудниками и руководством, что позволит своевременно реагировать на потребности коллектива.

Вместе с тем, широкое использование ИИ наряду с позитивными моментами не лишено определенных угроз [24, с. 183; 25, с. 10].

Во-первых, это ошибки в обучении нейросети. Если первоначально в «мозг» системы были заложены неправильные данные, то и результаты могут быть прямо противоположные ожидаемым. Здесь следует упомянуть, что возможен и злой умысел при обучении нейросети. Второе – это недостаточная прозрачность и возможное искажение информации [26, с. 24]. Кроме того, как любая технология, ИИ может потерять управление, в связи с чем должны быть разработаны механизмы защиты от такого сценария. И, конечно, негативным моментом может быть отказ от ответственности в рассматриваемом случае – сотрудников кадровой службы.

Таким образом, должна быть создана нормативно-правовая база использования ИИ как на высшем уровне (например, законодательство страны), так и на уровне самой компании. В декабре конце 2023 года был принят Закон Европейского союза об искусственном интеллекте (AI Act), который включает широкий спектр применения ИИ вне зависимости от отраслевой принадлежности[8]. Закон разрабатывался с 2021 года и в нем выделены четыре вида риска использования ИИ: неприемлемый, высокий, ограниченный и минимальный. В соответствии с таким ранжированием рисков предлагается внедрение отраслевых стандартов разработки и использования ИИ. Безусловно, внедрение отраслевых и корпоративных стандартов может снизить риски использования ИИ.

■ ОБСУЖДЕНИЕ

ИИ становится неотъемлемой частью бизнес-экосистем и является источником повышения конкурентоспособности организации. Вместе с тем, искусственный интеллект все еще является новой, развивающейся технологией, хотя каждая новая версия предлагает все больше возможностей для компаний. Однако сейчас уже необходимо определить границы использования ИИ, в том числе как будет обеспечиваться взаимодействие человека и машины, какими функциями можно наделить ИИ, а от каких отказаться [27, с. 25].

В управлении персоналом ИИ может оказать существенную поддержку в процессе поиска и отбора кандидатов на вакантные должности. Он может повысить производительность труда сотрудников кадровой службы, снизить издержки на проведение рутинной работы. Немаловажным фактором является то, что с использованием ИИ появляется возможность снижать временные и материальные затраты на адаптацию и переобучение персонала.

Учитывая скорость развития технологий в ближайшие три-четыре года, большинство сотрудников многих компаний должны будут пройти переподготовку или повышение квалификации в той же или смежных областях. Таким образом, любой компании необходима грамотная стратегия развития персонала, которая включает новейшие инструменты прогнозирования навыков и компетенций, а также возможностей обучения персонала.

Следует отметить, что в условиях жесткого дефицита кадров руководители предприятий не должны надеяться на то, что кадровая служба быстро найдет необходимого сотрудника на рынке труда. Более эффективной видится стратегия прогнозирования потребностей в кадрах, их функциональных возможностей и переобучение имеющегося персонала.

Этот подход ложится в общую стратегию развития персонала, которая существует в большинстве компаний, иногда, правда, весьма формально. Наши исследования показали, что руководители компании не видят крупной кадровой проблемы, с которой могут столкнуться в ближайшие годы. Проблема заключается даже не в количестве наемного персонала, а в его качестве: смогут ли существующие на рынке работники создавать ценность компании, повышать ее конкурентоспособность за счет высокой квалификации и умения работать с новейшими технологиями.

Таким образом, внедрение искусственного интеллекта в деятельность компании, сопряженной с развитием персонала, требует существенной поддержки со стороны руководства организации. Если руководители понимают потенциальное влияние на отрасль технологии искус-

[8] AI Act. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/regulatory-framework-ai (дата обращения 19.02.2024)

ственного интеллекта, то должны отдавать отчет, что внедрение ИИ поможет повысить конкурентоспособность и, в конечном итоге, принесет прибыль компании.

Однако внедрение ИИ может быть сопряжено с неудачами и сложностями. Поэтому компаниям следует начать с нескольких приоритетных проектов, использовать готовые решения и привлекать партнеров, а также трансформировать систему управления в компании. Впоследствии следует ранжировать проекты с использованием ИИ с учетом их потенциальной ценности, оценить основные требования к данным, а также повысить квалификацию сотрудников, чтобы они могли успешно работать с таким технологическим решением.

Существует также ряд ограничений при использовании ИИ в подборе персонала. Например, технологии ИИ сложно оценить психологические особенности человека, что является существенным при рассмотрении кандидата на высшую управленческую должность. Кроме того, отбор кандидатов ведется по ключевым словам. Однако более опытные возрастные сотрудники могут не владеть высокими технологиями и не включить в свое резюме ключевые для ИИ слова. Тем самым, грамотный и необходимый для организации кандидат просто не попадет в поле зрения ИИ.

Поэтому технологиям ИИ еще предстоит совершенствоваться, чтобы отвечать всей сложности человеческих отношений. Однако применять технологии ИИ в управлении персоналом компаниям надо начинать прямо сейчас, чтобы сохранить или упрочить свои конкурентные позиции. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Головина А. Н., Пешкова А. А. Цифровизация как новый принцип организации производства // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 2 (38). С. 15–24. DOI 10.24151/2409-1073-2023-2-15-24. EDN BEOMPJ.

2. Коновалов М. А. Преимущества использования цифровых технологий при подборе персонала // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 94. С. 188–202. DOI 10.24412/2070-1381-2022-94-188-202. EDN KWUFCB.

3. Дривольская Н. А., Моложавенко О. А. Цифровизация промышленности как фактор устойчивого развития производства // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 9-1 (79). С. 74–77. DOI 10.24412/2411-0450-2021-9-1-74-77. EDN GCSRLY.

4. Долженко Е. Р. Искусственный интеллект и нейронные сети в управлении персоналом // Управление развитием персонала. 2023. № 3. С. 170–178. DOI 10.36627/2619-144X-2023-3-3-170-178. EDN AWBGRB.

5. Ghallab, M. (2019). Responsible AI: Requirements and challenges. *AI Perspectives*, (1). https://doi.org/10.1186/s42467-019-0003-z.

6. Вахрушева М. Ю., Лумбина К. В. Технологии искусственного интеллекта как фактор повышения эффективности управления персоналом // Труды Братского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2023. Т. 1, . С. 67–73. EDN SSAYER.

7. Курина Т. Н. Искусственный интеллект в управлении персоналом инновационного предприятия // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2022. № 2. С. 19–26. DOI 10.18137/RNU.V9276.22.02.P.019. EDN FJBGFW.

8. Володина О. В. Использование искусственного интеллекта в управлении персоналом // Наука и искусство управления/Вестник Института экономики, управления и права Российского государственного гуманитарного университета. 2022. № 4. С. 55–66. DOI 10.28995/2782-2222-2022-4-55-66. EDN AMIQCR.

9. Крылова Д. В., Максименко А. А. Роль искусственного интеллекта в антикоррупционном рекрутинге // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2022. Т. 8, № 2. С. 94–107. DOI 10.18413/2408-9346-2022-8-2-0-9. EDN FUFUDM.

10. Тесленко И. Б. Искусственный интеллект в управлении персоналом // Modern Science. 2022. № 6-3. С. 121–124. EDN QOXUTI.

11. Zhang, B., & Dafoe, A. (2019). Artificial Intelligence: American Attitudes and Trends. *SSRN Electronic Journal*, Article 3312874. https://doi.org/10.2139/ssrn.3312874.

12. Etzioni, A., & Etzioni, O. (2017). Should artificial intelligence be regulated. *Issues in science and technology*, *33*(4). https://doi.org/10.2307/j.ctv56fgtg.16.

13. Soni, N., Sharma, E. K., Singh, N., & Kapoor, A. (2020). Artificial Intelligence in Business: From Re-

search and Innovation to Market Deployment. *Procedia Computer Science*, (167), 2200–2210. https://doi.org/10.1016/j.procs.2020.03.272.

14. Нарейко В. Г. Искусственный интеллект в управлении персоналом // Диалог. 2023. № 1 (23). С. 50–53. EDN FYUKRY.

15. Чуланова О. Л. Развитие и риски технологий искусственного интеллекта в HR // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2019. Т. 8, № 6. С. 5–8. DOI 10.12737/2305-7807-2020-5-8. EDN LPYYON.

16. Денисов А. Ф., Кардаш Д. С. Анализ практик применения цифровых технологий в отборе персонала // Экономика и управление. 2018. № 6 (152). С. 26–37. EDN XVMAVV.

17. Мартынова М. Э., Камшилов С. Г. Цифровые технологии в управлении персоналом компании // Общество, экономика, управление. 2019. Т. 4, № 4. С. 69–74. EDN FGMJUB.

18. Коновалова В. Г. Внедрение технологий искусственного интеллекта в системы управления персоналом и трансформация ключевых навыков // Кадровик. 2023. № 10. С. 65–73. EDN ZPIHQS.

19. Пантелеева Т. А., Арустамов Э. А., Максаев А. А. Возможности искусственного интеллекта в управлении кадровыми ресурсами в условиях свободного предпринимательства // Отходы и ресурсы. 2019. Т. 6, № 3. EDN PMFCGT.

20. Чуланова О. Л., Хайбуллова К. Н. Исследование применения технологий искусственного интеллекта в управлении персоналом современных организаций // Вестник евразийской науки. 2020. Т. 12, № 1. EDN MJQGTG.

21. Iacono, S., Vallarino, M., & Vercelli, G. V. (2020). Gamification in Corporate Training to Enhance Engagement: An Approach. *International Journal of Emerging Technologies in Learning (IJET)*, *15*(17), 69. https://doi.org/10.3991/ijet.v15i17.14207.

22. Oswal, N., Ateeq, K., & Mathew, S. (2021). Trends in Recruitment Information and Communication System using Artificial Intelligence in Industry 4.0. In *Proceedings of the 3rd International Conference on Finance, Economics, Management and IT Business*. https://doi.org/10.5220/0010503201110118.

23. Breaugh, J. A. (2008). Employee recruitment: Current knowledge and important areas for future research. *Human Resource Management Review*, *18*(3), 103–118. https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2008.07.003.

24. Зуб А. Т., Петрова К. С. Искусственный интеллект в корпоративном управлении: возможности и границы применения // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 94. С. 173–187. DOI 10.24412/2070-1381-2022-94-173-187. EDN FLGKRR.

25. Погодина И. В., Авдеев Д. А. Правовые риски использования искусственного интеллекта в управлении персоналом // Кадровик. 2022. № 1. С. 8–12. EDN PDJZEO.

26. Лобачева А. С., Соболь О. В. Этика применения искусственного интеллекта в управлении персоналом // E-Management. 2021. Т. 4, № 1. С. 20–28. DOI 10.26425/2658-3445-2021-4-1-20-28. EDN OWBUJT.

27. Евсеев В. И. Искусственный интеллект в современном мире: надежды и опасности создания и использования // Аэрокосмическая техника и технологии. 2023. Т. 1, № 1. С. 16–34. EDN BFCYAZ.

REFERENCES

1. Golovina, A. N., & Peshkova, A. A. (2023). Digitalization as a new principle of production organization. *Economic and Social Research*, (2), 15–24. https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-2-15-24.

2. Konovalov, M. A. (2022). Benefits of using digital technologies in recruitment. *E-Journal Public Administration*, (94), 188–202. https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-94-188-202.

3. Drivolskaya, N. A., & Molozhavenko, O. A. (2021). Digitalization of industry as a factor of sustainable development of production. *Economy and Business: Theory and Practice*, (9-1), 74–77. https://doi.org/10.24412/2411-0450-2021-9-1-74-77.

4. Dolzhenko, E. R. (2023). Artificial intelligence and neural networks in personnel management. *Personnel Development Management*, (3), 170–178. https://doi.org/10.36627/2619-144X-2023-3-3-170-178.

5. Ghallab, M. (2019). Responsible AI: Requirements and challenges. *AI Perspectives*, (1). https://doi.org/10.1186/s42467-019-0003-z.

6. Vakhrusheva, M. Yu., & Lumbina, K. V. (2023). Artificial intelligence technologies as a factor in increasing the efficiency of personnel management. *Proceedings of Bratsk State University. Series: Economics and Management*, *1*, 67–73. https://elibrary.ru/ssayer.

7. Kurina, T. N. (2022). Artificial intelligence in personnel management in an innovative enterprise. *Bulletin of the Russian New University. Series: Man and Society*, (2), 19–26. https://doi.org/10.18137/RNU.V9276.22.02.P.019.

8. Volodina, O. V. (2022). The use of artificial intelligence in personnel management. *Science and Art of Management / Bulletin of the Institute of Economics, Management and Law of the Russian State University for the Humanities*, (4), 55–66. https://doi.org/10.28995/2782-2222-2022-4-55-66.

9. Krylova, D. V., & Maksimenko, A. A. (2022). The role of artificial intelligence in anticorruption recruiting. *Research Result. Business and Service Technologies*, *8*(2), 94–107. https://doi.org/10.18413/2408-9346-2022-8-2-0-9.

10. Teslenko, I. B. (2022). Artificial Intelligence in Personnel Management. *Modern Science*, (6-3), 121–124. https://elibrary.ru/qoxuti.

11. Zhang, B., & Dafoe, A. (2019). Artificial Intelligence: American Attitudes and Trends. *SSRN Electronic Journal*, Article 3312874. https://doi.org/10.2139/ssrn.3312874.

12. Etzioni, A., & Etzioni, O. (2017). Should artificial intelligence be regulated. *Issues in science and technology*, *33*(4). https://doi.org/10.2307/j.ctv56fgtg.16.

13. Soni, N., Sharma, E. K., Singh, N., & Kapoor, A. (2020). Artificial Intelligence in Business: From Research and Innovation to Market Deployment. *Procedia Computer Science*, (167), 2200–2210. https://doi.org/10.1016/j.procs.2020.03.272.

14. Nareiko, V. G. (2023). Artificial intelligence in personnel management. *Dialogue*, (1), 50–53. https://elibrary.ru/fyukry.

15. Chulanova, O. L. (2019). Development and risks of technologies of artificial intelligence in HR. *Human Resources and Intellectual Resources Management in Russia*, *8*(6), 5–8. https://doi.org/10.12737/2305-7807-2020-5-8.

16. Denisov, A. F., & Kardash, D. S. (2018). Analysis of application of digital technology in recruitment. *Economics and Management*, (6), 26–37. https://elibrary.ru/xvmavv.

17. Martynova, M. E., & Kamshilov, S. G. (2019). Digital technologies in company personnel management. *Society, Economy, Management*, *4*(4), 69–74. https://elibrary.ru/fgmjub.

18. Konovalova, V. G. (2023). Implementation of artificial intelligence technologies in personnel management systems and transformation of key skills. *Personnel Officer*, (10), 65–73. https://elibrary.ru/zpihqs.

19. Panteleeva, T. A., Arustamov, E. A., & Maksaev, A. A. (2019). The possibilities of artificial intelligence in the management of human resources in a free enterprise. *Waste and Resources*, *6*(3), 6. https://elibrary.ru/pmfcgt.

20. Chulanova, O. L., & Khaibullova, K. N. (2020). The study of the application of artificial intelligence technologies in the personnel management of modern organizations. *Bulletin of Eurasian Science*, *12*(1), 69. https://elibrary.ru/mjqgtg.

21. Iacono, S., Vallarino, M., & Vercelli, G. V. (2020). Gamification in Corporate Training to Enhance Engagement: An Approach. *International Journal of Emerging Technologies in Learning (IJET)*, *15*(17), 69. https://doi.org/10.3991/ijet.v15i17.14207.

22. Oswal, N., Ateeq, K., & Mathew, S. (2021). Trends in Recruitment Information and Communication System using Artificial Intelligence in Industry 4.0. In *Proceedings of the 3rd International Conference on Finance, Economics, Management and IT Business*. https://doi.org/10.5220/0010503201110118.

23. Breaugh, J. A. (2008). Employee recruitment: Current knowledge and important areas for future research. *Human Resource Management Review*, *18*(3), 103–118. https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2008.07.003.

24. Zub, A. T., & Petrova, K. S. (2022). Artificial intelligence in corporate governance: Perspectives and boundaries of use. *E-Journal Public Administration*, (94), 173–187. https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-94-173-187.

25. Pogodina, I. V., & Avdeev, D. A. (2022). Legal risks of using artificial intelligence in personnel management. *Personnel Officer*, (1), 8–12. https://elibrary.ru/pdjzeo.

26. Lobacheva, A. S., & Sobol, O. V. (2021). Ethics of the application of artificial intelligence in human resource management. *E-Management*, *4*(1), 20–28. https://doi.org/10.26425/2658-3445-2021-4-1-20-28.

27. Evseev, V. I. (2023). Artificial intelligence in the modern world: Hopes and dangers of creation and use. *Aerospace Engineering and Technology*, *1*(1), 16–34. https://elibrary.ru/bfcyaz.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ и ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

PUBLIC MANAGEMENT and PUBLIC ADMINISTRATION

DOI: 10.22394/2304-3369-2024-4-68-79 ВАК: 5.2.4
EDN: LWEISN УДК: 349.3(4)

СОВРЕМЕННАЯ ПАРАДИГМА ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В ЕВРОПЕ

О. А. Молина[a], **В. Ю. Ярин**[b], **М. И. Львова**[c], **Л. И. Юзвович**[c]
[a] Хальмстадский Университет (Хальмстад, Швеция)
[b] Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Екатеринбург, Россия)
[c] Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия)

АННОТАЦИЯ:

Введение. Пенсионные системы являются ключевым элементом социальной защиты пожилых людей. Они предназначены для обеспечения граждан старшего возраста в стабильном получении доходов не от трудовой деятельности. Однако пенсионные системы, разрабатываемые в настоящее время в Европе, все чаще подвергают население трудоспособного возраста к риску бедности в старости. Европейская парадигма пенсионного обеспечения стремится к достаточному уровню пенсионных выплат и выстраивает финансовую защиту от бедности, в то время как будущая эволюция заработной платы и цен остается неизвестной для Европы в целом.

Методы. Научное исследование базируется на общих и специальных методах научного познания. В процессе формирования концепции научной статьи использовались современные научные методы исследования экономико-социальных явлений, включающие в себя методы системно-структурного, функционального, факторного и сравнительного анализа, а также категориальный, логико-структурный анализ и синтез, детализация и обобщение, группировка и сопоставление, выявление причинно-следственных связей. Авторы исходят из понимания научной гипотезы реформирования пенсионной системы, обеспечивающей долгосрочное инвестирование населением трудоспособного возраста с получением дохода в будущем. Эмпирическую базу исследования составили актуальные данные межстрановых сравнительных исследований Европы в части типологизации государственных пенсионных систем.

Результаты. Авторами в научной статье на основе функционального метода познания систематизированы основные типы государственных пенсионных систем Евросоюза, представляющие комплексный контент индикаторного значения пенсионных выплат. Отмечается, что в условиях реформирования пенсионных систем стран Евросоюза реорганизация функционального и идеологического компонентов пенсионного обеспечения, направленная на защиту потребителей пенсионных накоплений, позволяет увеличить социально-экономический уровень жизни. Хотя пенсионные системы ЕС во многих отношениях различаются, все они имеют одну общую проблему – поиск способов сохранить финансовую устойчивость бюджетной системы при выплате пенсий в долгосрочной перспективе на фоне старения населения, а также существует проблема увеличения соотношения пенсионеров к населению трудоспособного возраста.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: пенсионное обеспечение, инвестирование, государственные расходы, реформирование пенсионной системы, пенсионные накопления, пенсионные выплаты

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: **Молина О. А., Ярин В. Ю., Львова М. И., Юзвович Л. И.** Современная парадигма пенсионного обеспечения в Европе // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 4. С. 68-79. EDN LWEISN. DOI 10.22394/2304-3369-2024-4-68-79.

© О. А. Молина, В. Ю. Ярин, М. И. Львова, Л. И. Юзвович, 2024

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Молина Оскар Амадор – Хальмстадский Университет (30118, Швеция, Хальмстад, ул. Кристиана IV, 3) — *старший преподаватель школы информационных технологий*; oscar.molina@hh.se. ORCID: 0000-0003-0887-5226, ScopusID: 57208707354.

Ярин Вячеслав Юрьевич – Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66) — *научный сотрудник Центра социально-экономических исследований*; email292@gmail.com.

Львова Майя Ивановна – кандидат экономических наук; Уральский государственный экономический университет (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45) — *доцент кафедры государственного и муниципального управления*; minlvova@mail.ru. SPIN-код: 2108-8592, ORCID: 0000-0002-8695-6737, ScopusID: 57212196322, ResearcherID: AAF-6716-2019.

Юзвович Лариса Ивановна – доктор экономических наук, профессор; Уральский государственный экономический университет (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45) — *заведующий кафедрой финансов, денежного обращения и кредита*; yuzvovich@bk.ru. SPIN-код: 4440-5711, ORCID: 0000-0003-0906-5065.

Статья поступила 06.04.2024; рецензия получена 04.07.2024; принята к публикации 23.07.2024.

MODERN PENSION PARADIGM IN EUROPE

O. A. Molina[a], V. Yu. Yarin[b], M. I. Lvova[c], L. I. Yuzvovich[c]

[a] Halmstad University (Halmstad, Sweden)

[b] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Ekaterinburg, Russia)

[c] Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

ABSTRACT:

Introduction. Pension systems are a key element of social protection for the elderly. They are designed to provide senior citizens with stable income not from work. However, pension systems currently being developed in Europe are increasingly exposing the working-age population to the risk of poverty in old age. The European pension paradigm strives for an adequate level of pension payments and builds financial protection against poverty, while the future evolution of wages and prices remains unknown for Europe as a whole.

Methods. Scientific research is based on general and special methods of scientific cognition. In the process of forming the concept of the scientific article, modern scientific methods of studying economic and social phenomena were used, including methods of system-structural, functional, factorial and comparative analysis, as well as categorical, logical and structural analysis and synthesis, detailing and generalization, grouping and comparison, identification of cause-and-effect relationships. The authors proceed from an understanding of the scientific hypothesis of reforming the pension system, which ensures long-term investment by the working-age population with income in the future. The empirical base of the study was made up of current data from cross-country comparative studies of Europe in terms of typology of state pension systems.

Results. Based on the functional method of cognition, the authors of the scientific article systematize the main types of state pension systems of the European Union, representing the complex content of the indicator value of pension payments. It is noted that in the context of reforming the pension systems of the European Union countries, the reorganization of the functional and ideological components of pension provision, aimed at protecting consumers of pension savings, makes it possible to increase the socio-economic standard of living. Although EU pension systems differ in many respects, they all have one common problem - finding ways to maintain the financial sustainability of the budgetary system while paying pensions in the long term against the backdrop of an aging population and the problem of increasing the ratio of pensioners to the working-age population.

KEYWORDS: pension provision, investment, government spending, pension system reform, pension savings, pension payments

FOR CITATION: **Molina, O. A., Yarin, V. Yu., Lvova, M. I., & Yuzvovich, L. I.** (2024). Modern pension paradigm in Europe. *Management Issues*, *18*(4), 68–79. https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-4-68-79

AUTHORS' INFORMATION:

Oscar A. Molina – Halmstad University (3, Kristian IV St., Halmstad, 30118, Sweden) — *senior lecturer of the School of Information Technology*; oscar.molina@hh.se. ORCID: 0000-0003-0887-5226, ScopusID: 57208707354.

Vyacheslav Yu. Yarin – Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russia) — *research fellow of the Center for Social and Economic Research*; email292@gmail.com.

Maya I. Lvova – Ph.D. of Economic Sciences; Ural State University of Economics (62/45, 8 Marta/Narodnoy Voli St., Ekaterinburg, 620144, Russia) — *associate professor of the Department of State and Municipal Administration*; minlvova@mail.ru. RSCI SPIN: 2108-8592, ORCID: 0000-0002-8695-6737, ScopusID: 57212196322, ResearcherID: AAF-6716-2019.

Larisa I. Yuzvovich – Advanced Doctor in Economic Sciences, Full Professor; Ural State University of Economics (62/45, 8 Marta/Narodnoy Voli St., Ekaterinburg, 620144, Russia) — *head of the Department of Finance, Money Circulation and Credit*; yuzvovich@bk.ru. RSCI SPIN: 4440-5711, ORCID: 0000-0003-0906-5065.

The article was submitted 04/06/2024; reviewed 07/04/2024; accepted for publication 07/23/2024.

■ ВВЕДЕНИЕ

В Европе, как и в большинстве стран мира, пенсионные системы являются компетенцией государств – членов ЕС. Несмотря на индивидуальность структуры пенсионной системы, необходимо с перспективой подходить к долгосрочным сбережениям, направленным на пенсионное обеспечение в будущем, а именно: денежная подушка безопасности, сбережения на случай непредвиденных ситуаций, регулярный доход в будущем [1, с. 578–591; 2; 3, с. 25].

В Европейских стандартах социальных прав закреплен нормативно-законодательный контент – право на пенсию, которая обеспечивает доход, позволяющий вести уровень жизни выше среднего [4, с. 16874]. Пенсионная политика стран Евросоюза направлена на достижение прогрессивной траектории в направлении социального обеспечения всех граждан Европы. Европейская коллаборация пенсионной системы обеспечивает координацию и мониторинг, а также предоставляет компаративный анализ, рекомендации и финансирование для поддержки реформ в социальной сфере и софинансирования пенсионных проектов.

Экспертные группы и заинтересованные стороны выдвинули ряд рекомендаций по усилению как устойчивости, так и адекватности пенсионных систем ЕС. Население Европы стремительно стареет и, как ожидается, начнет сокращаться к 2026 г., поскольку люди живут дольше и рожают меньше детей, следовательно, возрастной состав населения существенно изменился. В 2022 г. 21,1% населения ЕС был в возрасте 65 лет и старше. Ожидается, что эта доля к 2070 г. возрастет примерно до 30%, а вместе с этим возрастут соответствующие государственные расходы, включая пенсии, здравоохранение и долгосрочный уход. Доля возрастной группы 20–64 лет (население трудоспособного возраста) упадет с 59% до 51% от общей численности населения [5, с. 94; 6, с. 248].

Пенсионные системы стран ЕС различаются по продолжительности обязательного социального страхования, уровню взносов, источникам финансирования, кругу получателей, уровню получаемых ими выплат и устойчивости всей системы. Они включают в себя общественную и частную (децентрализованную) часть и рассредоточены по трем уровням [6, с. 242–258]. Первый уровень состоит из государственных обязательных пенсий (обязательный), второй уровень охватывает профессиональные пенсии (квазиобязательные и зависящие от заработка), а тре-

тий составляют дополнительные персональные пенсии (добровольные, также зависящие от заработка).

Большинство пенсионных систем предоставляют минимальную гарантированную пенсию людям, не обеспеченным достойным заработком или с ограниченными пенсионными правами. Во всех странах ЕС государства играют ключевую роль в пенсионном обеспечении и могут устанавливать не только минимальный, но и максимальный уровень пенсий.

Научно-теоретическим фундаментом исследования послужили концептуальные положения в сфере финансов, пенсионного обеспечения, управления рисками, формирования личного инвестиционного портфеля, пенсионные накопления, социальная политика, формирование пенсионных резервов, обобщение которых позволило систематизировать и углубить концептуальные положения в части необходимости формировать пенсионные накопления или сбережения до выхода на пенсию, повышать уровень финансовой грамотности населения в целях принятия адекватных инвестиционных решений, наиболее подходящих для будущих доходов. Пенсионная политика должна быть ориентирована на потребителя и основываться на формировании требований и потребностей пользователей.

В рамках изученной проблематики, учитывая научную коллаборацию финансовых исследований, зарубежными авторами аргументировались особенности пенсионных систем, их устойчивость в условиях реформирования, бюджетные ограничения, наднациональные циклы оценки пенсий. Таким образом, выстраивалась новая парадигма пенсионного обеспечения, направленная на социальное ответственное инвестирование. Данные вопросы разрабатывались в своих трудах такими учеными, как: Guardiancich I., Guide M. and Terlizzi A., Heer B., Polito V. and Wickens M. R., Sato M., Kangur A., Martini A., Elkamhi R., Lee J.S.H., Sadik S. Авторами исследования представлен сравнительный контент-анализ пенсионного обеспечения в национальной экономике, позволяющий провести тренды компаративности пенсионных накоплений, при этом была выстроена экосистема негосударственных пенсионных фондов, обозначенных в трудах ведущих ученых в данной сфере научных интересов: Фруминой С. В., Князевой Е. Г., Пинигиной В. В., Степановой Н. В., Фокиной О. Г., Мастерова А. И., Хмелевской С. А., Есаулковой Т. С., Яровой Е. С.

В условиях глобализации трендового контента пенсионных накоплений, на основе инвестирования, необходимо обратить внимание на риск-ориентированный подход и новое измерение в распределении портфелей, которое в настоящий момент является форсайт-проектом принятия эффективных инвестиционных решений для формирования пенсионных накоплений, исследуемых ведущими учеными: De Spiegeleer J., Höcht S., Jakubowski D., Ben Dor A., Florig S., Guan J., Zeng X., Соловьевым А. К., Bekbossinova A. S., Oshanova K. Y., Khassenova K. K., Alpysbayeva A. K., Moldasheva A. B.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Авторами исследования представляется возможным исследовать европейские пенсионные системы по разным критериям, используя логико-структурный, аналитический, факторный методы исследования. В плане финансирования источника они могут основываться либо на взносах (отчислениях, связанных с доходами), либо на налогах, либо учитывать другие источники (необязательные). В некоторых странах государственные пенсии привязаны к заработку, в то время как другие имеют фиксированную пенсию, которая может быть дополнена профессиональными корпоративными программами [7, с. 1852].

Определение конкретных пенсионных выплат специфично для каждой страны. Обычно в расчете сочетают разные условия (индикаторы) (отработанные годы, уплаченные взносы в пенсионную систему) и уровень доходов для назначения базовой пенсии, равной для всех [8, с. 43–58]. Государственные пенсионные схемы, зависящие от заработка, делятся на несколько типов:

- *ориентированная на гарантированный доход* (DB) (Австрия, Бельгия, Болгария, Чехия, Финляндия, Венгрия, Люксембург, Португалия, Словения, Испания);
- *ориентированная на фиксированные взносы* (NDC) (Италия, Латвия, Польша, Швеция);
- *балльная система* (PS) (Хорватия, Кипр, Эстония, Германия, Литва, Румыния, Словакия);
- *с фиксированной ставкой взносов + гарантированный доход* (Дания, Ирландия, Мальта, Нидерланды);

• *другие варианты*: Греция – фиксированная ставка + DB + NDC (вспомогательное обязательное пенсионное страхование), Франция – DB + + PS (дополнительные схемы AGIRC и ARRCO).

Выплаты основаны на среднем трудовом доходе. В пенсионной системе с фиксированными взносами трудовой доход умножается на утвержденную ставку взносов и при достижении пенсионного возраста подлежит выплате по аннуитетной схеме до конца жизни пенсионера. Балльная система является аналогичной российской системе: взносы трудящихся граждан конвертируются в пенсионные баллы и накапливаются на счете. Пенсионные выплаты зависят от стоимости одного балла на момент выхода на пенсию.

Существуют также различные способы финансирования государственных пенсионных систем. Большинство государственных пенсионных систем финансируется на распределительной основе (PAYG), где доходы от текущих взносов используются для выплат действующим на этот момент пенсионерам. Альтернативные взносы хранятся в специальном фонде, инвестируются и затем используются для выплаты пенсий в будущем. В общем виде, в ЕС гарантированы программы обеспечения нетрудоспособного населения выплатами пенсий по старости, пенсий по инвалидности (в некоторых странах пособия по инвалидности рассматриваются не как пенсии, а как выплаты, связанные со здоровьем), пособия по потере кормильца и минимальные выплаты в виде специальных пенсий.

Тремя источниками финансирования пенсий по старости являются социальные взносы на защиту, общие государственные доходы (в основном от налогообложения) и «другие поступления», например, переводы из других фондов или возврат инвестиций. Минимальная пенсия обеспечивается в основном за счет общих налогов. Системы, связанные с трудоустройством, обычно основаны на обязательном удержании взносов работников и работодателей, определяемых в процентах от заработка.

В ЕС программы пособий по старости в основном финансируются за счет социальных взносов, поступающих от взносов работодателей. За последние 20 лет, по мере уменьшения доли, выплачиваемой работодателями, произошел заметный сдвиг в сторону финансирования из общих государственных доходов.

Размер и динамика государственных пенсионных расходов зависят от демографических показателей и наличия права на пенсионное обеспечение. Расходы ЕС на пенсии составили 13,6% ВВП в 2020 г., и самыми высокими были выплаты в Греции, Италии и Франции, а самыми низкими – в Ирландии, Мальте и Литве.

Эффективно выстроенная персональная инвестиционная стратегия позволяет проводить накопления с учетом риск-ориентированного подхода и доходности [9, с. 120; 10, с. 243–251; 11, с. 46–54; 12, с. 29–33]. Вовлечение коммерческих банков в процессы формирования личной инвестиционной стратегии позволяет увеличивать пенсионный капитал в будущем [13, с. 625].

В большинстве стран предусмотренные выплаты пенсий облагаются налогом. Средняя ставка налога на пенсионный доход обычно ниже, чем ставка налога на трудовой доход. Налоги являются прогрессивными, и некоторые страны предоставляют пенсионерам дополнительные налоговые льготы. Таким образом, физические лица уходят с официального рынка труда (и тем самым перестают платить пенсионные взносы) до достижения установленного законом пенсионного возраста, когда они начинают получать пенсионные выплаты.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В большинстве государств – членов ЕС установленный законом возраст выхода на пенсию повысился или планируется к повышению с 64/65 лет до 67 лет к 2070 г. С 2016 г. не было достигнуто прогресса в снижении риска бедности или социальной удовлетворенности для пожилых людей. В 2021 г. 16,8% (15,2 млн) людей в возрасте 65 лет и выше находились в Европе под угрозой бедности или имели статус «социальной исключенности» (индекс AROPE). В Хартии Европейского Союза об основных правах (статья 34) ЕС признает и уважает право на получение пособий по социальному обеспечению и социальных услуг, обеспечивающих защиту, в том числе в случаях зависимости и старости, на основании правил ЕС и национальных законов и практики.

Пенсии являются национальной компетенцией государств-членов. Тем не менее, ЕС поддерживает их и стремится добиться восходящей социальной конвергенции. Однако компетенция ЕС в вопросах пенсионного обеспече-

ния ограничена. Хотя ЕС не имеет полномочий издавать законы о пенсионных системах как таковых, он может принимать законы о вопросах влияния на функционирование внутреннего рынка (свободное передвижение людей, свобода предоставления услуг, защита потребителей), борьба с дискриминацией (по признаку пола и возраста), а также для защиты прав работников.

В настоящее время правовая база стран Евросоюза охватывает несколько аспектов, связанных с пенсиями, а именно защита прав в случае трансграничной мобильности, защита потребителей, гендерное равенство и единый рынок дополнительных пенсий. Что касается государственных пенсий, правила координации социального обеспечения ЕС гарантируют, что люди при перемещении между странами ЕС не подвергаются дискриминации.

Тенденции ожидаемых европейских пенсионных реформ:

1. Содействие увеличению продолжительности трудовой деятельности и более позднему выходу на пенсию путем повышения пенсионного возраста и предоставления возможности совмещения пенсии и трудоустройства.

2. Повышение способности поддерживать доход и инклюзивность пенсионных систем путем пересмотра размера ставки начисления, адаптация расчета начислений и индексации пенсионных выплат, повышение налоговых льгот, содействие росту пенсионных накоплений для отдельных категорий работников.

3. Внедрение действенных мер по сокращению бедности, таких как установление и/или повышение базовой или минимальной пенсии и пенсий по случаю потери кормильца.

4. Реформирование пенсионных систем и финансовое обеспечение этих процессов.

Регламент 883/2004/ЕС о координации социального обеспечения гарантирует, что на каждого человека распространяется действие законодательства одной страны ЕС и другой одновременно, поэтому человек платит социальные отчисления в счет своей будущей пенсии на территории одной страны и имеет те же права и обязанности, что и граждане другой страны в составе ЕС (принцип равного обращения или недискриминации). Если человек имеет право на пенсию в одной стране, то он может получать пенсию даже при проживании в другой стране в эквивалентной сумме (экспортируемость прав).

Директива Совета 98/49/ЕС гарантирует, что пенсионные права лица, покидающего свою страну в связи с переездом в другую страну ЕС, должны быть сохранены и что бенефициары дополнительной пенсионной схемы могут получать эти выплаты в любом государстве из состава ЕС.

В 2019 году ЕС принял концепцию общеевропейского индивидуального пенсионного продукта (PEPP) – это добровольная персональная пенсионная схема, которая предлагает гражданам ЕС новую возможность накопить на пенсию. Постановление PEPP применяется с марта 2022 г. Хотя реализация концепции уже запущена в действие, оценка результативности запланирована только на 2027 г.

Законодательство ЕС также влияет косвенно на пенсии, улучшая гендерный баланс и тем самым снижая будущий пенсионный разрыв между женщинами и мужчинами. Директива о балансе между работой и личной жизнью (Директива 2019/1158/EU) поддерживает равное распределение обязанности по уходу за детьми, и, таким образом, участие женщин на рынке труда приводит к обеспечению равенства их пенсионных прав и снижение риска бедности в старости. Хотя ранее действовавшее законодательство о равной оплате труда (Директива 2006/54/ЕС) имело ограниченное влияние на гендерный разрыв в оплате труда из-за его неэффективного применения, ЕС принял Директиву 2023/970/ЕС, направленную на укрепление принципа равной оплаты между мужчинами и женщинами, укрепление принципа прозрачности оплаты труда и правоприменения (вступит в силу с 7 июня 2026 г.).

Директива 2022/2041/ЕС о достаточной минимальной заработной плате направлена на борьбу с бедностью и сокращение гендерного разрыва в оплате труда (вступит в силу с 15 ноября 2024 г.).

В соответствии с общими правилами по охране труда и технике безопасности (Директива Совета 89/391/EEC), ЕС разработал правила улучшения условий труда для пожилых работников в целях их трудоустройства на более длительный срок.

С 2024 г. во всем ЕС сформирован план действий, ориентированный на достижение сразу трех основных целей, которые должны быть достигнуты к 2030 г., одна из них – сокращение числа людей, находящихся под угрозой бедно-

сти или социальной изоляции, по крайней мере, на 15 миллионов. Для достижения цели Европейский социальный фонд начал софинансировать проекты, связанные с социальной политикой ЕС, модернизацией структур и пенсионных систем.

Фонд восстановления и устойчивости (RRF) будет финансово поддерживать пенсионные реформы и проекты. Европейская служба отслеживания пенсий поможет гражданам получить доступ к информации о своих пенсионных правах.

Резолюция 2021 г. под названием «Старый континент стареет: возможности и проблемы, связанные с политика старения после 2020 года» призвала Комиссию оценить адекватность минимальных пенсий, и государства-члены должны гарантировать достойный уровень жизни для пожилых людей и делиться своими лучшими достижениями.

Другая резолюция 2021 г. о занятости и социальных аспектах европейского семестра (*The European Semester European Union*) призвала государства-члены разработать стимулы для расширения возможностей трудоустройства для пожилых работников, одновременно обеспечивающих адекватность и устойчивость пенсионных систем.

В своей резолюции 2022 г. о женской бедности в Европе Парламент призвал государства-члены учитывать гендерный аспект в реформах пенсионной системы и включать компенсацию за неоплачиваемый труд по уходу за детьми и иными иждивенцами в своих пенсионных системах, например, посредством кредитов по уходу.

Резолюция 2023 г. о дорожной карте на пути к социальной Европе призвала Комиссию повернуть обязательства европейского компонента социальных прав. Государства-члены должны обеспечить достаточно высокий уровень минимальных пенсий, поддерживать долгосрочную безопасность доходов и укрепить свои системы социальной защиты, чтобы обеспечить достойную жизнь для всех, сохраняя при этом пенсии.

Каждые два года Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) формирует Отчет «Пенсионный прогноз», который содержит анализ последних событий в пенсионной политике в своих странах. В 2020 г. эксперты ОЭСР рекомендовали политикам принять законодательство, обеспечивающее условия для всех граждан по инвестированию денежных средств на пенсию и избеганию продажи свободных активов.

Центр исследований экономической политики (CEPR) опубликовал перспективный анализ пенсионного обеспечения на период до 2030 г., в котором авторы использовали «меру пропорциональности» для оценки справедливости пенсионного обеспечения, путем сравнения взносов, сделанных в течение трудовой деятельности, и выплат, полученных при выходе на пенсию. Учитывая, что средний дефицит пенсионной системы в Европе должен был вырасти с 2,5% ВВП до 4% ВВП за 30 лет, они подтвердили, что пенсионные системы в Европе, как и предполагалось, не являются ни устойчивыми, ни справедливыми и многие из них требуют значительных государственных трансфертов. По мнению авторов, пенсионные реформы должны быть направлены на большую устойчивость, и делать это необходимо не только за счет более молодых поколений. Они также выступают против длительных периодов поэтапного внедрения преобразований (реформ), которые, хотя и дают для отдельных лиц и домохозяйств время на адаптацию, с другой стороны, увеличивают разрыв между поколениями и создают новые финансовые и социальные риски.

В дискуссионном документе CEPR 2023 г. другие эксперты проанализировали устойчивость государственной пенсионной системы, используя два новых показателя: «пенсионное пространство», которое измеряет способность платить пенсию за счет налогообложения рабочей силы, а также вероятность «исчерпания пенсионного пространства», отражающая демографическую неопределенность. Они обнаружили, что у большинства стран мало возможностей для дальнейшего финансирования пенсии. По их расчетам, Франция и Италия исчерпают свое пенсионное пространство к 2030 г., Австрия и Финляндия – к 2040 г., а затем большинство стран ЕС, за исключением Ирландии, придут к дефициту. В качестве предпочтительной профилактической политики авторы предлагают повысить налог на потребление или сократить пенсионные выплаты.

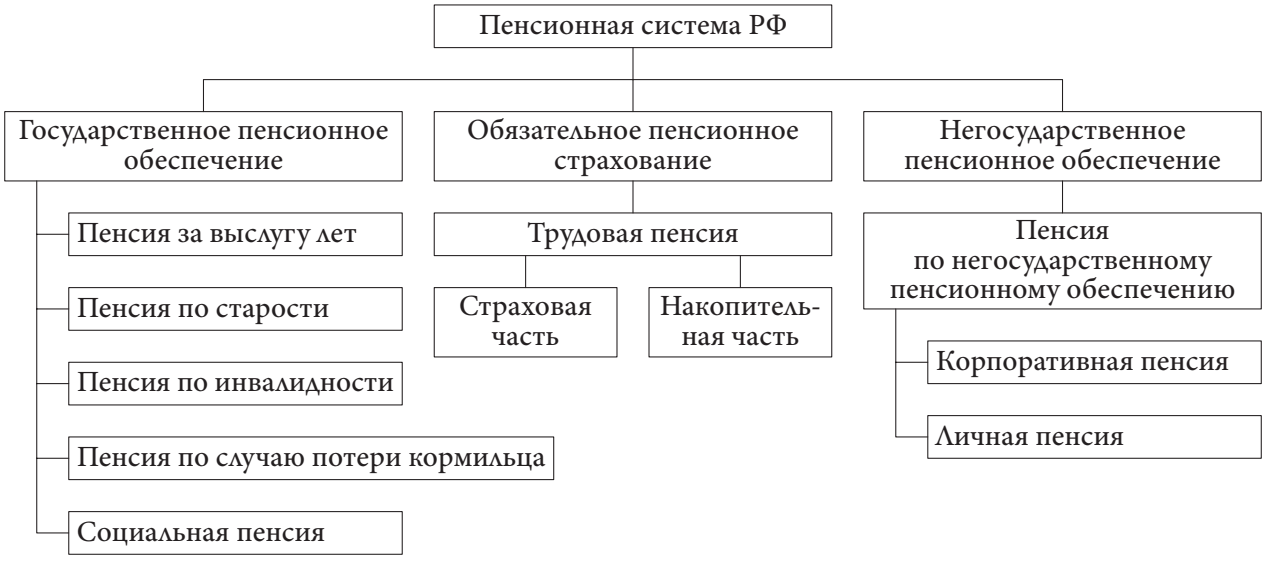
В отношении Российской Федерации в новой конфигурации пенсионной системы, реформирования институционального контента накопительной пенсии следует отметить, что новые форсайт-проекты способствуют увеличению

пенсионных резервов и формированию портфельных пенсионных накоплений [14, с. 25–48; 15, с. 95; 16, с. 36–65]. Кроме этого, создаются контенты экосистем негосударственных пенсионных фондов, способствующих стратегически планировать пенсионные накопления в разных структурированных инвестиционных продуктах [17, с. 597]. Пенсионное обеспечение граждан является основной задачей и целью социальной политики любого государства вне зависимости, в какой пенсионной модели находится государство [18, с.177–202]. В современных условиях формируется трехуровневая система пенсионного обеспечения, включающая обязательный и добровольный контент (рисунок 1).

Негосударственное пенсионное обеспечение осуществляется негосударственными пенсионными фондами и может быть индивидуальной или корпоративной. При планировании высокого уровня жизни на пенсии любой человек или организация (за работника как работодатель) может это сделать, заключив отдельный договор с НПФ, спроектировав дополнительную защиту средств своих работников [10, с. 458]. Если в российском законодательстве просматривались контуры так называемой страховой модели О. Бисмарка, то постепенно пенсионная система стала все больше ориентироваться на борьбу с бедностью пенсионеров (модель У. Бевериджа). В конечном счете была создана пенсионная система, которая не может быть названа страховой, поскольку она не обеспечивает достаточной связи между страховыми взносами и пенсионными выплатами. С экономической точки зрения эта пенсионная система является распределительно-накопительной.

Негосударственные пенсионные фонды при государственной поддержке и софинансировании формируют уникальные программы долгосрочных сбережений с инвестиционной доходностью и системой государственных гарантий, преимущества которых направлены на налоговые вычеты в процессе действия программы, софинансирование государства, наследование на этапе накопления и после назначения периодической выплаты.

Как было обозначено ранее, инвестиционная составляющая пенсионных накоплений характерна для двух уровней пенсионной системы РФ: для накопительной части трудовой пенсии и для пенсий по негосударственному пенсионному обеспечению. В текущий момент деятельность негосударственных пенсионных фондов направлена на размещение вверенных средств в различные фонды, их аккумулирование и капитализацию. В соответствии с законодательством основным принципом управления этими средствами является принцип обеспечения доходности, диверсификации и ликвидности инвестиционных портфелей.



Источник: составлено автором на основе изучения нормативно-правовой базы, регулирующей государственное пенсионное обеспечение в Российской Федерации: Пенсионная система // Finversia.ru URL: https://www.finversia.ru/fingram/lektsiya-pensionnaya-sistema-62908 (дата обращения: 03.02.2024).

Рис. 1. Структура трехуровневой системы пенсионного обеспечения в России
Fig. 1. The structure of the three-tier pension system in Russia

ОБСУЖДЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В совместной позиции на 2024 год европейские работодатели призвали Комиссию и государства-члены ЕС подготовить годовой отчет о динамике затрат национальных систем социального обеспечения, чтобы дать возможность предположить тренды финансирования политики активного старения и финансовых последствий различных вариантов политики.

Страховые компании забили тревогу по поводу глобального пенсионного разрыва, так как расходы Федерации страховых ассоциаций (GFIA) уже составляют около 1 триллиона долларов США в год и продолжают расти. Они также заметили, что даже радикальные и непопулярные законодательные меры, такие как значительное повышение пенсионного возраста, лишь сократят, но не устранят полностью этот разрыв.

Insurance Europe – европейская федерация страхования и перестрахования – провела исследование по опросу 16 000 человек в 16 странах ЕС и подтвердила разрыв пенсионных накоплений. Более трети респондентов не откладывали деньги на пенсию, и почти пятая часть заявила, что COVID-19 оказал негативное влияние на их пенсионные накопления [19, с. 139–155]. Что касается приоритетов для респондентов, безусловно, самым высоким для них является безопасность вложенных денег (49%), за которой следует надежность пенсионного провайдера (32%), возможность увеличивать/уменьшать или прекращать/возобновлять взносы (24%) и налоговый режим для формирования пенсионных накоплений (23%).

В качестве дальнейшего пути европейские страховщики рекомендуют продолжать повышать осведомленность о необходимости сбережений до выхода на пенсию и повышения уровня финансовой грамотности, чтобы люди могли принимать решения, наиболее подходящие для своих будущих доходов. По их мнению, пенсионная политика должна быть ориентирована на потребителя и основываться на формировании требований и потребностей пользователей [20, с. 12], а это означает, что все инициативы должны идти от будущих пенсионеров.

Платформа AGE Europe, открытая сеть некоммерческих организаций для людей в возрасте более 50 лет, отметила в 2021 г., что большая часть действий ЕС в области гендерного равенства была сосредоточена на молодежи и женщинах трудоспособного возраста. Пожилые женщины остаются в стороне, в то время как многие из них работают в теневом секторе экономики и неспособны платить пенсионные взносы или работают по профессиям, менее охваченным коллективными договорами, а значит, у них отсутствует доступ к профессиональным пенсиям. Платформа призвала Комиссию принять инициативы по введению пенсионных кредитов за обязанности по уходу во всех государствах-членах ЕС и другие инициативы по социальной защите лиц, осуществляющих неформальный уход.

Поскольку в исследовании использовался компаративный контент исследования российского пенсионного обеспечения, в научном обсуждении необходимо отметить, что на протяжении 10 лет расходы на пенсионное обеспечение в 1,5 раза превышают поступающие взносы на обязательное пенсионное страхование. Несмотря на снижение численности пенсионеров, которое наблюдается с 2019 г. ввиду реформирования пенсионной системы, расходы на выплаты пенсий показывают рост. Ключевыми триггерами мониторинга развития, установленными для института страховых пенсий, являются ожидаемые результаты, количественно закрепленные в Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации до 2030 г.: коэффициент замещения страховой пенсией по старости до 40 процентов утраченного заработка при нормативном страховом стаже и средней заработной плате; средний размер страховой пенсии по старости на уровне 2,5-3 прожиточных минимумов пенсионера.

Что касается дополнительных пенсий, платформа попросила Комиссию подумать о том, как профессиональное пенсионное обеспечение может быть расширено, чтобы охватить группы, которые не имеют к нему доступа, а также о влиянии этих пенсий на гендерный пенсионный разрыв. Они призвали к законодательному контенту мер по обеспечению безопасных и понятных инвестиционных продуктов с ограничениями и прозрачностью своих затрат на администрирование и распространение, такие как PEPP, а также позволяют эффективно выстраивать конкуренцию и потребительский выбор среди инвестиционных продуктов.

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) играет важную роль в ана-

лизе и разработке политики в области пенсий, основываясь на принципах представительной демократии и свободной рыночной экономики.

В коллаборации финансовых исследований и решении вопросов, связанных с пенсионным обеспечением, активно участвовали зарубежные ученые, такие как О. Бисмарк, У. Беверидж, Х. Пиньера, Е. Пальмер, Р. Дисней, М. Таннер, Ф. Баррето, К. Меса-Лаго, М. Сайлер, В. Беренс, Р. Пайк, Д. Франко, Т. Мунзи и другие. О. Бисмарк и У. Беверидж были основоположниками процесса внедрения системы распределительного и накопительного пенсионного обеспечения в Пруссии и Великобритании соответственно. Х. Пиньера в 1980-х гг. провел пенсионную реформу в Чили, переводя систему пенсионного обеспечения на накопительную основу.

Множество исследователей внесли свой вклад в изучение процесса перехода, включая П. Пальмера, Р. Диснея и М. Таннера. Д. Франко и Т. Мунзи были активно задействованы в разработке приоритетных направлений европейской политики в области пенсионного обеспечения. Л. Дегтярь, А. Новиков и Е. Четыркин провели исследование мирового опыта по реформированию пенсионных систем. А. Колябин, В. Роик, Д. Львов, Е. Кривощекова и Д. Черняева играют ключевую роль в развитии фундаментальных подходов к формированию российской системы пенсионного обеспечения. Они также активно исследуют проблемы функционирования этой системы и разрабатывают концепции ее развития и финансирования, их вклад существенно влияет на развитие пенсионной системы в России.

Большая часть вышеуказанных авторов придерживается мнения о переходе к накопительным пенсионным системам, исходя из опыта развитых стран. Таким образом, можно сделать вывод, что накопительная часть пенсии является некой основой формирования устойчивой пенсионной системы. Развитие накопительного компонента создает хорошую основу для формирования дополнительных накоплений граждан, способствует возникновению и развитию современных финансовых продуктов, укреплению рынка капитала, привлечению инвесторов и росту инвестиций. В связи с этим в следующем разделе будет рассмотрен инвестиционный компонент в рамках действующей системы пенсионного страхования. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Guardiancich, I., Guidi, M., & Terlizzi, A. (2022). Beyond the European Semester: The supranational evaluation cycle for pensions. *Journal of European Social Policy*, *32*(5), 578–591. https://doi.org/10.1177/09589287221101339.

2. Heer, B., Polito, V., & Wickens, M. (2023). Pension Systems (Un)Sustainability and Fiscal Constraints: A Comparative Analysis. *SSRN Electronic Journal*, Article 4472931. https://doi.org/10.2139/ssrn.4472931.

3. Hinrichs, K. (2021). Recent pension reforms in Europe: More challenges, new directions. An overview. *Social Policy & Administration*, *55*(3), 409–422. https://doi.org/10.1111/spol.12712.

4. Martini, A. (2021). Socially responsible investing: from the ethical origins to the sustainable development framework of the European Union. *Environment, Development and Sustainability*, *23*(11), 16874–16890. https://doi.org/10.1007/s10668-021-01375-3.

5. Elkamhi, R., Lee, J., & Sadik, S. (2019). Bridging the Gap between Strategic Allocation and Investment Risk. *SSRN Electronic Journal*, Article 3454958. https://doi.org/10.2139/ssrn.3454958.

6. Bekbossinova, A. S., Oshanova, K. Y., Khassenova, K. K., Alpysbayeva, A. K., & Moldasheva, A. B. (2022). Advantages and disadvantages of early withdrawal of pension savings: An expert assessment. *Economy: Strategy and Practice*, *17*(3), 242–258. https://doi.org/10.51176/1997-9967-2022-3-242-258.

7. Фрумина С. В. Анализ пенсионной системы Дании // Финансы и кредит. 2021. Т. 27, № 8 (812). С. 1852–1870. DOI 10.24891/fc.27.8.1852. EDN LAGKZZ.

8. Dybał, M. (2023). Participatory budgeting: Is it a useful tool towards co-creation of public services. *Ekonomia*, *28*(2), 43–58. https://doi.org/10.19195/2658-1310.28.2.4.

9. Князева Е. Г., Ярин В. Ю. Пенсионные резервы как форсайт-проекты портфельных накоплений // Финансовая экономика. 2023. № 3. С. 119–124. EDN FJLTKZ.

10. Капранова Л. Д. Негосударственное пенсионное обеспечение в реализации социально-экономической политики государства // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2020. Т. 16, № 3 (384). С. 449–466. DOI 10.24891/

ni.16.3.449. EDN WQBJGH.

11. Юзвович Л. И., Львова М. И., Ярин В. Ю. Формирование пенсионного портфеля на основе моделирования структуры пенсионных накоплений // Финансы и кредит. 2023. Т. 29, № 9 (837). С. 1973–1995. DOI 10.24891/fc.29.9.1973. EDN RNYAOA.

12. Пинигина В. В., Степанова Н. В. Анализ результатов инвестирования средств пенсионных накоплений негосударственных пенсионных фондов // Цифровая трансформация: тенденции, проблемы, решения : Сборник статей Международной научно-практической конференции (Петрозаводск, 14 марта 2022 г.) / под ред. И. И. Ивановской, М. В. Посновой. Петрозаводск : Новая Наука, 2022. С. 29–33. EDN KNMULD.

13. Фокина О. Г. Актуальность и потенциал вовлечения банков в процессы формирования населением собственного пенсионного капитала // Национальные экосистемы : Сборник научных трудов по итогам проведения I-III Международных научно-практических конференций (Курган, 25 ноября 2019 г.) / под ред. С. Н. Орлова, О. Е. Васильевой. Курган : Курганский государственный университет, 2023. С. 622–627. EDN HMNWJE.

14. Мастеров А. И. Проблемы и перспективы развития пенсионной системы в России // Финансы и кредит. 2021. Т. 27, № 11 (815). С. 2548–2574. DOI 10.24891/fc.27.11.2548. EDN QOZACQ.

15. Кузнецова Н. А., Рябова О. А., Рунов А. В. Актуальные проблемы реформирования пенсионной системы на постсоветском пространстве // Modern Science. 2020. № 5-2. С. 131–135. EDN MPBSQY.

16. Хмелевская С. А., Есаулкова Т. С. В поисках новой конфигурации российской пенсионной системы: реформирование института накопительной пенсии // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. № 4. С. 36–65. DOI 10.17323/1999-5431-2021-0-4-36-65. EDN FMVVIA.

17. Яровая Е. С. Экосистема негосударственных пенсионных фондов – модный тренд или стратегическая необходимость? // Финансы и кредит. 2022. Т. 28, № 3 (819). С. 597–627. DOI 10.24891/fc.28.3.597. EDN RBZQRW.

18. Мастеров А. И. Пенсионное обеспечение самозанятых граждан: проблемы и пути их решения // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2022. Т. 18, № 1 (406). С. 177–202. DOI 10.24891/ni.18.1.177. EDN PGZZWV.

19. Dor, A. B., Florig, S., Guan, J., & Zeng, X. (2021). Beta Instability and Implications for Hedging Systematic Risk: Takeaways from the COVID-19 Crisis. *The Journal of Portfolio Management*, *47*(6), 139–155. https://doi.org/10.3905/jpm.2021.1.233.

20. De Spiegeleer, J., Höcht, S., Jakubowski, D., Reyners, S., & Schoutens, W. (2021). ESG: A new dimension in portfolio allocation. *Journal of Sustainable Finance & Investment*, *13*(2), 827–867. https://doi.org/10.1080/20430795.2021.1923336.

REFERENCES

1. Guardiancich, I., Guidi, M., & Terlizzi, A. (2022). Beyond the European Semester: The supranational evaluation cycle for pensions. *Journal of European Social Policy*, *32*(5), 578–591. https://doi.org/10.1177/09589287221101339.

2. Heer, B., Polito, V., & Wickens, M. (2023). Pension Systems (Un)Sustainability and Fiscal Constraints: A Comparative Analysis. *SSRN Electronic Journal*, Article 4472931. https://doi.org/10.2139/ssrn.4472931.

3. Hinrichs, K. (2021). Recent pension reforms in Europe: More challenges, new directions. An overview. *Social Policy & Administration*, *55*(3), 409–422. https://doi.org/10.1111/spol.12712.

4. Martini, A. (2021). Socially responsible investing: from the ethical origins to the sustainable development framework of the European Union. *Environment, Development and Sustainability*, *23*(11), 16874–16890. https://doi.org/10.1007/s10668-021-01375-3.

5. Elkamhi, R., Lee, J., & Sadik, S. (2019). Bridging the Gap between Strategic Allocation and Investment Risk. *SSRN Electronic Journal*, Article 3454958. https://doi.org/10.2139/ssrn.3454958.

6. Bekbossinova, A. S., Oshanova, K. Y., Khassenova, K. K., Alpysbayeva, A. K., & Moldasheva, A. B. (2022). Advantages and disadvantages of early withdrawal of pension savings: An expert assessment. *Economy: Strategy and Practice*, *17*(3), 242–258. https://doi.org/10.51176/1997-9967-2022-3-242-258.

7. Frumina, S. V. (2021). Analysis of the Danish pension system. *Finance and Credit*, *27*(8), 1852–

1870. https://doi.org/10.24891/fc.27.8.1852.

8. Dybał, M. (2023). Participatory budgeting: Is it a useful tool towards co-creation of public services. *Ekonomia*, *28*(2), 43–58. https://doi.org/10.19195/2658-1310.28.2.4.

9. Knyazeva, E. G., & Yarin, V. Yu. (2023). Pension reserves as foresight projects of portfolio savings. *Financial Economics*, (3), 119–124. https://elibrary.ru/fjltkz.

10. Kapranova, L. D. (2020). Non-state pension provision in the implementation of the state's socio-economic policy. *National Interests: Priorities and Security*, *16*(3), 449–466. https://doi.org/10.24891/ni.16.3.449.

11. Yuzvovich, L. I., Lvova, M. I., & Yarin, V. Yu. (2023). Formation of a pension portfolio based on modeling the structure of pension savings. *Finance and Credit*, *29*(9), 1973–1995. https://doi.org/10.24891/fc.29.9.1973.

12. Pinigina, V. V., & Stepanova, N. V. (2022). Analysis of the results of investing pension savings of non-state pension funds. In I. I. Ivanovskaya, & M. V. Posnova (Eds.) *Digital Transformation: Trends, Problems, Solutions* (pp. 29–33). Novaya Nauka. https://elibrary.ru/knmuld.

13. Fokina, O. G. (2023). Relevance and potential of involvement of banks in the processes of formation of the population's own pension capital. In S. N. Orlov, & O. E. Vasilyeva (Eds.) *National Ecosystems* (pp. 622–627). Kurgan State University. https://elibrary.ru/hmnwje.

14. Masterov, A. I. (2021). Problems and prospects for the development of the pension system in Russia. *Finance and Credit*, *27*(11), 2548–2574. https://doi.org/10.24891/fc.27.11.2548.

15. Kuznetsova, N. A., Ryabova, O. A., & Runov, A. V. (2020). Current problems of reforming the pension system in the post-Soviet space. *Modern Science*, (5-2), 131–135. https://elibrary.ru/mpbsqy.

16. Khmelevskaya, S. A., & Esaulkova, T. S. (2021). In search of a new configuration of the Russian pension system: Reforming the funded pension institution. *Public Administration Issues*, (4), 36–65. https://doi.org/10.17323/1999-5431-2021-0-4-36-65.

17. Yarovaya, E. S. (2022). Ecosystem of non-state pension funds: A fashionable trend or a strategic necessity? *Finance and Credit*, *28*(3), 597–627. https://doi.org/10.24891/fc.28.3.597.

18. Masterov, A. I. (2022). Pension provision for self-employed citizens: Problems and ways to solve them. *National Interests: Priorities and Security*, *18* (1), 177–202. https://doi.org/10.24891/ni.18.1.177.

19. Dor, A. B., Florig, S., Guan, J., & Zeng, X. (2021). Beta Instability and Implications for Hedging Systematic Risk: Takeaways from the COVID-19 Crisis. *The Journal of Portfolio Management*, *47*(6), 139–155. https://doi.org/10.3905/jpm.2021.1.233.

20. De Spiegeleer, J., Höcht, S., Jakubowski, D., Reyners, S., & Schoutens, W. (2021). ESG: A new dimension in portfolio allocation. *Journal of Sustainable Finance & Investment*, *13*(2), 827–867. https://doi.org/10.1080/20430795.2021.1923336.

DOI: 10.22394/2304-3369-2024-4-80-93
EDN: WLVOMM
ВАК: 5.4.4, 5.2.7
УДК: 004:316

УРОВНИ ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА: ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ В УРАЛЬСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

А. А. Чижов[a]
[a] Министерство здравоохранения Свердловской области
(Екатеринбург, Россия)

АННОТАЦИЯ:

Введение. Доступ к информации, цифровым продуктам и услугам способствует снижению барьеров при взаимодействии индивида с государством, организациями, другими индивидами, дает возможности для развития человека. Автор проводит оценку уровня цифрового неравенства между субъектами Уральского федерального округа.

Материалы и методы. Теоретическую основу исследования составила концепция трех уровней цифрового неравенства, согласно которой неравенство может проявляться на уровне доступа к сети Интернет и информационно-коммуникационным технологиям; на уровне цифровых навыков и компетенций пользователей; на уровне выгод, получаемых от использования цифровых технологий и влияющих на жизненные шансы индивида. Материалами выступили статистические данные мониторинга развития информационного общества в России, исследования цифровой грамотности населения России, проведенных Аналитическим центром Национального агентства финансовых исследований, Российской ассоциацией электронных коммуникаций, Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации и национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики», а также результаты экспертного опроса, проведенного автором в 2023 году с государственными гражданскими служащими Свердловской области и сотрудниками государственного бюджетного учреждения Свердловской области «Оператор электронного правительства».

Результаты. Выявлена специфика цифрового неравенства между субъектами Уральского федерального округа. Географическая особенность региона парадоксальным образом влияет на уровень цифрового неравенства. Более компактно расположенные территории Свердловской, Тюменской и Челябинской областей позволяют им создать соответствующую инфраструктуру, обеспечивая лучший доступ к широкополостной сети Интернет. Социальным следствием низкой доступности к сети Интернет в Ямало-Ненецком автономном округе является, в частности, невозможность подключения всех медицинских организаций к единой государственной информационной системе здравоохранения. Не выявлено прямой корреляции между доступностью Интернета и развитием цифровых навыков. Напротив, труднодоступность территорий оказывается драйвером развития цифровых компетенций для жителей ХМАО и Югры, которые более эффективно используют цифровые технологии в электронной коммерции и в сервисах государственных услуг.

Обсуждения и выводы. Реализация федеральной программы «Устранение цифрового неравенства» позволит повысить доступность информационной инфраструктуры. Необходима целенаправленная работа по повышению цифровой грамотности и кибергигиены населения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: цифровое неравенство, цифровой разрыв, Интернет, цифровые ресурсы, информационно-коммуникационные технологии, Уральский федеральный округ

© А. А. Чижов, 2024
Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: **Чижов А. А.** Уровни цифрового неравенства: особенности проявления в Уральском федеральном округе // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 4. С. 80-93. EDN WLVOMM. DOI 10.22394/2304-3369-2024-4-80-93.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Чижов Александр Алексеевич – Министерство здравоохранения Свердловской области (620014, Россия, Екатеринбург, ул. Вайнера, 34б) — *специалист отдела реализации государственной политики*; a.chizhov@egov66.ru. SPIN-код: 3378-1988.

Статья поступила 16.03.2024; рецензия получена 29.03.2024; принята к публикации 22.04.2024.

THE LEVELS OF DIGITAL INEQUALITY: FEATURES OF THE IMPACT IN THE URAL FEDERAL DISTRICT

A. A. Chizhov[a]

[a] Ministry of Health of the Sverdlovsk Region (Ekaterinburg, Russia)

ABSTRACT:

Introduction. Access to information, digital products and services contributes to reducing barriers in individual's interaction with state, organizations, and other individuals, also providing opportunities for human development. The author assesses the digital inequality level of the constituent entities of the Ural Federal District.

Materials and methods. Theoretically, the research is based on the concept of three levels of digital inequality, according to which inequality can be manifested at the level of access to Internet and information and communication technologies; at the level of the users' digital skills and competencies; at the level of benefits obtained from the use of digital technologies and impacting individual life chances. The materials used are: statistical data of the Russian information society development monitoring, research on the digital literacy of the Russian population, conducted by the Analytical Center of the National Agency for Financial Research, the Russian Association of Electronic Communications, the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Communications of the Russian Federation and the National Research University "Higher School of Economics", as well as the results of an expert survey conducted by the author in 2023 with state civil servants of the Sverdlovsk region and employees of "Electronic government operator", the state budgetary institution of the Sverdlovsk region.

Results. The article reveals the specific features of digital inequality of the entities of the Ural Federal District. The geographical features of the region paradoxically affects the digital inequality level. The more compactly located territories of the Sverdlovsk, Tyumen and Chelyabinsk regions provide for the appropriate infrastructure with better broadband Internet access. A social consequence of low Internet access in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug is, in part, that not all medical organizations can be connected to the Integrated National Health Information System. In addition, there is no direct correlation between Internet access and digital skills development. On the contrary, remoteness and inaccessibility of territories act as drivers for the development of digital competencies of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug and Yugra residents, who are more efficient in using digital technologies in e-commerce and public services.

Discussions and conclusions. "Bridging the Digital Divide" federal program implementation will increase the information infrastructure availability. Conscious and focused effort is required to improve digital literacy and cyber hygiene of the population.

KEYWORDS: digital inequality, digital divide, Internet, digital assets, information and communication technologies, the Ural Federal District

FOR CITATION: **Chizhov, A. A.** (2024). The levels of digital inequality: features of the impact in the Ural Federal District. *Management Issues*, *18*(4), 80–93. https://doi.org/ 10.22394/2304-3369-2024-4-80-93

AUTHORS' INFORMATION:

Aleksandr A. Chizhov – Ministry of Health of the Sverdlovsk Region (34b, Wainer St., Ekaterinburg, 620014, Russia) — *specialist of the Department of Implementation of State Policy*; a.chizhov@egov66.ru. RSCI SPIN: 3378-1988.

The article was submitted 03/16/2024; reviewed 03/29/2024; accepted for publication 04/22/2024.

■ ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы работы обусловлена совокупностью теоретических и научно-практических проблем в исследовании процессов цифровизации, происходящих в современном обществе и оказывающих значимое влияние на все сферы социальной жизни. В научной среде современное общество определяется цифровым [1, с. 116; 2, с. 131]. В текущих условиях производство благ, реализация государственной политики, распространение информации в значительной степени связаны с развитием современных цифровых технологий. Важнейшим следствием этих процессов стало преодоление пространственно-временных ограничений при организации всех видов взаимодействий между людьми. Вместе с тем реализация потенциальных возможностей и преимуществ цифровых технологий сопровождается появлением проблем, требующих адекватных понимания и решения. Одной из них является формирование цифрового неравенства между различными социальными группами и общностями, наиболее очевидными проявлениями которого выступают различный физический доступ к цифровым ресурсам, уровень цифровой грамотности, а также преимущества, получаемые с помощью использования цифровых технологий.

Цифровое неравенство представляет собой новый вид социального неравенства, являющийся фактором влияния на другие виды социального неравенства. Цифровое неравенство существует не только между отдельными индивидами, социальными группами и общностями, но и между государствами и внутригосударственными образованиями.

Цифровое неравенство как вид социального неравенства непосредственно связано с социальной справедливостью, однако обеспечение полного равенства не является условием социальной справедливости. Вместе с тем задачей органов власти является обеспечение равенства возможностей населения использовать цифровые ресурсы.

Интернет и цифровые технологии расширили возможности взаимодействия индивида с информацией, другими индивидами, организациями и государством, тем самым создав для индивида новые жизненные шансы. Под жизненными шансами в данной статье подразумевается понимание, предложенное Э. Гидденсом: это возможности, которые есть у человека для участия в социально созданных экономических или культурных благах, которые обычно существуют в данном обществе[1].

Таким образом, актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, возрастающей ролью цифровых технологий в жизни индивида и общества, с другой стороны, сохраняющейся проблемой неиспользования цифровых технологий жителей различных регионов, влияющих на их жизненные шансы. Кроме того, актуальность теме придает и то, что, несмотря на растущую роль цифровых технологий в общественных процессах, по проблеме социальных последствий цифрового неравенства за последнее время не было диссертационных исследований [3].

Одним из первых термин «цифровое неравенство» использовал в своем исследовании Р. Браун, под которым понимал «различия между теми, кто имеет доступ в сеть Интернет, и теми, кто не имеет такого доступа»[2]. С распростране-

[1] Giddens, A. (2005). The new egalitarianism. 494 p. Cambridge, UK; Malden, MA : Polity.

[2] Brown, R.H. (1995). Falling through the net: A Survey of the "Have Nots" in Rural and Urban America (p. 211). https://doi.org/10.7551/mitpress/2419.003.0005

нием сети Интернет среди домашних хозяйств стало очевидным, что различий в физическом доступе к сети недостаточно для характеристики цифрового неравенства. Феномен стали исследовать не столько с точки зрения доступа в сеть, сколько с точки зрения умений и навыков работы с цифровыми продуктами и компьютерным устройством. В дальнейшем для определения уровня цифрового неравенства стали учитывать и преимущества, которые получают пользователи сети, определяющие жизненные шансы. Таким образом, с распространением цифровых технологий среди домашних хозяйств основной концепцией стала концепция трех уровней (порядков) цифрового неравенства [4, с. 47–48].

На наш взгляд, важно отметить неравнозначность терминов «цифровое неравенство», «цифровой разрыв» и «цифровой раскол», которые в исследованиях часто отождествляются. С точки зрения социологического исследования, цифровое неравенство является обобщающим понятием для терминов «цифровой раскол», который используется для характеристики ценностных и электоральных различий, возникающих в результате использования/неиспользования цифровых ресурсов, и «цифровой разрыв», с помощью которого объясняются факторы и причины различной частоты, целей и мотивации использования цифровых ресурсов [5, с. 58]. Цифровое неравенство характеризует социальные последствия цифрового разрыва и цифрового раскола, что является одной из отличительных черт социологического исследования.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

На основе ключевых концепций цифрового неравенства, а также модели трех уровней (порядков) цифрового неравенства автором проведен анализ статистических данных Федеральной службы государственной статистики, измеряющих состояние информационной инфраструктуры и ее использование в субъектах Российской Федерации, итоги исследований цифровой грамотности населения России, проведенных Аналитическим центром НАФИ, Всероссийским центром и Ассоциацией электронных коммуникаций (РАЭК), Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации и национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики». Кроме того, материалами исследования выступили результаты авторского экспертного опроса, который проводился в 2023 году с государственными гражданскими служащими Аппарата Губернатора Свердловской области и Правительства Свердловской области, Министерства цифрового развития и связи Свердловской области, Министерства здравоохранения Свердловской области, сотрудниками ГБУ СО «Оператор электронного правительства». В экспертном опросе приняли участие 6 экспертов: эксперт №1 – начальник отдела в составе государственного бюджетного учреждения Свердловской области «Оператор электронного правительства», эксперт №2 – заместитель министра здравоохранения Свердловской области, эксперт №3 – начальник отдела в составе Министерства здравоохранения Свердловской области, эксперт №4 – консультант Экспертно-аналитического департамента Аппарата Губернатора Свердловской области и Правительства Свердловской области, эксперт №5 – консультант Экспертно-аналитического департамента Аппарата Губернатора Свердловской области и Правительства Свердловской области, эксперт №6 – начальник отдела Министерства цифрового развития и связи Свердловской области. Опрос проводился с целью выявления причин формирования цифрового неравенства, возможных последствий и определения способов их нивелирования.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Цифровое неравенство по фактору доступности сети Интернет (первый уровень цифрового неравенства). Феномен цифрового неравенства изначально рассматривался как «разрыв между теми, кто имеет, и теми, у кого нет доступа к новым формам информационных технологий». В дальнейшем данный подход к проблеме стал обозначаться в качестве первого уровня (порядка) цифрового неравенства. Как отмечают Г. А. Банных и др., «в данном случае предметом анализа выступали наличие специального устройства (компьютера, смартфона, планшета и т. п.) и канала выхода в Интернет (стационарный, мобильный, широкополосный и т. д.)» [6, с. 20]. Кроме того, влияние на формирование первого уровня цифрового неравенства оказывают социально-демографические и экономи-

Таблица 1 — Число абонентов фиксированного широкополосного доступа в Интернет на 100 человек населения
Table 1 — Number of fixed broadband Internet subscribers per 100 population

	2018	2019	2020	2021	2022
Российская Федерация	21,7	22,2	23,0	23,7	24,3
Уральский федеральный округ	24,6	25,3	25,6	26,7	27,7
Курганская область	20,4	21,3	21,3	22,3	24,3
Свердловская область	24,5	25,6	26,6	27,3	28,7
Ханты – Мансийский автономный округ — Югра	25,2	23,2	24,2	24,4	24,7
Ямало-Ненецкий авт.округ	23,1	23,4	24,0	23,5	25,4
Тюменская область без АО	25,4	25,7	27,4	28,5	28,7
Челябинская область	25,5	26,9	25,5	27,7	28,7

Таблица 2 — Абонентская плата за доступ к сети Интернет, руб.
Table 2 — Subscription fee for access to the Internet, rub.

	2018	2019	2020	2021	2022
Российская Федерация	563,68	554,08	552,88	571,41	585,02
Уральский федеральный округ	575,09	602,10	591,97	603,39	595,20
Курганская область	443,52	439,23	484,62	475,47	501,08
Свердловская область	538,15	548,64	491,91	517,27	544,51
Ханты – Мансийский автономный округ — Югра	742,23	721,38	748,26	749,31	815,92
Ямало-Ненецкий авт.округ	1036,86	1261,91	1323,22	1157,53	1367,48
Тюменская область без АО	546,18	568,55	529,94	533,99	565,69
Челябинская область	469,62	475,27	489,64	485,75	508,02

ческие характеристики как отдельных индивидов, так и домохозяйств.

На вопрос о развитии информационной инфраструктуры за последнее время эксперт №1 отметил: «За 5 лет значительно увеличилась площадь покрытия сетью Интернет Свердловской области. Соответственно, в связи с появлением возможности подключения к Интернету увеличилось количество абонентов сети». Вместе с тем первый уровень цифрового неравенства не носит дихотомический характер по фактору наличия физического доступа в сеть Интернет. Как отмечают Т. Бэлл и др., нестабильное подключение к сети Интернет существует ввиду большого количества факторов, включая неисправность устройств, необходимость одновременного использования одного устройства, высокую стоимость Интернет-услуг, неисправность информационной инфраструктуры и др. [7].

Уральский федеральный округ наряду с Центральным федеральным округом являются лидерами по числу абонентов фиксированного широкополосного доступа в Интернет на 100 человек населения (табл. 1). За период 2018–2022 годы показатель УрФО увеличился на 13% (с 24,6 до 27,7 абонентов на 100 человек населения), что немногим выше общероссийской тенденции (рост на 12%, с 21,7 до 24,3 абонента, на 100 человек населения).

В Уральском федеральном округе абонентская плата за доступ к сети Интернет выше, чем в среднем по Российской Федерации (табл. 2). Наибольшая стоимость доступа в сеть в Ямало-Ненецком автономном округе (1367,5 рубля в месяц) и в Ханты-Мансийском автономном округе (815,92 рубля в месяц), наименьшая стоимость – в Курганской области (501,08 рубля в месяц) и в Челябинской области (508,02 рубля в месяц).

Наибольшая средняя численность абонентов в Уральском федеральном округе наблюдается в Свердловской, Челябинской и Тюменской областях (по 28,7 абонента на 100 человек населения), наименьшая – в Курганской области и Ханты-Мансийском автономном округе – Югре (24,3 и 24,7 абонента на 100 человек населения соответственно)[3]. Напротив, средняя численность абонентов мобильного широкополосного доступа в Интернет выше в Ямало-Ненецком автономном округе и Ханты-Мансийском авто-

[3] Число абонентов фиксированного широкополосного доступа в Интернет на 100 человек населения (расчет по данным Минцифры России, на конец года). Данные Федеральной службы государственной статистики

номном округе – Югре (143,4 и 114,7 абонента на 100 человек населения соответственно)[4].

Данная ситуация объясняется географическими особенностями территорий. Для фиксированного широкополосного доступа в Интернет чаще всего используются проводные и оптоволоконные линии связи различных типов, что требует развитой информационной инфраструктуры, которая, в силу климатических особенностей, развита в меньшей степени в Ямало-Ненецком автономном округе и Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. Вместе с тем развитие сотовой связи и мобильного широкополосного доступа компенсирует недостаточно развитую сеть проводной связи.

Наиболее остро цифровое неравенство по фактору доступности сети наблюдается в сфере здравоохранения, поскольку доступность сети Интернет сегодня является фактором оказания качественной медицинской помощи. На вопрос о роли информационных технологий при оказании медицинской помощи населению эксперт №2 отвечает: «Обеспечение доступности сети Интернет всех медицинских организаций, включая фельдшерско-акушерские пункты, является приоритетной задачей для регионов. Мы идем к тому, что на врачебном участке будет сидеть фельдшер, который будет фиксировать симптомы и отправлять их врачам с помощью информационных технологий, тогда как лечение будет назначаться с помощью телемедицинских технологий».

В соответствии с федеральным законодательством, информационное обеспечение в сфере здравоохранения осуществляется посредством создания, развития и эксплуатации федеральных государственных информационных систем в сфере здравоохранения, государственных информационных систем в сфере здравоохранения субъектов Российской Федерации, медицинских информационных систем медицинских организаций и иных информационных систем. Для обеспечения функционирования информационных систем здравоохранения в Российской Федерации реализуется федеральный проект «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ)». Эксперт №3 отмечает особое внимание на цифровизацию систем здравоохранения регионов со стороны Минздрава России: «В рамках федерального проекта «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ)» предусмотрены значительные средства на развитие цифровых технологий в сфере здравоохранения регионов России». Федеральным проектом было предусмотрено обеспечение к 2022 году информационным взаимодействием всех медицинских организаций с ЕГИСЗ, что невозможно сделать без подключения к сети Интернет. Вместе с тем только в Курганской области все медицинские организации имеют возможность использовать Интернет. Наименьшая доля медицинских организаций, использующих Интернет, в Ямало-Ненецком автономном округе (79,3%), что является одним из наиболее низких показателей в России. В среднем же, в Уральском федеральном округе доля учреждений здравоохранения, использовавших Интернет, выше, чем в России в целом (97,4% и 95,7% соответственно)[5].

Таким образом, несмотря на широкое распространение Интернета в сравнении со средним показателем по Российской Федерации, в Уральском федеральном округе выражен первый уровень цифрового неравенства между субъектами, что главным образом объясняется территориальными и климатическими особенностями региона.

Цифровое неравенство по фактору владения цифровыми навыками и уровню цифровой грамотности (второй уровень цифрового неравенства). Новый виток научного интереса к проблеме цифрового неравенства вызвало распространение цифровых технологий и доступности персональных компьютеров. Как отмечают Й. Эшет и Р. Авирам, ввиду повышения доступности сети Интернет среди индивидов наибольшую озабоченность вызывают не доступ, а стратификация общества на «имущих» и «неимущих» информацию в зависимости от того, как и в каких целях люди используют Интернет[6]. В связи с этим, определяющую роль в возможности ис-

[4] Число абонентов мобильного широкополосного доступа в Интернет на 100 человек населения (расчет по данным Минцифры России, на конец года). Данные Федеральной службы государственной статистики

[5] Доля учреждений здравоохранения, использовавших Интернет, в общем числе учреждений здравоохранения. Данные Федеральной службы государственной статистики

[6] Aviram, R., & Eshet, Y. (2006). Towards a theory of digital literacy: Three scenarios for the next steps. *European Journal of Open Distance E-Learning*, (2).

пользования тех или иных интернет-ресурсов играют субъекты, имеющие возможность регламентировать и регулировать доступ пользователей к сети Интернет (органы власти, владельцы интернет-ресурсов, спонсоры и т. д.). Э. Харгиттай определяет второй уровень цифрового неравенства как неравенство между пользователями по навыкам использования сети Интернет, то есть в качестве различий между индивидами, которые уже пользуются сетью [8]. Э. Хустад и др. отмечают, что помимо цифровых навыков значимую роль в воспроизводстве цифрового неравенства второго уровня играет мотивация использования цифровых ресурсов. Так, исследование показало, что значительная доля людей старшего поколения сознательно не используют цифровые технологии ввиду «страха всего нового», «ощущения, что они слишком стары для обучения», недостатка знаний и трудностей с пониманием цифровой терминологии [9]. Таким образом, с распространением доступности информационно-коммуникационных технологий основную роль в воспроизводстве цифрового неравенства играют цифровая грамотность пользователя и мотивация использовать цифровые технологии.

Т. Н. Каменева и др. замечают, что цифровая грамотность включает достаточно большое количество компонентов, составных частей. Становятся востребованными не только умения поиска данных в больших информационных потоках, определения фейков, оценки достоверности, но и навыки обработки информации, интерпретации, знание правил использования и другие способности оперирования сведениями [10, с. 160]. Кроме того, по данным ВЦИОМ, более 60% россиян опасаются за сохранность своих данных в Интернете, а половина опрошенных не уверена в своих навыках защитить свои данные[7]. Таким образом, с увеличением роли цифровых технологий в жизни человека навыки цифровой грамотности играют ключевую роль.

Как отмечается в докладе Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, «прямой корреляции между частотой использования Сети в субъектах РФ и уровнем развития у населения цифровых компетенций не прослеживается»[8]. Таким образом, на уровень владения навыками работы в Сети не оказывает прямое влияние наличие физического доступа в Сеть.

В России отсутствует государственная статистика с оценкой цифровых навыков населения. По данным НИУ ВШЭ, проводившего оценку уровня цифровых навыков на основе информации о действиях, которые выполнял индивид, по пяти группам (работа с информацией, коммуникация, настройка цифрового оборудования, использование онлайн-сервисов и работа с программным обеспечением), в Уральском федеральном округе наименьшая доля пользователей, обладающих навыками на низком уровне, в Ямало-Ненецком автономном округе (39,9%) и Свердловской области (43%), наибольшая доля – в Тюменской области (58,4%). Таким образом, несмотря на меньшую распространенность Интернета, в Ямало-Ненецком автономном округе наивысший показатель оценки уровня цифровых навыков жителей[9].

Заметим, что в дальнейшем ситуация вряд ли изменится в лучшую сторону, что объясняется стремлением большинства сервисов, используемых индивидами, к переводу в формат мобильных приложений. Кроме того, как отмечают Н. М. Великая и О. В. Гребняк, рост уровня цифровой грамотности граждан обеспечивается «преимущественно за счет сокращения доли граждан с начальным уровнем цифровой грамотности. При этом значимого роста числа граждан с базовым уровнем компетенций не отмечается, а доля обладателей продвинутого уровня уже несколько лет находится в стагнации» [11, с. 36]. Таким образом, индивиды не стремятся улучшать навыки работы с компьютерными программами.

Цифровое неравенство по фактору получаемых преимуществ при использовании сети Интернет (третий уровень цифрового неравенства). Как отмечают А. ван Дорсен и Э. Хелспер, «цифровое неравенство третьего уровня касается различий в преимуществах использования Интернета среди групп пользователей, которые демонстрируют в целом схожие практики ис-

[7] Цифровая самооборона. ВЦИОМ Новости. 12 марта 2024 года. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovaja-samooborona (дата обращения 16.03.2024)

[8] Цифровая экономика: 2022 : Краткий статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, С. А. Васильковский, К. О. Вишневский [и др.]. Москва : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2022. 124 с. С. 25. (Цифровая экономика). ISBN 978-5-7598-2599-9. DOI 10.17323/978-5-7598-2599-9. EDN KBTTRT.

[9] Там же. С. 26.

пользования и имеют относительно автономный и беспрепятственный доступ к интернет-инфраструктуре» [12]. М. Рагнедда и Х. Крейтем исследуют третий уровень цифрового неравенства через анализ практик использования государственных электронных сервисов. Вместе с тем количественный анализ таких преимуществ субъективен, поскольку одни и те же частота использования, затраченное время, уровень вовлеченности пользователя могут производить различный социальный эффект [13]. Аналогичного мнения придерживаются А. Парк и др.: цифровое неравенство по фактору получаемых преимуществ при использовании сети представляется трудноизмеримым эмпирически, поскольку существует необходимость учитывать множество факторов, «напрямую не связанных с использованием цифровых технологий» [14].

С. Н. Костина и О. Н. Новикова третий цифровой разрыв характеризуют как «…разрыв в сфере полезности» [15, с. 78]. В качестве его содержания выступают различные офлайн-результаты, которые люди получают от использования цифровых технологий, и «…возможность использовать эти преимущества на цифровом рынке, чтобы повысить свои жизненные шансы». Исследования третьего цифрового разрыва в том числе связаны с оценкой взаимосвязи социального и культурного капиталов с получением преимуществ от использования цифровых технологий.

Таким образом, третий уровень цифрового неравенства характеризуется преимуществами, получаемыми от работы с цифровым контентом.

А. А. Гладкова и др. справедливо отмечают, что «на сегодняшний день исследования цифрового неравенства третьего уровня носят в основном теоретический характер… Эмпирических исследований третьего уровня цифрового раскола к настоящему моменту немного» [4, с. 61]. Вместе с тем предпримем попытку определить преимущества, получаемые пользователями при использовании интернет-ресурсов.

По данным исследования Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, более половины (55,5%) пользователей Интернета извлекают те или иные выгоды. Среди выгод, отмеченных респондентами, выделяются коммуникации (возможность поддерживать связи с родственниками и друзьями посредством информационных технологий), карьера (работа в сети Интернет, повышение квалификации), электронная коммерция (покупка/продажа товаров и услуг), взаимодействие с органами власти[10].

На наш взгляд, к реальным выгодам, влияющим на жизненные шансы индивида, следует отнести карьеру, электронную коммерцию и возможность взаимодействия с органами власти. Рассмотрим проявления цифрового неравенства третьего уровня в Уральском федеральном округе, основываясь на данных факторах.

Уральский федеральный округ является одним из лидеров по доле организаций, использующих Интернет. Показатель составляет 80% при среднероссийском 77,9%. В УрФО лидером по доле организаций, использующих Интернет, является Свердловская область (83,3%), наименьший показатель в Тюменской области (75,2%). При этом по доле работников организаций, использовавших Интернет не реже 1 раза в неделю, Уральский федеральный округ аутсайдер. Показатель составляет 38% при среднероссийском 43,3%. Внутри округа лидером также является Свердловская область (41,7%), наименьший показатель в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре (31,7%)[11].

Таким образом, организации, находящиеся на территории субъектов Уральского федерального округа, технически обеспечены доступом в Интернет, однако интенсивность использования Интернета работниками остается невысокой.

Еще одним преимуществом сети Интернет является электронная коммерция (E-commerce). Г. П. Литвинцева и И. Н. Карелин отмечают тенденцию увеличения количества людей, заказывающих товары и услуги онлайн [16, с. 1844]. По данным Ассоциации компаний интернет-торговли, объем электронной коммерции в России по итогам 2023 года увеличился на 28% и составил 6,4 трлн рублей, причем драйвером развития электронной коммерции в России являются именно регионы, что говорит о росте заинтересованности потребителей в онлайн-торговле[12]. По показателю доли населения, исполь-

[10] Реальные преимущества виртуального мира. Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. 13 июня 2023 года. URL: https://issek.hse.ru/news/839773040.html (дата обращения 16.03.2024)

[11] Доля организаций, использовавших Интранет, в общем числе обследованных организаций. Данные Федеральной службы государственной статистики

[12] Объем интернет-торговли РФ за 2023 год вырос на 28%, до 6,4 трлн руб. Интерфакс. 12 февраля 2024 года. URL: https://www.interfax.ru/russia/945602 (дата обращения 16.03.2024)

зовавшего сеть Интернет для заказа товаров и (или) услуг, Уральский федеральный округ немногим выше среднего показателя по Российской Федерации (55,8% и 53,7% соответственно). Лидерами среди субъектов УрФО являются Ямало-Ненецкий автономный округ и Ханты-Мансийский автономный округ (76,5% и 73% соответственно), аутсайдерами – Курганская область (35,7%) и Тюменская область (43,5%)[13].

На вопрос о факторах значительного развития интернет-торговли в последнее время эксперт №4 отмечает: «Основные локации интернет-заказов – крупные города, а чем меньше населенный пункт, тем реже и однообразнее совершаются онлайн-покупки». Таким образом, навыки цифровой грамотности индивида не оказывают определяющего воздействия на развитие электронной коммерции.

Для повышения удовлетворенности граждан государственными услугами, в том числе цифровыми, а также снижения издержек коммерческих организаций при взаимодействии с государством реализуется цифровая трансформация государственного управления. Правительством Российской Федерации разработан перечень инициатив социально-экономического развития страны до 2030 года, одной из которых является оптимизация процесса предоставления государственных и муниципальных услуг путем перевода их в онлайн-среду. К концу 2024 года планируется обеспечить оказание 200 услуг без необходимости очных визитов, то есть посредством сети Интернет[14].

Сроки предоставления государственных услуг в онлайн-формате значительно сократятся, тогда как сроки предоставления услуг в очном формате не только не сократятся, но и могут увеличиться в связи с сокращением численности сотрудников, участвующих в оказании государственной услуги. Таким образом, для эффективного взаимодействия с государством гражданину необходимо не только иметь доступ в Интернет, но и иметь навыки работы с государственными сервисами.

По данным Росстата, доля населения, использовавшего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг в общей численности населения, в Уральском федеральном округе ниже, чем в среднем по стране (83,2% и 86,6% соответственно). Внутри УрФО лидерами по показателю являются Ямало-Ненецкий автономный округ и Ханты-Мансийский автономный округ (90,8% и 89,5% соответственно), аутсайдером – Свердловская область (72%)[15].

Таким образом, существенно цифровое неравенство третьего уровня как между федеральными округами, так и между субъектами Уральского федерального округа. Лидером среди субъектов УрФО по получению жителями выгод и улучшению жизненных шансов от использования цифровых ресурсов является Ямало-Ненецкий автономный округ, что может объясняться высоким уровнем цифровых навыков жителей субъекта и наличием труднодоступных и отдаленных территорий, для жителей которых использование цифровых технологий представляется основным способом взаимодействия с органами власти.

■ ОБСУЖДЕНИЕ

Анализ полученных данных позволяет сделать вывод о наличии цифрового неравенства всех уровней между субъектами Уральского федерального округа.

Несмотря на повышение доступности интернет-технологий, актуальным остается цифровое неравенство первого уровня. По мнению опрашиваемых автором экспертов, определено, что доступность сети Интернет в последнее время значительно увеличилась, кроме того, фиксируется видимое увеличение количества активных пользователей Сети. Так, на вопрос о характере времяпрепровождения пользователей в Сети эксперт №5 отмечает: «В последние 5-7 лет значительно увеличилось количество времени, которое мы тратим на интернет-ресурсы. С одной стороны, это обусловлено тем, что изменились требования к трудовой деятельности: сейчас многие виды трудовой деятельности так или иначе связаны с Интернетом. С другой стороны, возросло количество информации, распространяемой с помощью Сети. Это своего рода информационная воронка. Человек становится зависимым от информации». Несмотря на это, неравенство первого порядка

[13] Доля населения, использовавшего сеть Интернет для заказа товаров и (или) услуг, в общей численности населения. Данные Федеральной службы государственной статистики

[14] Об утверждении перечня инициатив социально-экономического развития РФ до 2030 г. : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 06.10.2021 № 2816-р.

[15] Доля населения, использовавшего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг, в общей численности населения. Данные Федеральной службы государственной статистики

сохраняется, прежде всего, это связано с территориальными и климатическими характеристиками страны. В данном случае считаем необходимым согласиться с Е. Л. Вартановой и А. А. Гладковой, отмечающими, что цифровое неравенство между регионами во многом объясняется «уровнем экономического и технологического развития региона, уровнем проникновения Интернета в места традиционного проживания многих коренных народов России …» [17, с. 20].

На вопрос о причинах актуальности цифрового неравенства первого уровня эксперт №6 отмечает: «Доступность Интернета в последнее время значительно увеличилась, также мы фиксируем видимое увеличение количества активных пользователей Сети. Несмотря на это, так называемое неравенство первого порядка сохраняется: некоторые интернет-ресурсы заблокированы на территории России, некоторые сами ограничили доступ нашим гражданам». В связи с этим, на воспроизводство цифрового неравенства по поводу доступности сети Интернет влияет блокировка некоторых интернет-ресурсов на территории России.

Для нивелирования цифрового неравенства первого уровня органам государственной власти необходимо обеспечить граждан возможностью доступа к сети Интернет. Так, на федеральном уровне реализуется программа «Устранение цифрового неравенства», целью которой является обеспечение жителей малых населенных пунктов возможностью пользоваться сетью Интернет. По данным Минцифры России, в 2022 году (данные 2023 года отсутствуют в открытом доступе) лидером по числу заявок среди субъектов оказалась Республика Башкортостан. Из субъектов Уральского федерального округа лидером оказалась Челябинская область. Таким образом, органы государственной власти субъектов должны быть заинтересованы в повышении информированности граждан о возможности участия в проекте и, как следствие, в увеличении вовлеченности жителей в голосование.

Кроме того, органы государственной власти субъектов могут сами развивать информационную инфраструктуру региона. На наш взгляд, особое внимание заслуживает опыт Ямало-Ненецкого автономного округа по развитию информационной инфраструктуры в регионе. Регион является лидером по уровню затрат на развитие информационной инфраструктуры среди субъектов Уральского федерального округа. По данным Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа, свыше 98% домохозяйств имеют возможность пользоваться услугами широкополосного интернета, а за период 2020–2023 гг. протяженность новых волоконно-оптических линий связи в субъекте возросла более чем на 500 км[16]. Результатом стало увеличение доступности интернет-ресурсов. Как следствие, Ямало-Ненецкий автономный округ возглавил рейтинг по цифровой трансформации регионов России по доступности сети Интернет.

Для нивелирования негативных последствий цифрового неравенства второго уровня необходимо повышение уровня цифровой грамотности жителей регионов. Для этого представляется необходимым, прежде всего, увеличение объемов обучения информационным технологиям и цифровым навыкам, предусмотренным учебными планами образовательных учреждений.

На федеральном уровне реализуется проект «Цифровая образовательная среда» в рамках национального проекта «Образование». Планом мероприятий федерального проекта предусмотрено обновление материально-технической базы образовательных учреждений общего и среднего профессионального образования. Так, в Свердловской области к концу 2024 года запланировано обновление материально-технической базы 1007 организаций из 1057 образовательных организаций всех форм собственности, реализующих программы начального общего, основного общего и среднего общего образования. Таким образом, к концу 2024 года 95% образовательных организаций будут готовы к цифровизации образовательного процесса. При этом обновления материально-технической базы явно недостаточно для внедрения цифровой образовательной среды, что выражается в значении соответствующего показателя – количестве муниципальных образований, в которых внедрена целевая модель цифровой образовательной среды в образовательных организациях (к концу 2024 года таких муниципальных образований должно быть 73 из 94, что составляет 78%). Исходя из этого, у обучающихся,

[16] Об итогах реализации нацпроекта «Цифровая экономика» в 2022 году и планах на 2023 год на территории Ямала. Официальный сайт департамента информационных технологий и связи Ямало-Ненецкого автономного округа. 2023. 3 мая. URL: https://ditis.yanao.ru/presscenter/news/155021/ (дата обращения 16.03.2024)

проживающих в 21 муниципальном образовании Свердловской области, к концу 2024 года не будет возможности использовать цифровую образовательную среду, что способствует усугублению первого порядка цифрового неравенства. Кроме того, Е. В. Игонина и др. отмечают влияние неразвитости материально-технической базы образовательных учреждений на цифровую компетентность педагогов, воспроизводя, таким образом, цифровое неравенство второго уровня [18, с. 643].

Федеральным проектом предусмотрены мероприятия, направленные на создание равных условий получения качественного образования вне зависимости от территории нахождения обучающихся, которое достигается путем предоставления доступа к федеральной информационно-сервисной платформе цифровой образовательной среды. Однако к концу 2024 года лишь 20% обучающихся и 40% педагогических работников, проживающих на территории Свердловской области, получат такую возможность, что, на наш взгляд, является барьером для беспрепятственного получения образования ожидаемого уровня и качества образования.

Для повышения уровня цифровой грамотности населения, прежде всего старшего поколения, органы власти могут быть заинтересованы в организации соответствующих курсов с привлечением волонтеров.

Так, для сокращения цифрового неравенства второго уровня органы власти организовывают курсы обучения основам работы с компьютером и Интернетом старшего поколения. Социальным фондом России совместно с телекоммуникационной группой ПАО «Ростелеком» при поддержке Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации реализуется учебная программа «Азбука интернета», целью которой является «качественное обучение граждан старшего поколения и людей с ограниченными возможностями основам работы с компьютером и интернетом». По данным организаторов, в 2023 году курсы компьютерной грамотности прошли 29 747 граждан пенсионного возраста из 48 субъектов Российской Федерации. По данным Социального фонда России, в России проживает 41,1 млн пенсионеров[17]. Таким образом, в учебной программе приняли участие менее 0,1% пенсионеров, что, на наш взгляд, является недостаточным.

В связи с этим, эффективность деятельности органов власти, государственных и муниципальных учреждений по нивелированию цифрового неравенства второго уровня остается на достаточно низком уровне.

Отметим опыт органов власти по повышению уровня цифровой грамотности населения. Так, в рамках проекта «Московское долголетие» в Москве на регулярной основе проводятся уроки цифровой грамотности. В проекте открыто свыше тысячи групп по компьютерной грамотности и работе на смартфоне, свыше 130 тысяч москвичей старшего поколения приняли участие в мероприятиях проекта. В результате жители Москвы имеют более развитые навыки цифровой грамотности в сравнении с жителями других субъектов.

Аналогичные курсы организованы и в других субъектах, однако степень информированности о них невелика, как следствие, не все заинтересованные граждане осведомлены о возможности участия в мероприятиях.

Начиная с 2022 года, Правительством Российской Федерации было запланировано выделение финансирования на разработку и реализацию на регулярной основе программы кибергигиены и повышения грамотности широких слоев населения по вопросам информационной безопасности, которым в последнее время все большее внимание уделяют развитые страны [19, с. 163]. Претендовать на получение субсидий могли организации, которые уже реализовывали проекты в области цифровой грамотности. Однако в связи со сложностями и комплексностью выполняемых работ, а также в целях минимизации рисков по недостижению результата или некачественному выполнению работ было принято решение о реализации программы кибергигиены посредством предоставления субсидии подведомственному государственному бюджетному образовательному учреждению. Вместе с тем, на наш взгляд, по состоянию на 2024 год эффективность реализации программы остается на невысоком уровне.

Таким образом, как для Уральского федерального округа, так и для субъектов, его составляющих, остаются актуальными все уровни цифрового неравенства. Вместе с тем цифровое не-

[17] Участниками проекта «Азбука интернета» в 2023 году стали почти 30 тысяч пенсионеров. ПАО «Ростелеком». 2024. 6 февраля. URL: https://www.company.rt.ru/press/news/d469531/ (дата обращения 16.03.2024)

равенство ведет к социальной несправедливости, тем самым ставя под угрозу стабильность государства и общества. Эти факторы свидетельствуют о необходимости нивелирования последствий цифрового неравенства путем обеспечения равного доступа к информационным технологиям и повышения цифровой грамотности и навыков у жителей субъектов. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Воробьева И. А., Костерев Р. А. Цифровая коммуникация в структуре цифрового общества // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 6-4 (120). С. 128–134. DOI 10.23670/IRJ.2022.120.6.160. EDN QITFPD.

2. Смирнов А. В. Цифровое общество: теоретическая модель и российская действительность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1 (161). С. 129–153. DOI 10.14515/monitoring.2021.1.1790. EDN SZLWQF.

3. Ростовская Т. К., Фомина О. Е. Анализ диссертационных исследований по социологии за период 2012-2022 гг. // Вопросы управления. 2023. № 5 (84). С. 67–81. DOI 10.22394/2304-3369-2023-5-67-81. EDN JTOHFI.

4. Гладкова А. А., Гарифуллин В. З., Массимо Р. Модель трех уровней цифрового неравенства: современные возможности и ограничения (на примере исследования Республики Татарстан) // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2019. № 4. С. 41–72. DOI 10.30547/vestnik.journ.4.2019.4172. EDN GZLUXO.

5. Костина Н. Б., Чижов А. А. К вопросу о разграничении понятий «цифровой раскол», «цифровое неравенство» и «цифровой разрыв» // Уфимский гуманитарный научный форум. 2022. № 1 (9). С. 56–63. DOI 10.47309/2713-2358_2022_56_63. EDN NIZYAB.

6. Банных Г. А., Костина С. Н., Сивоволов Д. Л., Томильцев А. В., Резер Т. М., Чевтаева Н. Г. Цифровизация публичного управления территорий: теория и практика : Монография. Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2022. 177 с. EDN KHRTAU.

7. Bell, T., Aubele, J. W., & Perruso, C. (2022). Digital divide issues affecting undergraduates at a hispanic-serving institution during the pandemic: A mixed-methods approach. *Education Sciences*, *12* (2), 115. https://doi.org/10.3390/educsci12020115.

8. Hargittai, E. (2002). Second-Level Digital Divide: Differences in People's Online Skills. *First Monday*, *7*(4). https://doi.org/10.5210/fm.v7i4.942.

9. Vassilakopoulou, P., & Hustad, E. (2021). Bridging digital divides: A literature review and research agenda for information systems research. *Information Systems Frontiers*, *25*(3), 955–969. https://doi.org/10.1007/s10796-020-10096-3.

10. Каменева Т. Н., Конищева Е. В., Васильева И. Н. Влияние цифровизации на профессиональную и учебную деятельность субъектов образовательного пространства современного вуза // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 1. С. 158–168. DOI 10.21869/2223-1552-2023-13-1-158-168. EDN LZGZXF.

11. Великая Н. М., Гребняк О. В. Развитие человеческого потенциала в условиях цифровой трансформации в современной России // Вопросы управления. 2023. № 2 (81). С. 33–44. DOI 10.22394/2304-3369-2023-2-33-44. EDN XWSLDJ.

12. van Deursen, A. J. A. M., & Helsper, E. J. (2015). The Third-Level Digital Divide: Who Benefits Most from Being Online?. In *Communication and Information Technologies Annual* (pp. 29–52). Emerald Group Publishing Limited. https://doi.org/10.1108/s2050-206020150000010002.

13. Ragnedda, M., & Kreitem, H. (2018). The three levels of digital divide in East EU countries. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*, (1). https://doi.org/10.30547/worldofmedia.4.2018.1.

14. Korovkin, V., Park, A., & Kaganer, E. (2022). Towards conceptualization and quantification of the digital divide. *Information, Communication & Society*, *26*(11), 2268–2303. https://doi.org/10.1080/1369118x.2022.2085612.

15. Костина С. Н., Новикова О. Н. Цифровое неравенство школьников в условиях дистанционного обучения: кейс Пермского края // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2021. Т. 21, № 3. С. 77–86. DOI 10.14529/ssh210310. EDN VPYUEX.

16. Литвинцева Г. П., Карелин И. Н. Новые виды цифровых рынков и неравенство в меж-

дународной торговле // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 16, № 10. С. 1837–1845. EDN NDVNMC.

17. Вартанова Е. Л., Гладкова А. А., Лапин Д. А., Самородова Э. В. Цифровое неравенство в современном коммуникационном пространстве России : Монография. Москва : Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2023. 187 с. EDN HCVBJI.

18. Игонина Е. В., Поваляева О. Н., Котлярова О. А. Цифровая компетентность российских учителей (результаты эмпирического исследования на примере Липецкой области) // Перспективы науки и образования. 2022. № 6 (60). С. 625–643. DOI 10.32744/pse.2022.6.38. EDN ZQMXBW.

19. Карасев П. А., Стефанович Д. В. Кибербезопасность критически важной инфраструктуры: новые вызовы // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20, № 6 (118). С. 147–164. DOI 10.31278/1810-6439-2022-20-6-147-164. EDN JXMYJX.

REFERENCES

1. Vorobyova, I. A., & Kosterev, R. A. (2022). Digital communication in the structure of a digital society. *International Research Journal*, (6-4), 128–134. https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.120.6.160.

2. Smirnov, A. V. (2021). Digital society: Theoretical model and Russian reality. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (1), 129–153. https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1790.

3. Rostovskaya, T. K., & Fomina, O. E. (2023). Analyzing dissertation research in sociology of 2012-2022 period. *Management Issues*, (5), 67–81. https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-5-67-81.

4. Gladkova, A. A., Garifullin, V. Z., & Massimo, R. (2019). Model of three levels of the digital divide: Current advantages and limitations (as exemplified by the Republic of Tatarstan). *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, (4), 41–72. https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.4.2019.4172.

5. Kostina, N. B., & Chizhov, A. A. (2022). On the issue of distinction between the concepts of "digital gap", "digital inequality" and "digital divide". *Ufa Humanitarian Scientific Forum*, (1), 56–63. https://doi.org/10.47309/2713-2358_2022_56_63.

6. Bannykh, G. A., Kostina, S. N., Sivovolov, D. L., Tomiltsev, A. V., Rezer, T. M., & Chevtaeva, N. G. (2022). *Digitalization of public administration of territories: Theory and practice*. Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. https://elibrary.ru/khrtau.

7. Bell, T., Aubele, J. W., & Perruso, C. (2022). Digital divide issues affecting undergraduates at a hispanic-serving institution during the pandemic: A mixed-methods approach. *Education Sciences*, *12*(2), 115. https://doi.org/10.3390/educsci12020115.

8. Hargittai, E. (2002). Second-Level Digital Divide: Differences in People's Online Skills. *First Monday*, *7*(4). https://doi.org/10.5210/fm.v7i4.942.

9. Vassilakopoulou, P., & Hustad, E. (2021). Bridging digital divides: A literature review and research agenda for information systems research. *Information Systems Frontiers*, *25*(3), 955–969. https://doi.org/10.1007/s10796-020-10096-3.

10. Kameneva, T. N., Konishcheva, E. V., & Vasilyeva, I. N. (2023). The impact of digitalization on the professional and educational activities of the subjects of the educational space of a modern university. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, *13*(1), 158–168. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-1-158-168.

11. Velikaya, N. M., & Grebnyak, O. V. (2023). Human potential development in the context of digital transformation in modern Russia. *Management Issues*, (2), 33–44. https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-2-33-44.

12. van Deursen, A. J. A. M., & Helsper, E. J. (2015). The Third-Level Digital Divide: Who Benefits Most from Being Online?. In *Communication and Information Technologies Annual* (pp. 29–52). Emerald Group Publishing Limited. https://doi.org/10.1108/s2050-206020150000010002.

13. Ragnedda, M., & Kreitem, H. (2018). The three levels of digital divide in East EU countries. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*, (1). https://doi.org/10.30547/worldofmedia.4.2018.1.

14. Korovkin, V., Park, A., & Kaganer, E. (2022). Towards conceptualization and quantification of the digital divide. *Information, Communication & Society*, *26*(11), 2268–2303. https://doi.org/10.1080/1369118x.2022.2085612.

15. Kostina, S. N., & Novikova, O. N. (2021). Digital divide in distance learning: The case of Perm

krai. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities*, *21*(3), 77–86. https://doi.org/10.14529/ssh210310.

16. Litvintseva, G. P., & Karelin, I. N. (2023). New types of digital markets and inequality in international trade. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, *16*(10), 1837–1845. https://elibrary.ru/ndvnmc.

17. Vartanova, E. L., Gladkova, A. A., Lapin, D. A., & Samorodova, E. V. (2023). *Digital Inequality in The Modern Communication Space of Russia*. Lomonosov Moscow State University. https://elibrary.ru/hcvbji.

18. Igonina, E. V., Povalyaeva, O. N., & Kotlyarova, O. A. (2022). Digital competence of Russian teachers (results of an empirical study on the example of the Lipetsk region). *Perspectives of Science and Education*, (6), 625–643. https://doi.org/10.32744/pse.2022.6.38.

19. Karasev, P. A., & Stefanovich, D. V. (2022). Cybersecurity of the critical infrastructure: New challenges. *Rossia v Global'noj Politike*, *20*(6), 147–164. https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-6-147-164.

Научное издание

Журнал выходит 6 раз в год

Учредитель:
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»**
*119571, Россия, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино,
пр-кт Вернадского, д. 82, стр. 1*

Издатель:
Уральский институт управления – филиал РАНХиГС
620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66

Адрес редакции:
620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66

Адрес эл. почты: management-ui@ranepa.ru
https://journal-management.com/

Компьютерная вёрстка: Д. И. Трушков
Корректура: Л. В. Ким
Перевод: Э. Э. Недоросткова

При перепечатывании ссылки на «Вопросы управления» обязательна

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-85748 от 25.08.2023

Дата выхода в свет: 30.08.2024. Формат 60×84/8.
Гарнитура Minion. Усл. печ. л. 11,20. Уч.-изд. л. 10,92. Тираж 999.
Цена свободная

Отпечатано в ООО Издательство и Типография «Альфа Принт».
Адрес: 620049, г. Екатеринбург, пер. Автоматики, 2ж. Заказ № _____